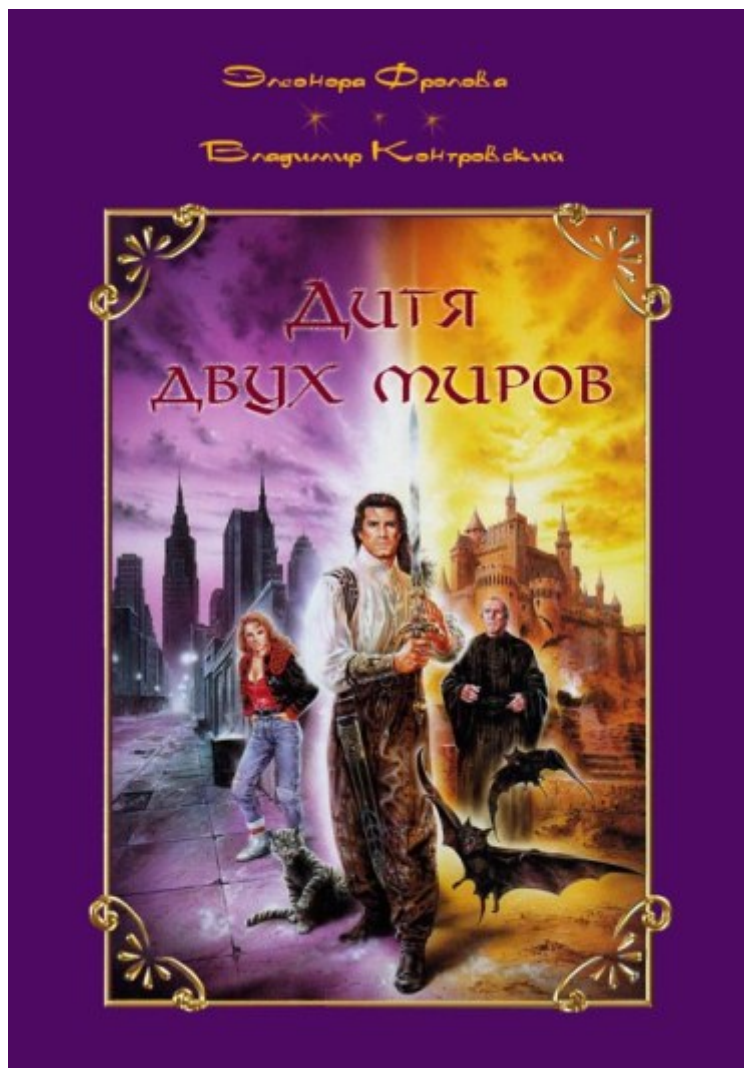

Элеонора Фролова Владимир Контровский Дитя двух миров

Невеста эльфийского короля – 2

Аннотация

Второй фэнтези-роман молодой питерской авторессы Элеоноры Фроловой (в соавторстве со Владимиром Контровским). Продолжение «Невесты эльфийского короля».

**Элеонора Фролова
Контровский Владимир
Дитя двух миров**

Пролог

В босоножках противно хлюпало.

Ноги я промочила, верняк. И это называется лето? Ага, счаз! Лето у нас в Питере плохое, но короткое, а в этом году оно вообще какое-то недоделанное. По радио обещали: мол, вот-вот грянет «вспышка тепла», и мы наконец-то насладимся клёвой погодой, однако

все эти обещания так и остались пустым трёпом средств массовой информации. Холод никак не желал отступать, а дожди наоборот — как с цепи сорвались. Нет, я, конечно, не ждала тропической жары, но чтоб в июле не вылезать из джинсов — это уже перебор.

Ветер трепал верхушки деревьев, а серое небо над головой очень гармонировало с моим настроением. Ну что за жизнь гадская...

Поскольку я девочка умненькая (вы это наверняка помните), я вовсе не надеялась, что издатели сразу и вдруг примут меня с распростёртыми объятьями — наслышана я была об их нравах и порядках. Нет, объятья мне вообще-то предлагались (и весьма недвусмысленно), но не в смысле, а в смысле, тьфу, то есть, не в том смысле, а в другом. То есть нет, в том самом, но не в том, который... Ладно, расскажу по порядку, а то я сама уже запуталась.

Роман свой я нащёлкала за месяц — двенадцать авторских листов, как с куста (это любимый размер нынешних книгоиздателей — оптимальное соотношение себестоимости и цены называется). Адреса издательств (прежде всего питерских, чтоб можно было дойти туда ножками) я нарыла в Интернете и кое-что вызнала другими путями. У нас в универе (я уже, кажется, говорила) шустрые ребята графоманят потихоньку под сочными псевдонимами — пишут всякие там детективы, космические боевики «бластера энд блокбастера» и фэнтези «меча и кирпича». Халтурка, так сказать, — не очень чтобы денежно, но не так чтобы очень пыльно. Джентльмен в поисках десятки, как говорил Остап Бендер — самый пройдошистый персонаж всех времён и народов. Сильно на этом не приподнимешься, но на оттянуться разок-другой хватит.

Вот у этих мальчиков я и вытянула всю нужную мне информацию: где какая рыба и почём. Охмурить такого юношу — плёвое дело: они ведь элементарную улыбку с лёгким эротическим оттенком воспринимают как полноценный многообещающий аванс. Жертвы гормонов-феромонов, что с них возьмёшь...

Короче, всеми необходимыми сведениями я располагала: знала о том, что новый автор для издателя никто и звать никак (мясо, как они выражаются); что надо вписываться в какую-нибудь существующую серию; что желательно гнать бесконечные продолжения, ориентированные на вполне определённую целевую аудиторию; и тэ дэ, и тэ пэ. В общем, я подошла к вопросу очень обстоятельно.

Затык пришёл, откуда не ждали: стереотипный «шадевер» не желал рождаться — ну никак! Я выжимала из себя строчку за строчкой — ну кисонька, ну ещё капельку! — а в итоге получался какой-то ужоснах. Я не сдавалась, упорно переписывала и переделывала, однако очень скоро поняла, что толку от этого моего самоизнасилования — ноль-ноль. Вроде бы и выходило нечто похожее на привычный ширпотреб, от которого ещё совсем недавно я тащилась, но... И сопротивление ощутимо нарастало по мере увеличения объёма текста — чем дальше в лес, тем злее лешие. И тогда я плюнула и решила написать так, как оно было на самом деле.

И попёрло! Текст потёк весенним ручейком, бойко перепрыгивая через лексические и стилистические камушки. Я без всякого напряжения выдавала в день до тридцати тысяч знаков с пробелами — роман рождался прямо на глазах. Я млела.

Работа мне не мешала. Когда в отсутствие шефа другие девчонки на фирме чатились в Интернете или шарились по сайтам знакомств, я создавала свою нетленку. На мой рабочий комп, понятное дело, я левый файл не скидывала — работала прямо с флэшкой. С некоторых пор у нас завелось недрёманное око босса — селёдкообразная особь по имени Ксюха. Посетив пару раз постель нашего любвеобильного директора, эта дура возомнила себя чуть ли не его законной женой, и теперь вдохновенно стучала ему на нас на всех, надеясь таким образом закрепить в упомянутой койке. Ну-ну, блажен, кто верует...

Одолеваемая писательским зудом, всё свободное время я тоже посвящала созданию своего романа — меня почему-то не тянуло ни на какие тусовки. Кристина просто балдела, когда я в очередной раз отказывалась прошвырнуться с ней на дискотеку. «Ты не заболела, Алинка?» — участливо спрашивала она, а я в ответ только загадочно ухмылялась. Хотя мне самой иногда было удивительно: что это со мной творится? Уж не подцепила ли я в самом-то

деле какую-нибудь экзотическую эххийскую заразу, давшую осложнение на мозги? Я ведь даже на парней перестала смотреть плотоядно (а это, честно говоря, совсем уже непонятно). Дошло до того, что мне начали сниться «весёлые» сны, причём с завидным постоянством героем этих моих порнографических сновидений снова и снова был ни кто иной, как маркиз, то есть герцог, Хрум де Ликатес. И я бы дорого дала, чтобы эти сны стали реальностью — не иначе как это действовала магия параллельного мира, блин горелый...

И всё-таки я отшивала клеившихся ко мне парней — как заклинило. И они это начали чувствовать заранее — мой рейтинг существенно снизился. Тут какое-то природное правило замешано, я так думаю: мужики спинным мозгом чувствуют, чего можно ждать от женщины, и если от девчонки зовущие флюиды не исходят ни в каком диапазоне, то будь она хоть какая красавица-раскрасавица, мужчины внимания на неё обратят не больше, чем на мраморную статую — типа, ну, красивая, а толку-то? По-простому это называется «если сучка не захочет, кобель не вскочит», как сказал один литературный классик. И ведь верно подметил, гад...

Однако нет правил без исключений. Нежданно-негаданно прорезался Славик — я уже и думать забыла о его существовании. Сначала он доставал меня по всем телефонам (звонил и на фирму, и домой), а когда я заблокировала все его номера (не хочу ни видеть, ни слышать эту сволочь мордобойную), этот дебил не придумал ничего лучше, как заявиться ко мне, да ещё с букетом цветов и с бутылкой шампанского — типа помириться желаю: вернись, я всё прощу. А он меня спросил, прощаю ли я его, а?

Да, я совсем забыла сказать, что в личной жизни моей маман произошли некоторые изменения — с недавних пор в нашей квартире поселился Петрович. Уж не знаю, где маманя его отрыла, но факт остаётся фактом: он вошёл в нашу жизнь и прочно в ней обосновался. Ему было под полтинник, а если учесть, что люди — не эххи, я с полным правом считала его стариком. Бывший офицер (каких войск — не знаю, знаю только, что по молодости он воевал ещё в Афгане, а потом ещё где-то, благо «горячих точек» у нас в стране хватало), крепкий молчаливый мужик со шрамом на левой щеке, Петрович чем-то неувлимо отличался от всех моих знакомых особей мужского пола — была в нём какая-то обстоятельность и надёжность. Я не слишком интересовалась его прошлым, но от матери узнала, что жизнь потрепала этого дядю по полной программе. Маманя вовсе не уводила его из семейного стойла — Петрович остался в безжённе ещё в середине девяностых, когда офицеры бывшей «непобедимой и легендарной» оказались никому не нужны. Однако он не спился и сумел удержаться на ногах — на кого попало моя очень разборчивая маман вряд ли положила бы глаз.

Поначалу я приняла это явление Христа народу скептически и (чисто из вредности) решила проверить его на всхожесть (ну, вы понимаете, что я имею в виду). Я начала шастать по квартире в неглиже, в полузастёгнутом халатике, ненароком и как бы случайно попадаясь на глаза Петровичу. Я ловила на себе его взгляды, в содержании которых ошибиться никак не могла, и как-то раз, когда он сидел на кухне и пил чай (маманя была в магазине), я взяла да и ненавязчиво прижалась к нему бедром, очень естественно сдвинув локтем полу халата.

Петрович поднял на меня глаза (они у него были серыми — точь-в-точь как у Хрума), секунду смотрел на меня, словно впервые увидел, а потом очень спокойно сказал:

— Не шали. Я люблю твою мать — ясен тебе расклад?

Я отскочила от него как ошпаренная, и с тех пор зауважала своего как бы папу и даже почувствовала что-то вроде зависти: ну почему мне не попадаются такие мужики?

К чему я это всё говорю? А к тому, что когда ко мне заявился этот ушлёпок Славка, Петрович был дома. Нет, он тактично не выползал в коридор, где мы выясняли отношения с моим бывшим возлюбленным (в комнату я Славика не пустила), но, как выяснилось, стоял на страже мира во всём мире и держал ухо востро. И, как выяснилось, не зря.

Славка убалтывал меня долго и нудно — дошло даже до того, что он предложил мне руку и сердце (очень мне нужны эти его запчасти!), если я не хочу возобновления наших с ним прежних вольных отношений. В конце концов мне всё это надоело, и я коротко и ясно

объяснила ему, куда и с какой скоростью он должен отсюда двигать, причём безвозвратно. Как и следовало ожидать, Славик взбесился: грубо схватил меня за руки и наградил парой эпитетов на самом распространённом диалекте великого и могучего русского языка — на матерном. Мне сразу поплохело (даже глаз тупо заныл, и захотелось заплакать от злости и бессилия), но тут в коридор вышел Петрович.

Посмотрел вприщурку на покрасневшего от ярости парня и сказал — как всегда, очень негромко:

— Оставь девочку в покое. Не нужен ты ей — неужели тебе это не понятно?

Славка смерил Петровича недобрым взглядом — мол, это ещё что за хрен моржовый? — и добавил ещё парочку сочных идиом, но уже адресованных не перепуганной мне, а моему типа папане. Славка вообще всегда был склонен преувеличивать свои физические таланты, и не принял какого-то старого пня за серьёзного противника. А зря.

Дальнейшее напоминало лихой боевик. Я и ахнуть не успела, как Славик, здоровый накачанный бугай, вылетел в двери (и когда Петрович успел их открыть?) спиной вперёд. На лестнице он хряснулся хребтом о перила, взревел и кинулся в уже нешуточную драку. Хре на — драка не состоялась за явным преимуществом одной из сторон. Петрович перехватил взбешённого парня в дверях, подался вбок, сделал неуловимое движение, и несостоявшийся жених кубарем покатился вниз по лестнице. Я даже забеспокоилась (не за него, ясен пень, а за моего защитника) — как бы он не сломал бы себе чего? Отвечай потом за этого придурка...

Однако всё обошлось — Славка поднялся на межэтажной площадке, помотал башкой, и я (выглядывая из-за широкой спины своего как бы папаша) увидела в его налитых дурной кровью глазах искреннее недоумение и... уважение. Потом он пробурчал что-то себе под нос и побрёл вниз — не оглядываясь. Я облегчённо вздохнула.

Букет я выбросила, а шампанское (трофей, как-никак!) мы распили втроём с маманей, вернувшейся с занятий с вечерниками. И чокаясь с Петровичем, я впервые назвала его по имени: Алексей.

Но это всё лирика, а суровая правда жизни состояла в том, что написать роман — это даже не полдела, а гораздо меньше. Несмотря на всю мою подготовку, в издательствах я терпела одно фиаско за другим. При личных контактах, затрачивая немалые усилия и пуская в ход всё своё обаяние, мне иногда удавалось добиться прочтения моего творения, однако дальше этого дело не шло. Ответы были стандартно-неопределёнными: нет серии, в которую вписался бы ваш роман; редакционный портфель забит на полгода вперёд; тематика может оказаться невостребованной, потому как много сейчас такого похожего; и прочее в том же духе. А сегодня я потерпела полное и сокрушительное поражение...

Редактор посмотрел на меня тусклым взглядом, в котором однозначно просвечивала скука и полнейшее разочарование в умственных способностях всего человечества — типа, ну вот, ещё одна великая писательница нарисовалась на мою голову. В глазках его мелькнул огонёк интереса, однако я не обольщалась: интерес этот относился к моему полу, возрасту и внешности, а вовсе не к моим литературным типа талантам. Я подготовилась к этой встрече должным образом: надела полную боевую раскраску и сменила джинсы на короткую юбку — обнажённые колени действуют на мужиков эффективнее обнажённого меча. Но при этом я помнила, что явилась не на конкурс «Мисс кофемолка», и старалась соблюсти точный баланс между умом и красотой. Тут ведь как — мужчины терпеть не могут умных женщин, хоть чуть-чуть похожих на красивых женщин, а с другой стороны — смотрят с лёгким презрением на пустоголовых «моделек» (мол, что с них взять, кроме этого самого).

Похоже, нужный коктейль у меня получился: редактор вспомнил, кто я такая, и нашёл распечатку моего романа. Я насторожённо следила за всеми его движениями и заметила, как в его лице что-то дрогнуло, когда он взял мою рукопись.

— Знаете, — проговорил он ватным голосом, — вы определённо небесталанны, но...

«Ну вот, — обречённо подумала я, — опять двадцать пять за рыбу деньги...».

А редактор посмотрел на меня и произнёс менторским тоном:

— Написано хорошо, со злой иронией, но нам это не подходит.

— Почему?

— Почему? А потому что вы, Алина, нарушаете правила игры. Вы можете представить себе рекламный ролик «Не смотрите рекламу, пока у вас осталась хоть капля мозгов!»?

«Понимаю, не дура, — подумала я с нарастающей злостью. — Какой висельник будет рубить сук, на котором он висит?».

— Наш читатель не воспримет вашу книгу. Он на неё обидится, и мы понесём убытки. Оно нам надо?

Я промолчала.

— Однако в вас есть божья искра, — в голосе редактора проклюнулись отеческие нотки, — и я хочу предложить вам сотрудничество. Мы будем задавать темы, а вы будете писать — в нужном нам формате. Вы владеете языком и своеобразным авторским стилем — у вас будут и тиражи, и заработок. Подумайте, Алина.

«Во, блин, — ошарашено подумала я, — так меня ещё ни разу не соблазняли...».

И тут я почувствовала, как взгляд редактора намертво прилип к мои коленкам.

«Так вот оно что... С этого и надо было начинать, козлина...».

И я не ошиблась.

— К сожалению, у меня сейчас масса работы. Давайте, — голос редактора сделался вкрадчивым, — встретимся с вами вечером, часов в семь. Посидим у нас в литературном кафе — это на первом этаже — и всё обсудим... в неформальной обстановке. Придётся?

— Нет, не приду. А ещё скажу мужу, и он...

— А кто у нас муж?

— Спецназовец. Горел в танке, падал в сбитом вертолёте, душил террористов голыми руками. Сейчас в отпуске, проходит реабилитацию — излечивается от постоянного желания убивать всех подряд.

— Предупреждать надо...

Я ожидала, что этот как бы Казанова и дальше будет цитировать артиста Миронова из «Обыкновенного чуда», но он, похоже, или не захотел извиняться, или просто не смотрел этот фильм. Ничего удивительного — ребята говорили, что издатели «фаст-рида» сами ничего не читают и не смотрят — нет у них на это ни времени, ни желания.

Глаза редактора похолодели, хотя то, что он испугался, было видно невооружённым глазом.

Больше говорить нам было не о чём.

...Подходя к дому, я от души выматерилась: поперёк дороги разлеглась совершенно необходимая лужа. Вот ведь жизнь паскудная — асфальт настелили совсем недавно, а лужи уже тут как тут! Вечно у нас всё через задницу...

Однако матюги — это вам не эххийские заклинания, левитации не способствуют, а для форсирования этой лужи нужны были ласты, а не босоножки. Ладно, нормальные герои всегда идут в обход. Земля на газоне раскисла и превратилась в липкую грязь, и трава мокрая, но ноги я всё равно уже промочила насквозь, так что хуже уже не будет.

Я осторожно поставила ногу на поребрик — не хватало ещё поскользнуться! — и тут увидела ворону. Здоровенная серая птица сидела на дереве и с интересом смотрела на меня сверху вниз.

Надо сказать, что после визита одной такой пернатой твари, до смерти перепугавшей меня вскоре после моего возвращения из Эххленда, моё отношение к воронам стало очень уважительным. Ворон в округе было много, и я постоянно к ним приглядывалась, помня слова боевого мага Хрума де Ликатеса «можем обернуться и птицей, и кем-нибудь ещё — всё зависит от конкретной ситуации». Птицы, конечно, интересные — и умные! — однако ничего мистического в их поведении я с тех пор не замечала. Но эта ворона, сидевшая на дереве, была какой-то необычной — это я почувствовала. Неужели...?

— Что смотришь, курица? — спросила я дрогнувшим голосом. — Интересно, да? А я тебя не звала — не нужны мне эти ваши эххийские чудеса и прибабасы, так и знай! Вы

меня выгнали, так не фиг теперь за мной шпионить — оставьте меня в покое! У-у-у, тварь, камня на тебя нет...

Ворона наклонила голову набок — огоньком блеснул круглый глаз, — но не улетела, а продолжала меня разглядывать: в упор, зараза такая.

— Ну что вам от меня ещё надо? — я поняла, что сейчас разревусь. — Мне ваш Эххленд и так каждую ночь снится, а тут ещё ты перья топорщишь... Издеваешься, да? Сволочи вы, эххи, и больше никто...

Ворона присела на ветке, вытянула шею и каркнула. У меня закружилась голова, и я мягко осела на газон.

И опустился бархатно-чёрный занавес. Обморок называется.

Глава 1

Запах — отпад (в смысле, вдохнёшь и вырубись, причём надолго). Но так как я уже пребывала в отключке, и вырубаться дальше мне было уже некуда, я решила придти в себя.

Сердце вертелось и прыгало: неужели я снова в Эххленде? Именно такой была моя первая мысль, как только я вынырнула из душного беспамятства. Но этот чёртов запах — не очень-то он походил на цветочный аромат полянки в Роще Порталов. Пахло медициной, и не пахло даже, а воняло! Это меня насторожило — что-то тут не так, — и поэтому я не спешила открывать глаза, а сначала принялась и прислушалась.

Пахло лекарствами (кто хоть раз был в любой нашей больнице или поликлинике, тот поймёт, что это за изысканный букет). И ещё что-то звякало, и доносились негромкие голоса — кто-то кому-то что-то говорил, хотя слов было не разобрать. Я лежала на чём-то мягком, но явно не на траве, и под головой у меня была, похоже, самая обыкновенная подушка, от которой тоже несло чем-то очень медицинским.

Я открыла глаза.

Нет, это не Эххленд — это гораздо хуже.

Вместо голубого неба я увидела белый потолок, а вместо живой зелени деревьев — стены унылого бледно-салатного цвета. Больница это, а никакой не параллельный мир...

Я чуть повернула голову. Возле стеклянного шкафа, набитого банками-склянками, толстая тётка в белом халате что-то втолковывала стоявшему рядом с ней мужику в таком же прикиде; её малочленораздельное бормотание напоминало жужжание крупной мухи. Я снова закрыла глаза, отчаянно надеясь, что наваждение рассеется, и я всё-таки увижу Эххленд, но мои надежды не оправдались — облом называется.

— Ну что, пришли в себя? — услышала я.

Мужик в халате заметил, что я шевельнулась, и прервал свою беседу с мухой.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он профессионально-равнодушно.

— Как в раю, — угрюмо буркнула я. — Как я сюда попала?

Всё оказалось не просто, а очень просто. Свидетелем моего выпадения в бессозначку оказалась бабулька, наблюдавшая из окна своей квартиры на первом этаже за кошками, бродячими собаками, прохожими и прочими явлениями живой природы. Установив, что подниматься с мокрой травы я вроде не собираюсь, бабуля тут же позвонила в «скорую». По стечению обстоятельств, дежурная больница находилась неподалёку, и белый «фордик» с проблесковым маячком на крыше оперативно прибыл на место происшествия. Короче, не успела я придти в себя, как уже оказалась на больничной койке.

— Ничего страшного, — успокоил меня врач, изложив всю эту предысторию, — простой обморок. Обычное дело в вашем положении, девушка.

— В каком таком положении? — насторожилась я.

— Как это в каком? — удивился наёмник Гиппократ. — Беременны вы, милочка, — на третьем месяце. Для вас это новость?

Если бы я не лежала, то точно бы упала. Новость... Это уже не новость, это удар по башке: тяжёлым тупым предметом вроде крышки того люка, через который я провалилась в

другое измерение. Вот это номер...

— Так мне можно идти? — Я села на койке, собрала мысли в кучу и вытащила из этой кучи ключевые слова «ничего страшного».

— Можно. Но лучше бы за вами приехали. Есть у вас муж-друг? — доктор хитро прищурился.

— Найдётся, — отрезала я, пресекая на корню его ненужное любопытство.

Однако любознательный эскулап прав — надо позвонить маме или дяде Лёше, а то от таких сногсшибательных новостей я по новой грохнусь в обморок, не доходя до дома.

Мама лишних вопросов не задавала, приехала быстро, и мы с ней незамедлительно покинули гостеприимные больничные стены. По дороге я отмалчивалась, решив отложить сенсацию на потом (а то ещё неизвестно, кого придётся везти обратно в больницу — меня или мою маман). Кроме того, мне надо было разобраться в ситуации и понять, как это я так лихо залетела.

Надо сказать, что в сексе я всегда неукоснительно придерживаюсь принципа «safety first», что по-английски значит «безопасность превыше всего». Рассудительность не мешает чувственности, а мозг — это очень важный половой орган. И бог (тот самый, который с луком и с крылышками, Эрос его фамилия) миловал — я ещё не разу (в отличие, скажем, от той же моей сильно невезучей Кристины) не попадала в «интересное положение». И вот на тебе, попала. Но самое главное — после моего возвращения из Эххленда я ни разу ни с кем не того. Да и по времени — доктор сказал «на третьем месяце». Но тогда... Тогда это значит... Нет, этого не может быть, потому что не может быть никогда!

А почему, собственно говоря, «не может быть»? Ещё как может! Я вспомнила свои ощущения, испытанные в объятьях Шумву-шаха (а ещё раньше — в объятьях дракона Коста-Лома), и поняла: может, да ещё как — на меня так накатило, что я беспокойно заёрзала на сидении «маршрутки».

— Тебе нехорошо, доченька? — тут же участливо спросила мама.

— Мам, всё путём, — я поспешила её успокоить и вернулась к своим размышлизмам.

Итак, следуя законам логики, мы имеем двух претендентов на титул «виновник торжества», он же счастливый папаша: крылатого разбойника Костю и эльфийского короля. И вероятнее всего, мой ребёнок — это дело рук (то есть не рук, а... ну, вы понимаете) Шумка: я была королевой Алавой почти полгода, и если бы моя предыдущая гаремная жизнь не прошла бесследно, то результат за это время проявился бы, стопудово. Правда, есть и ещё один вариант: я попала в Эххленд уже в беременном состоянии (я лихорадочно перебрала в памяти свои интрижки до того как — тут вполне мог быть замешан Славка). С одной стороны, логично: я ведь вернулась домой почти в то же время, в которое провалилась в люк. Но с другой стороны — нет, не сходится. Я жила в Эххленде нормальной жизнью: ела, спала и всё остальное-прочее — вся физиология (в том числе и женская) работала у меня как положено. А это значит, что я всё-таки унесла с собой эххийский подарок (да ещё какой!). Как там сказал мне на прощанье его эльфийское величество — «Что бы ты хотела оставить себе на память об Эххленде?». Ну-ну, знал бы этот белокрылый тип, что я себе оставила на память...

По приезде домой я сначала основательно перекусила, и только потом, на сытый желудок, приступила к делу. Я ожидала от мамани потоков слёз и заламывания рук, но она восприняла моё сенсационное сообщение более чем адекватно — я даже удивилась.

— Вот и хорошо, — очень спокойно сказала она. — Стану из потенциальной бабушки бабушкой реальной.

— Мам, ты чего? — возмутилась я. — Совсем с крышей поссорилась? Какая бабушка? Это же вся жизнь наперекосяк! Нячиться со спиногрызом, играть в нищую мать-одиночку — вот только этого мне и не хватало для полноты счастья! Сказ, разбежалась! Сделаю аборт — и точка!

— Какой аборт, Алиночка? На таком сроке? Ты что, хочешь себя изуродовать на всю оставшуюся жизнь? Локти потом кусать будешь: захочешь родить, да не тут-то было, поезд

уже ушёл.

— Да в гробу я видела эти твои поезда! — я еле сдерживалась, чтобы не перейти на энергичный матерный — маманя его терпеть не может. — Я вообще рожать не собираюсь — ни-ког-да!

— Дурочка, — мягко сказала мама и погладила меня по голове. — Какие твои годы? Не зарекайся, жизнь — она длинная.

Я только сердито сопела. «Всё равно сделаю по-своему...».

— А кто отец? — осторожно поинтересовалась маман, подождав, пока моё сопение не сделалось более мирным. — Тот мальчик, которого Лёша...

— Нет, — коротко буркнула я.

— Я его знаю?

— Нет.

— Он живёт здесь, в Петербурге? — не отставала потенциально-реальная бабушка.

— Нет, — я криво усмехнулась. — Он живёт далеко — очень далеко. Так далеко, что...

— Но хоть алименты с него получить можно?

Вот тут, несмотря на своё мрачное настроение, я чуть не расхохоталась. Хотела бы я знать, каким это макарон можно требовать алименты с короля неведомого параллельного мира, находящегося хрен знает где? И чем он будет их платить? Разве что маной — денег-то у эххов не водится! Хотя если бы его эльфийское величество соизволил сотворить для меня (и, между прочим, для своего отпрыска тоже) миллиончик «убитых енотов», я бы от них не отказалась. Но это уже типа фантастика, причём ненаучная.

В общем, мы ещё долго препирались, и когда пришёл Петрович, он застал нас обеих основательно зареванными. Узнав, в чём причина слезоразлития, он подвёл итог решительно и веско.

— Не дури, Алина. Рожай. Выкормим. «Мерседес» твоему детёнышу я не обещаю, но с голоду он не пропадёт, и человеком станет. Я видел, как умирают люди, — пусть лучше они рождаются.

Я не стала с ним спорить, но и принятого решения не изменила. То есть от аборта-то я отказалась (маманя всё-таки меня убедила), но есть ведь и другие способы — например, не забирать ребёнка из роддома, а отказаться от него прямо там, не отходя от кассы.

Вопрос «Кто отец?» остался открытым. Посудите сами, не могла же я рассказать маме и Алексею о своих фэнтезийных приключениях (я об это вообще никому не рассказывала). В результате такого откровения я оказалась бы в психушке, однозначно, причём они упекли бы меня туда исключительно из гуманных соображений — как бы моей же пользы для. Тяжело с этими стариками — уж больно мозги у них замшелые.

Но Кристина меня таки расколола, точнее, я раскололась сама (честно говоря, давно хотелось).

Узнав, что я залетела, она сначала ахала и охала, потом принялась делиться своим богатым опытом выхода из подобных ситуаций, а когда я сказала, что поздно пить боржоми, призадумалась. Вот тут наш разговор и свернул на мою невероятную историю — я выложила Кристе всё, как на духу.

Реакция моей задушевной подруженьки была своеобразной.

— И где ты такую траву берешь? — протянула она участливо и в то же время с оттенком зависти. — Вот это глюки...

— Чёрные глюки, — фыркнула я. — Ты что, типа мне не веришь? Не догоняешь? Я же тебе правду рассказала! Думаешь, почему я свой роман так быстро написала? Да потому что это дневник, в натуре. А ты думала что, я великая писательница земли русской, сюжеты сами в голову прыгают? Ага, счаз...

Кристина смотрела на меня ошалело, и я так и не поняла, поверила она мне или нет. Ну и ладно, не очень-то и хотелось...

Зато директор нашей конторы по безотходному производству денег на пустом месте, когда я в конце лета сообщила ему о том, что намерена в скором будущем уйти в декретный

отпуск, поверил. Вопрос своей возможной причастности к факту моей беременности шефа не волновал (за всё время работы в фирме мне как-то удалось избежать его пылкой страсти, да он не сильно и настаивал — в избытке хватало куда более покладистых), но и платить мне он явно не собирался.

Подумав и прикинув в уме дебет-кредит, он посмотрел на меня змеиным взглядом и предложил уволиться по собственному желанию.

— Нет, — решительно заявила я. — Я честно работала на вас три с лишним года, и хочу получить то, что мне причитается. По закону, между прочим.

— Закон, что дышло, — гаденько ухмыльнулся босс. — Не гони волну, девочка.

Меня окатило жаром. Стены кабинета растаяли, и на их месте проступил лес — дикий и незнакомый. А посередине этого леса, наполненного звуками и запахами, стояла я (или не совсем я?). В моей руке (или не моей? рука была крепкой и мускулистой) был зажат грубо обработанный острый камень, у ног лежала подбитая крупная птица (и я знала, что это я её сбила), а прямо передо мной присел на задние лапы серый зверь — то ли волк, то ли шакал, то ли дикая собака. Зверь глухо ворчал и скалил зубы. Он явно претендовал на мою добычу, но я не собиралась её уступать, потому что (я это тоже знала) меня ждал мой детёныш, который хотел есть. И я тоже оскалила зубы и зарычала, крепко сжимая своё примитивное оружие. И зверь не прыгнул — он взрыкнул, клацнул зубами, развернулся и исчез в густых зарослях. Я перевела дух, и окружавший меня первобытный лес начал таять, пока не исчез совсем. Я снова сидела в директорском кабинете.

И тогда я посмотрела директору прямо в глаза и отдельно и чётко произнесла:

— Я хочу получить деньги, которые мне причитаются, и я их получу. Я давно работаю в вашей фирме, и многое знаю. И я хочу, чтобы мой ребёнок был сыт. Не будем ссориться — вам же дороже выйдет.

Момент был опасный — в глазах босса заплескали зловещие огоньки. Но эта сволочь умела считать и поняла, что если он попытается заткнуть мне рот, это действительно может обойтись ему куда дороже. А самое главное — его сбила с толку моя решительность: совсем как того первобытного зверя, десятки тысяч лет назад покушавшегося на пищу, которую я добыла для своего детёныша. Реинкарнационная память, блин горелый...

Дорабатывая оставшееся до отпуска время, я держалась настороже — запросто могут подставить напоследок. Однако всё обошлось, и деньги я получила. Правда, на моё место тут же взяли другую девчонку, но это меня огорчило не сильно — я всё равно не собиралась сюда возвращаться.

Глава 2

Прихватило меня, естественно, ночью — закон подлости никто не отменял. Однако дядя Лёша оказался на высоте — привык к ночным тревогам. Пока маманя помогала мне одеться (на улице вовсю падал снег), он быстренько прогрел свою выдавшую виды «ауди» (вообще-то машина была не его, а фонда бывших офицеров, где Петрович работал, но он пользовался ею постоянно), помог нам забраться на заднее сидение и дал по газам.

— Лучше я сам тебя отвезу, дочка, — сказал он, поглядывая на меня в зеркальце заднего вида, — знаю адрес. Одного моего сослуживца невестка недавно там родила — проверено. А то по «скорой» попадешь невесть куда, что там да как — кто его знает?

Меня уже вовсю колбасило, но слова дяди Лёши помогли мне больше, чем мамина рука, лежавшая на моих плечах. Дочка... Меня ещё никто и никогда (мама не в счёт) так не называл — по-настоящему, а не мимоходом. «Дочка» — как это, оказывается, приятно...

Водить Петрович умел — Шумахер отдыхает, — но сейчас он мчался хоть и быстро, но не сломя голову. Не то чтобы он опасался ночных охотников из гибэдэдэ — просто не хотел рисковать. Дороги в Питере хоть и привели более-менее в порядок, однако по тому самому закону подлости, который никто не отменял, могла попасться под колесо какая-нибудь особо подлая колдобина.

В общем, мы успели — рожать в машине мне не пришлось.

В приёмном покое крупная рыжая тётка в белом халате окинула Петровича зорким оком.

— А вы кто, собственно, будете? — подозрительно поинтересовалась она.

— Дедушка, — отвечал дядя Лёша. — Будущий.

— Угу, — неопределённо буркнула рыжая в белом: типа, знаем таких дедушек, охочих до девушек. — Ждать будете?

— Буду, — коротко бросил Петрович, ища глазами, где бы сесть.

Дальнейшей дискуссии я не слышала — отчаянно трусившую меня повели наверх.

Если вам скажут, что рожать — это райское наслаждение, плюньте в рожу такому агитатору. Плющило меня не по-детски — как будто какой-то садюга выворачивал наизнанку. Ну почему природа так несправедлива? Кататься мужики соглашаются с очень большой охотой — сами зазывают, — а как дело доходит до саночки возить, так отдуваться приходится бедным нам. Я прокляла всё на свете, измучилась по самое некуда, и даже не заметила, как всё кончилось — это получилась почти неожиданно.

— Сын у вас, — сказала акушерка, показывая мне крохотное тельце. — Поздравляю!

Я только слабо кивнула, уплывая в сонную дрему...

Проснувшись я уже в палате, где кроме меня было ещё пять штук баб разной масти и возраста. Они успели скорешиться между собой и активно обсуждали свой новый статус. Я разбирала отдельные слова, но вмешиваться в счастливую воркотню этих глупых куриц у меня не было ни малейшего желания. Отвернувшись носом к стенке, я думала, и мысли мои были невесёлыми.

Забирать ребёнка мне никак нельзя — это было ясно как божий день при хорошей погоде. Кто я есть на земле нашей грешной? Ни типа работы, ни как бы мужа — что я буду делать с этой крохой в гордом одиночестве? Родовые муки — это только увертюра (я о них уже и забыла), а вот все эти предстоящие визги-писки-какашки-болячки... На моей молодой жизни можно ставить большой и очень жирный крест — куда я с четырёхкилограммовым камнем на шее? Ни погулять, ни оттянуться, ни развеяться... Конечно, особи мужского пола, желающие забраться ко мне в койку, найдутся — не я первая, не я последняя, — вот только надолго ли? Во всяком случае, рассчитывать на заарканивание бесхозного сироты-дипломата более не приходится — эти сироты весьма разборчивы. И самостоятельную карьеру сделать не получится — какая может быть карьера при ребёнке? Какому работодателю я такая нужна? А денег дитяток требует немеряно... Да, мама и Петрович помогут, я в этом не сомневалась, но не буду же я, великовозрастная девица (да ещё с непонятно откуда взявшимся киндером), вечно висеть у них на шее? Вот ведь жизнь гадская...

От тяжких дум меня отвлекло прикосновение к моему плечу мягкой женской руки и голос:

— Как вы себя чувствуете? Пора кормить вашего малыша.

Я нехотя повернула голову. Возле моей постели стояла круглолицая медсестра, чем-то напоминавшая приснопамятную тётку-ватрушку, обслуживавшую меня у сотника Верта в далёком Ликатесе; на её губах играла доброжелательная улыбка.

«Чё лыбишься, дура» — зло подумала я, а вслух сказала:

— Я хочу поговорить с главврачом.

Врач выслушал меня внимательно и без улыбки. Когда я закончила свою пламенную речь, содержание которой сводилось к тезису «Ну и нах мне сдался этот ребёнок?», он чуть помолчал, потом вздохнул и произнёс устало:

— Это ваше право. Подпишите бумаги, и всё. Уговаривать я вас не буду.

Мне почему-то стало стыдно, и я ляпнула:

— Ну, я не насовсем хочу его оставить. Пусть он немного подрастёт, а я тем временем приподнимусь, и заберу его обратно.

— Нет, девушка, — это слово прозвучало как-то презрительно, — так не получится. Или вы берёте своего ребёнка, или вы от него отказываетесь. Насовсем — со всеми

вытекающими.

В висках у меня нудно застучали назойливые молоточки. «Насовсем? Совсем-совсем насовсем?» — растеряно подумала я.

— А... А можно я его покормлю... напоследок? — робко спросила я, стараясь глядеть в сторону.

В глазах у доктора мелькнул странный огонёк.

— Можно. Даже, пожалуй, нужно. Марина Васильевна!

Ватрушка распеленала аккуратный свёрточек, и я увидела игрушечного человечка. Да, игрушечного, но — человечка... Человечек тихо побряхтывал и слегка шевелил ножками и ручками. И глаза у него были... Я слышала, что глаза у новорождённых бессмысленные, но у этого моего игрушечного человечка во взгляде ясно читался вопрос: «Ну что, Активиа? Что мы будем делать?». Я сглотнула засевший в горле комок.

Левая ручка малыша была стиснута в кулачок. Я осторожно разжала тонкие пальчики — на крохотной ладошке лежал маленький клочок ваты.

— Шепоток, — прошептала я. — Ах ты, хапуга...

А когда я приложила его к груди — я всё сделала правильно, хотя меня этому никто не учил, — и губы человечка обхватили мой набрякший сосок, на меня такое накатило — похлеще оргазма (хоть и по-другому, конечно). «Да чтобы я кому-то его отдала? — мелькнуло в моей голове. — А вот хрен вам — не отдам!»

Вслух я ничего не сказала, но главврач, похоже, умел читать мысли (или, что вернее, у него был большой опыт в таких делах).

— Отбой боевой тревоги, Марина Васильевна, — весело сказал он. — Молодая мамаша одумалась — в ней проснулся материнский инстинкт.

И улыбнулся по-доброму.

* * *

Здоровенные хлопья снега падали медленно и торжественно. Голые ветки деревьев обросли белой шубой, а фонари надели на головы пушистые ватные колпаки. Зима...

Я не спеша катила коляску по тополиной аллее, тянувшейся вдоль нашего дома. Мне некуда было спешить: проблемы надо решать по мере их поступления, а на ближайший час моей основной и единственной задачей было выгуливание Шепотка. Я его так и называла: во-первых, папаша его, Шумву-шах, проходил у меня под кличкой Шумок; во-вторых, его отпрыск оказался на диво спокойным ребёнком — диких визгов не устраивал, даже когда был мокрым по уши, а если и возмущался, то как-то негромко — шёпотом. И даже официальное имя сыну я дала по шелестящему созвучию: Шура, то есть Саша. Шепоток безмятежно спал (интересно, что за сны ему сняться, и снятся ли вообще?), а я знай наматывала метры между домами, школой и детским садом. Деревьев у нас в районе множество — целый парк, можно сказать, так что гулять — одно удовольствие, особенно когда не надо никуда торопиться.

На полог коляски шлёпнулась снеговая кучка.

Я смахнула её варежкой и подняла голову.

На ближайшем дереве сидела ворона — та самая. Здрасьте, давно не виделись...

— Ну что, — сказал я, глядя на птицу, — может, познакомимся? Или ты будешь и дальше хранить инкогнито?

Ворона высокомерно молчала, однако её молчание казалось многозначительным.

Вообще-то я не очень верила, что эта пернатая тварь на самом деле не совсем птица, а совсем не птица, но уж больно назойливо она меня преследует. И к тому же у меня не было оснований сомневаться в том, что Эххленд существует — доказательство тихо посапывало в коляске. Шепоток был не простым ребёнком — в этом я уже успела убедиться.

Ворона слегка подпрыгнула, раскачивая ветку, на которой сидела, — снег посыпался прямо на меня миниатюрной лавиной.

— Хорош выпендриваться! — разозлилась я, отряхиваясь. — Или давай знакомиться, или лети куда подальше, не фиг тут мне снеговой душ устраивать. Ну? Как тебя зовут?

Ворона подумала и хрипло выдала:

— Каг-га!

Клёво... Я вспомнила, как года два назад мы с Кристинкой ездили в Хельсинки — ну, искупаться в аквапарке и вообще. А на границе, пока мы ждали, я увидела надпись над типа обменным пунктом (или чем-то в этом роде): «Kassa». Дело было поздно ночью, и я почему-то (наверно, с недосыпу) прочла эту надпись по-русски, повернув третью и четвёртую буквы. Мы потом с Кристой часа полтора не могли успокоиться — ржали на пару, как сумасшедшие: надо же — «Кагга»! Глупость вроде, а запомнилось...

— Кагга, значит, — протянула я, разглядывая птицу. — Очень приятно. Ну, а как меня зовут, ты, наверно, знаешь: Алина я, хотя там у вас меня звали немножко по-другому. Вот и познакомились...

Однако продолжить беседу с вороной мне не удалось — я услышала за спиной чьи-то шаги. Повернулась — и обмерла: Славик, собственной персоной! Ох, бли-и-и-ин...

Испугалась я здорово, врать не буду, — дяди Лёши рядом не было, за широкую спину не спрячешься. Но испугалась я не столько за себя, сколько за свою крохотульку — кто его знает, что у этого идиота на уме? Чувствуя, как у меня внутри всё холодеет, я поспешно загородила собой коляску, готовая защищать моего детёныша зубами и когтями, пусть даже без всякой надежды на победу в неравном бою.

— Не подходи! — прошипела я. — Орать буду на всю улицу!

Славка послушно остановился в трёх шагах от меня, не делая никаких агрессивных телодвижений.

— Не бойся, — проговорил он мятым голосом и замолчал.

Я молча ждала, что будет дальше.

А он тоже молчал, опустив глаза, и ковырял снег носком ботинка. Прямо немая сцена какая-то...

— Ну, и что дальше? — не выдержала я. — Зачем пришёл?

— Слушай, Алин, я, это... — выдал из себя Славик и снова замолчал. Удивительно было наблюдать этого самоуверенного парня в таком состоянии. И какого хрена припёрся, спрашивается? Всё вроде уже сказано, причём в очень доступной и понятной форме...

— Это ведь мой ребёнок, да? — услышала я и чуть не села в снег от неожиданности. — По времени сходится...

Ситуация была пикантной: скажи я «да», и дело в шляпе. Человек сам нарываётся, я его за язык не тянула. И сосчитал всё верно, счетовод-любитель, математик хренов... Типа совесть загрызла, или как? А Славка смотрел на меня и ждал ответа.

— Нет, Слава, — я тяжело вздохнула, — не твой. Шёл бы ты своей дорогой, а? Что было, то прошло, ага?

Славка потоптался на месте, потом повернулся движением робота и пошёл прочь. Но не пройдя и нескольких шагов, вдруг резко остановился.

— Выходи за меня замуж, — пробормотал он, набычившись.

— Чего-чего?

— Мне всё равно, чей это ребёнок. Выходи за меня замуж. Я тебя попрекать не буду, только... Только ты, это, не делай больше так, ладно?

Отпад — сериал-мелодрама называется. Кто бы мог подумать, что в Славкиных очень прямолинейных извилинах вдруг появятся такие мысли? Он же на девчонок всегда смотрел как на закуску после выпивки, а тут вдруг — замуж, да ещё «мне всё равно, чей ребёнок»...

— Нет, Слава, — я снова вздохнула. — Так будет нечестно — не люблю я тебя, вот в чём фишка. Вот такая я дура, ты уж извини. Понимаешь?

Славик медленно брёл по аллее, а я смотрела ему вслед и думала: эх, если бы на его месте был... Но это уже фантастика, дети. Ненаучная.

Наверно, я действительно дура...

Глава 3

Без работы я не осталась. Мама пристроила меня к себе на кафедру — использовала, можно сказать, служебное положение в личных целях. Хотя я вообще-то подходила (и даже училась здесь же, в универе), и к тому же человек на кафедре требовался — лаборантка ушла в декрет. И мы с этой девчонкой как бы обменялись эстафетными палочками — круговорот женщин в природе называется. От своей новой работы я не была в диком восторге, но всё-таки на людях — не сидеть же в четырёх стенах с кастрюлями-пелёнками-распашонками, от тоски взвоешь одиноким койотом. Да и нравы здесь были не такие, как в моём незабвенном бизнес-болоте с его чертями да кикиморами — получше, прямо скажем.

Шепотка я отдала в ясли-сад, благо они были у нас прямо под окнами. В девяностые это двухэтажное Н-образное здание почти опустело, потихоньку превращаясь в эдакий «дом с привидениями», на который уже с определённым интересом поглядывали бомжи, однако в последние годы детишек резко прибавилось, и «замок Морисвилль» ожил.

В общем, всё оказалось не так уж сумрачно (несмотря даже на то, что издать мой роман никак не получалось). Сидела у меня где-то внутри глухая тоска-обида, перемешанная со смутным ожиданием чего-то, что должно случиться — непременно! — однако эххийские сны беспокоили меня всё реже и реже. И Кагга не появлялась — я не видела её с того самого памятного разговора со Славкой (кстати, он тоже больше не попадался мне на глаза). Воро н, как я уже говорила, вокруг было много, но Кагги среди них не было. Ошибиться я не могла — было в ней что-то, что отличало Каггу от всех её серых товарок, и я бы узнала эту птицу, зуб даю. Когда весной вороны сели на гнёзда, я как дура разглядывала их часами, пытаюсь найти свою типа приятельницу, — хре на. Ну да, конечно, эххийскому магу больше делать нечего, как сидеть на куче веток, задрав хвост наподобие ложечки, торчащей из солонки! Хотя само по себе это зрелище стрёмное: символ самоотверженного материнства, блин горелый. Сидит этакая курица и под ветром, и под дождём — и ведь не улетает! И чтоб спугнуть её — это надо очень постараться (чего я, конечно, не делала — сама как бы молодая мать, у самой птенец).

А птенчик мой был необычным — это я почувствовала очень скоро.

Внешне он ничем не отличался от всех прочих детишек его возраста (хотя для меня он был, понятное дело, самым лучшим). И ушки у него были обычные, а не заострённые — это я проверила в первую очередь. Но всё равно: в том, что это маленькое существо не от мира сего, а от совсем другого мира, сомнений у меня не было — никаких.

Шепоток рос быстро, уверенно пошёл в девять месяцев и внятно заговорил в год с небольшим. И, похоже, он умел общаться с окружающим его миром не только словами. На Сашулю очень странно реагировали собаки, кошки и даже шустрые воробьи: они как будто видели в нём собрата или по крайней мере принимали за своего. А когда мы завели котёнка, я частенько наблюдала такую сцену: сидят эти два малыша на ковре, смотрят друг на друга и проникновенно молчат. Молчат — ни писка, ни вяка, ни мявка, но полное ощущение, что ребёнок и котёнок разговаривают и прекрасно понимают друг друга.

Сказки об Эххленде, которые я ему рассказывала, мой сын слушал так, что мне даже становилось немного не по себе: казалось, он вот-вот прервёт меня и скажет «Нет, мам, это было не так...».

А главное — от Шепотка исходило странное нечто (даже не знаю, как объяснить). Ну, как будто свет невидимый, что ли... Такой тёплый свет, от которого становится хорошо-хорошо. И ещё — этот свет как бы вымывал всю скопившуюся у меня в душе грязь. Да, да, не смейтесь, вымывал! Мне рядом с моим сыном даже дышать было легче: куда-то исчезали и злость, и вечная моя насторожённость, и кое-какие другие заморочки.

Мама и Петрович ничего особенного не замечали, но я-то видела, что они оба словно скинули с плеч десяток лет и помолодели — помолодели, честное слово! В движениях дяди Лёши появилась юношеская гибкость, а маманя после напряжённого трудового дня бегала по

магазинам задрамши хвост, осуществляя свою идею фикс: купить любимому внуку игрушку некийтайского производства.

В два с половиной года Шепоток полёз к компьютеру, причем интересовали его вовсе не игры. Когда я выходила в Интернет, он уютно устраивался у меня на коленях и задумчиво смотрел на дисплей.

— Там можно встретить знакомых, — объяснил он, когда я спросила, что он там хочет увидеть. Я сначала не поняла, а потом меня как окатило: я вспомнила, что эххи забираются в наш виртуал. Так вот каких «знакомых» искал на мониторе мой сын...

Воспитательницы в детском саду его обожали (даже, по-моему, немножко завидовали мне), а другие дети тянулись к нему, как котята к блюдечку с молоком. Шепоток мог одним своим присутствием на корню загасить любую ссору — типа миротворец трёхлетний. И лишь однажды он сам стал причиной недоразумения.

Когда я в тот раз его забирала, ко мне подошла воспитательница группы Регина — мы с ней уже были как бы подружками — и рассказала, как мой Саша довёл до слёз одну девочку.

— Он не нарочно, — пояснила она извиняющимся тоном, — просто я привыкла к тому, что где твой сын, там слёз не бывает.

А дело было вот в чём.

Эта девочка принесла в садик маленький компас, и детишки увлечённо следили за шевелением его светящейся стрелки. Но тут к ним подошёл мой сын, и... стрелка взбесилась: она начала описывать круги и беспорядочно дёргаться во все стороны. Маленькая хозяйка ударилась в рёв — игрушку сломали!

— А он что? — спросила я Регину, имея в виду Шепотка. — Успокоил её, нет?

— А он только посмотрел на компас, сказал «Примитивно» — по-взрослому так сказал, рассудительно, — и отошёл. Стрелка успокоилась, но Инночка ещё долго хныкала. Ерунда, конечно, просто вокруг твоего Сашеньки всегда было всё спокойно, а тут вдруг...

— Да конечно ерунда, Регин, — сказала я. — Пустяки, не бери в голову. Пока, меня дома ждут!

Взяв Шепотка за руку, я привычно окунулась в исходившее от него тепло, и вскоре забыла всю эту историю.

А зря: я ещё не знала, что тревожный звоночек уже прозвенел...

* * *

— Случай из ряда вон выходящий, — подтянутый человек с военной выправкой, явно не соответствующей его гражданской одежде, был заметно взволнован. — Кажется, на это раз мы столкнулись...

— Если кажется, надо крестится, — брюзгливо перебил его другой человек, сидевший за монументальным столом из числа тех монстров середины прошлого века, которых теперь можно найти разве что в антикварных магазинах. — Излагай суть, а выводы оставь при себе.

— Есть излагать суть! В рамках секретной программы «Дети-уникумы» производилась плановая проверка дошкольных учреждений...

— Короче, майор. Я тебя когда-нибудь расстреляю за твою привычку к словоблудию.

— Есть, товарищ генерал. В одном из детских садов на Большой Охте был обнаружен мальчик, Саша Ф. Возраст — три с половиной года. Общие сведения — здесь, в распечатке.

Сидевший за столом быстро пробежался по бумаге колючими глазками и хмыкнул, агрессивно шевельнув ёжиком седых волос:

— Читать-писать-считать в три года... Не вижу ничего особенного.

— Это ещё не главное. При опросе персонала одна из воспитательниц сообщила, что этот мальчик выделял какие-то фокусы с компасом — сводил с ума магнитную стрелку.

— И?

— И тогда я проверил его детектором биополя. Результат, — майор протянул шефу ещё один лист бумаги.

— Ого!

— Так точно, товарищ генерал, «ого». Детектор зашкалило. Этот мальчик генерирует огромную энергию непонятного происхождения. Он «светит» так, что...

— Так, — обладатель седого ёжика остановил подчинённого коротким жестом. — Взять под наблюдение. Круглосуточно. Глаз с него не спускать. С мамы — тоже. Кто отец?

— Неизвестно, товарищ генерал. Уточняем. Может, передать этого мальчишку нашим учёным? Правда, ему нет ещё и четырёх...

— Вот именно. Как тебе известно, детей-уникумов младше пяти лет нельзя подвергать плотному изучению — спецы считают, что это может повредить их психике и вызвать в ней необратимые изменения. А в этом случае расстреляют уже меня, чего мне совсем не хочется. Так что — следить, фиксировать — всё, до мелочей! — но без изъятия из привычной семейной обстановки. И — безопасность объекта и его матери. Головой ответишь. И яйцами.

— Так точно, товарищ генерал! — майор молодцевато щёлкнул каблуками.

Выходя из кабинета начальства, он бросил взгляд на старинный плакат «Т-с-с-с, враг подслушивает!», висевший на стене, и мысленно усмехнулся: чудит старик, всюду ему враги мерещатся. Тяжёлое наследие «холодной войны»...

* * *

— Ну, зачем звал? — деловито спросил человек в тёмных очках, садясь за столик на открытой веранде небольшого уютного кафе на пешеходной улице. Несмотря на близость центра города, людей здесь — особенно в это время дня — было немного.

— Вчера я хакнул наши свежие файлы под грифом «Совсекретно», — ответил ему уже сидевший за столом человек с незапоминающейся внешностью. — Есть товар.

— Покажи, — темноочковый раскрыл лэптоп, жестом подозвал официантку и небрежно бросил ей: — Сто коньяку и кофе, киска.

Неприметный, быстро и как-то воровато оглядевшись по сторонам, вынул из кармана флэш-карту и протянул её собеседнику. Тот вставил флэшку в разъём, с полминуты смотрел на дисплей, потом поднял глаза.

— Покатит. Цена?

— Тройная. Баксами. Доллар за последнее время хоть и похудел, но всё ещё упитан.

— Не подавишься, Шуруп?

— Нет, Монстр. Деньги вперёд — тогда получишь имя, адрес и фото этого малолетнего чуда.

— Лады. Но учти, если ты впаришь нам туфту...

— Куда я денусь с подводной лодки... Я знаю, с кем имею дело: если я солью вам дезу, вы меня закопаете или, что ещё хуже, сдадите моему начальству.

— Мне нравится ход твоей мысли, — кивнул человек в очках, потягивая коньяк. — На, держи.

Хакер по кличке Шуруп заглянул внутрь поданного ему бумажного конверта, сунул туда пальцы и прошёлся по толстой пачке купюр со скоростью банкнотосчётной машинки. Удовлетворённо кивнув, он достал ещё одну флэшку и отдал её Монстру.

— Заплатишь за меня? — спросил он, вставая. — Двойной кофе со сливками, и...

— Не грузись, крохобор. Заплачу — ты у нас на довольствии. Канай себе с богом.

Человек в тёмных очках не стал смотреть вслед человеку с неприметной внешностью — шурупу, плотно ввинченному в программу «Дети-уникумы», — темноочковый предпочитал беззастенчиво раздвигать глазами проходивших мимо девушек. И в отличие от хакера, он не чувствовал себя в напряжении, потому что хорошо знал: встречи в людных местах зачастую привлекают гораздо меньше внимания, чем randevu на глухих пустырях. В таких кафе из рук в руки каждый день переходят крупные суммы денег — город задыхается от автомобильных пробок, и деловым людям не так просто совместить свои извилистые

маршруты.

Неспешно допив кофе, Монстр нажал несколько кнопок на сотовом телефоне.

— Мистер Твистер? Вы интересовались редкими насекомыми? У меня есть для вас экзотический экземпляр.

* * *

— Вот так, рыцарь, — Причесах убрал со стола магический шар и сел; деревянное кресло скрипнуло под тяжестью его грузного тела.

— Значит, — герцог де Ликатес задумчиво посмотрел в окно хижины на реку и степь, раскинувшуюся за рекой, — в том далёком мире растёт сын его величества? А ты не ошибся? Хотя что это я: маг твоего уровня и ошибка — понятия малосовместимые. Шумву-шах знает?

— Я не счёл нужным ему сообщать. Умолчать и солгать — это разные вещи. А сам он вряд ли узнает об этом — поток информации огромен, и если специально не интересоваться... А интересоваться его величество не будет: он уже и думать забыл об этой девчонке, к тому же королева Окостенелла сделает всё, чтобы король о ней и не вспоминал. Тревожно другое: вокруг этого малыша закручивается тугой узел — я это ощутил. Похоже, сын Алины многое значит, причём не только для мира Третьей планеты системы Жёлтой звезды, но и для нас, эххов, и даже...

— Этот мальчик кое-что значит и для меня, — перебил стража правитель Ликатеса.

— Точнее, не он, а его мать? — спросил Причесах, внимательно глядя на рыцаря.

— Да, — спокойно подтвердил Хрум. — Но мать и дитя неразделимы, и поэтому...

— И поэтому ты хочешь...

— ...и поэтому я хочу отправиться в её мир. В Эххленде спокойно, и мои нобили сами справятся с текущими делами. Ты мне поможешь, страж Роци?

— Помогу, — Причесах кивнул, — и даже дам тебе свою фантомную оболочку, хорошо знакомую Активии, то есть Алине. Надеюсь, боевому магу твоего ранга не надо напоминать о возможных неприятных последствиях опрометчивых действий в смежных Мирах?

— Не надо, — герцог усмехнулся. — Я знаю.

— Знать-то ты знаешь, но... Слушайся разума, а не сердца, рыцарь!

— Я постараюсь, страж.

* * *

А на Полуночной стороне Эххленда Вам-Кир-Дык, пребывавший в своей обычной ипостаси желчного сухощавого мужчины средних лет, с крючковатым носом и острыми, как у хищной птицы, чертами лица, вызвал для доклада своих ведущих специалистов, носивших знаковые имена Черномор, Черногор, Чернолес и Чернодыр. Владыка был раздражён без меры: хотя мятеж чересчур шустрого сынка ему удалось подавить, и бывший адмирал флота принц Им-Кир-Дык был успешно скормлен вечно голодным летучим гидрам, прощальный привет подлого дитяти давал о себе знать — суровый папаша страдал от подагры, наведённой прощальным заклинанием сыночка. Заклятье оказалось очень запутанным, и потому болезнь с трудом поддавалась излечению, несмотря на все усилия магов, — неудивительно, что Вам-Кир-Дык был зол, как скопище огненных демонов. К тому же во весь рост вставал вопрос о наследнике — ни один из отпрысков, подаренных властелину чёрными нимфами его гарема, не соответствовал высоким требованиям, предъявляемым к наследному принцу. Проклятая подагра мешала Чёрному Владыке заниматься полноценным сексом, а без этого сотворение качественного наследника представлялось весьма трудным делом даже для такого сильно продвинутого колдуна, каковым был властелин тёмных эххов. Поэтому Вам-Кир-Дык молча барабанил ногтями по подлокотникам трона, оставляя на

драгоценном дереве выжженные отпечатки своих царственных пальцев. В свою очередь маги тоже помалкивали: они хорошо знали, на что способен владыка в таком состоянии, а также то, что накормить летучих гидр до отвала практически невозможно, и не спешили пополнить собой меню этих ненасытных тварей.

— Ну? — соизволил изречь Чёрный Владыка, не прекращая заниматься выжиганием по дереву. — Я услышу от вас хоть что-нибудь? Неужели нет ни малейшего луча тьмы в светлом царстве?

Маги боязливо переглянулись, мгновенно обменялись мыслями, и вперёд решительно шагнул Чернодыр. Конечно, он не меньше других опасался необузданного гнева повелителя, и вероятность посмертной реабилитации утешала его не больше, чем любого другого, однако Чернодыр владел искусством ныряния в межзвёздные провалы и полагал, что в случае чего сумеет смыться в параллельное измерение прежде, чем на его голову обрушатся (в прямом смысле слова) громы и молнии, и вернуться не раньше, чем владыка остынет. К тому же ему было что сообщить властелину.

— Вы помните эту историю с попаданкой, на которую упала астральная тень горской княжны Активии Отданон? — вкрадчиво начал чародей.

— Которая стала в итоге королевой Полуденной стороны? На память не жалуюсь, — угрюмо буркнул Вам-Кир-Дык, однако перестал выбивать пальцами дробь. — Я ещё хотел склонить её на тёмную сторону Силы...

— Чутьё вас не обманывало, — заметил Чернодыр, грамотно выдерживая соотношение между грубой лестью и информативной составляющей. — Эта девушка могла бы нам очень пригодиться...

— Но не пригодилась! — оборвал его Чёрный Владыка. — К чему ты её вспомнил?

— А к тому, ваше величество, — маг заторопился, косясь на пляшущие по мрачным стенам тронного зала багровые отблески, которые служили точным индикатором настроения повелителя, — что эта псевдо-Активиа, изгнанная из Эххленда решением Шумву-шаха и возвращённая в свой родной мир, стала там матерью — матерью сына эльфийского короля!

— И что из этого? Не уловил...

— А то, владыка, что это её дитя — дитя двух миров — может...

На этот раз Вам-Кир-Дык уловил — мысли куда быстрее слов.

— Ну-ка, ну-ка, — сказал он с видимым интересом. — Продолжай, продолжай...

Глава 4

Люблю я лето, честное слово! Мне вообще нравится, когда тепло, и когда не надо навьючивать на себя кучу одежек. И дело тут не в природной нашей женской склонности к демонстрации своих прелестей (хотя и не без этого, конечно, — много ли продемонстрируешь в шубе?), а просто летом как-то оно веселее, что ли... Зелень, солнце — жить хочется (во всех смыслах этого слова). И хочется быть счастливой... А ведь если разобраться, человеку не так много и надо для счастья (в смысле, не для глобального счастья, а для текущего). Нет войны, нет чумы, ты сыта-здорова, и мир вокруг настроен к тебе доброжелательно, в общем и целом. И солнечные лучи перебирают светлые волосы твоего сына, деловито топающего рядом, — какого хрена суесться-дёргаться, бежать неизвестно за чем (только потому, что все бегут)? Вот ещё бы любовь... Это да, это штука нужная, но если её нету в данный момент времени, то всегда ведь есть надежда, что она возьмёт да и появится, верно? Через день, через час, или даже через пять минут выскочит вдруг из-за угла, и...

Эх, скорей бы выбраться из этого частокола нагретых солнцем бетонных коробок куда-нибудь за город! Дачи у нас нет, но дядя Лёша собирается вывезти всё наше семейство на Вуоксу — там у них (в смысле, у его фонда) есть какой-то типа летний лагерь. Я не очень вникала, что там да как: Петрович говорил, что клёво (и молодёжи много), а я уже привыкла ему верить. Оставалась только дожидаться окончания летней сессии, и тогда мы с маманей на

пару тут же сорвёмся в отпуск до осени. Блин, скорей бы — мне уже остохренело в душной городской пыли, густо замешанной на автомобильном смоге. Хорошо эххам, у них весь транспорт — от лошадей до грифонов — экологически чистый, а у нас в Питере скоро вообще дышать будет нечем.

Мы с Шепотком возвращались из детской поликлиники, где проходили ежегодный медосмотр, — летом народу меньше, чем ближе к осени. Обычно этот медосмотр не слишком дотошный (взяли анализы, кровь из пальчика, послушали, и всё), однако на этот раз моего ребёнка осматривали как космонавта — дошло даже до энцефалограммы и разных других хитрых компьютерных тестов. Я даже слегка прибалдела от такого лихого сервиса (причём бесплатного!), тем более что с нами (персонально, блин!) работала не уже примелькавшаяся поликлиническая медсестра очень неопределённых лет с выжженными перекисью волосами, вусмерть замученная жизнью и, судя по всему, хронической сексуальной недостаточностью, а представительный молодой доктор со статной фигурой и белозубой улыбкой (у меня от этого педиатра, не буду врать, сердчишко ощутимо ёкнуло — хорош, гад, ничего не скажешь). Я уже была аморально готова к тому, что он начнёт меня клеить, но врач держался строго в рамках, без всяких там фривольных прихватов. Это-то меня и насторожило — ой, что-то тут не так! — а потом я заметила, что глаза у этого типа доктора какие-то отстранённо-холодные, хотя улыбался он с минимальными интервалами, как запрограммированный. И с какого это, спрашивается, перепугу скромной мне — точнее, моему Саше, — такое VIP-внимание? Да ещё даром? И тут же услышала:

— А вы не удивляйтесь (хм, заметил мою взъерошенность — наблюдательный...). Дети — это наше будущее, и государство проявляет заботу о здоровье своего будущего. Вам просто повезло — вы с вашим Сашей (смотри-ка, и даже имя Шепотка запомнил...) оказались одной из первых, а скоро такие комплексные осмотры станут обычным делом для всех малышей, а потом и для школьников.

Я выслушала всю эту пышную ботву скептически (ага, высокосидящим дядям больше делать нечего, как только заботиться о детях), но виду не подала. В конце концов, разве плохо получить на халяву полное обследование по последнему слову медицинской техники? Тем более что его результаты меня порадовали: мой Шепоток оказался абсолютно здоровым, что в наше гнилое время само по себе и немало. А потому я очень вежливо распрощалась с красавчиком-доктором (типа, до новых встреч, заходите к нам ещё) и постаралась побыстрее выкинуть его образ из башки — в моём одиноком житье-бытье такие эротичные раздражители мне явно противопоказаны.

Мы с сынишкой вышли на улицу и побрели домой по солнышку, благо идти было недалеко — от силы минут пятнадцать в неспешном режиме «нога за ногу». Нет, лето — это всё-таки классное время года...

* * *

— Алина — мать объекта — держится насторожённо. Живёт замкнуто, на контакты идёт крайне неохотно. В компаниях бывает редко, от случая к случаю.

— Странно... Любовник-сожитель или, как это теперь говорят, бой-френд?

— Не отмечено. Вероятно, имеют место какие-нибудь короткие связи — женщина она молодая, симпатичная и работает на людях, — но не более того. Улитка на склоне, в общем, — майор сдержанно улыбнулся, — в своей личной ракушке.

— На хрен мне твоя зоология, — генерал сердито сдвинул брови. — А что насчёт отца объекта? Третий месяц сопли жуёте, работнички, — где результат?

— Тут вот какое дело, товарищ генерал. Нам удалось разговорить её подругу — она, в отличие от Алины, гораздо контактнее, особенно, — майор ещё раз улыбнулся, — с молодыми мужчинами. И выяснилась одна странная вещь...

— Короче!

— Четыре года назад Алина рассказывала ей о своём путешествии, — майор выдержал

многозначительную паузу, — ...в некий параллельный мир, где она якобы...

— Ты чего, в детство впал? Фантастику читаешь или, как это теперь говорят, фэнтези? Что за чушь?

— Никак нет, товарищ генерал, — я в основном читаю наши нормативные документы. Но примерно в то самое время, когда Алина забеременела, запустили адронный коллайдер, и была выдвинута гипотеза, что могли появиться «мостики» между разными измерениями.

— Бред обывательский! Скажи это нашим учёным — они тебя поднимут на смех! Нет, лучше не говори — всех нас сделаешь посмешищем. Ты бы ещё марсиан приплёл...

— Но, товарищ генерал, вы же сами говорили: принимать во внимание все мелочи, так или иначе относящиеся к объекту!

— Говорил. А сейчас говорю: насчёт коллайдера — это полный бред. Ты мне факты давай научно обоснованные, а не шизоидные домыслы. Понял?

— Так точно, товарищ генерал. Будут вам факты — нам удалось организовать полное медицинское обследование объекта. Ждём результат.

* * *

Мы неторопливо шли вдоль решётчатой ограды детского сада. Было тепло, по забору бойко скакали шустрые воробьи, над головой тихо шелестела под лёгким ветерком листва. Тишь, гладь да божья благодать...

Благодать кончилась внезапно.

Впереди, шагах в десяти от нас, из кустов выскользнула кошка — чёрная как смоль — и перетекающими движениями пошла нам навстречу. Она именно как бы текла, а не шла — было в её походке что-то завораживающее.

Я поначалу не придавала появлению кошки никакого особого значения, хотя и заметила её, конечно. Кошек на улице (в отличие от тех же ворон) мало, и всех наших местных я знала в лицо, так сказать (они так и льнули к Шепотку и норовили потереться об его ноги). А эта — эта типа Багира была незнакомой, я видела её в первый раз.

— Смотри, какая пантера! — сказала я сыну и вдруг почувствовала, как он напрягся.

Шепоток вёл себя странно: он внимательно смотрел на приближавшуюся кошку, и его ладошка в моей руке дрогнула.

— Это нехорошая киса, мама, — произнёс он, и я реально припухла. Я уже привыкла к Сашиним рассудительным высказываниям, но таких интонаций в его голосе я раньше как-то не слышала — никогда.

А кошка шла к нам, и было в ней что-то недоброе: то ли неестественность походки, то ли мерцание глаз, ясно различимое даже при ярком солнечном свете. И тут я заметила, что кошка не отбрасывает тени! Весь асфальт был в шевелящихся теневых пятнах от листвы, но за этой тварью тени *не было*, как будто свет бесследно исчезал, коснувшись её блестящей гладкой шерсти. И я вдруг вспомнила гнусную чёрную кляксу, достававшую меня когда-то у сказочного Водопада Слез. Неужели...?

И тут ударила серая молния.

По ушам хлестнул пронзительный шипящий визг.

Откуда-то сверху на кошку спикировала ворона, и я ни секунды не сомневалась в том, что это Кагга. А потом начался сюр среди бела дня.

Всю эту картину маслом я видела отчётливо, до мельчайших подробностей. Ворона целила кошке в голову, но её клюв не дошёл до оскаленной кошачьей морды — ворона словно натолкнулась на невидимую преграду. А кошка присела и выбросила вперёд и вверх свои удлинившиеся лапы. Во все стороны полетели перья и клочья чёрной шерсти — ворона так вцепилась в кошку когтями.

Я замерла на месте, судорожно сжав руку сына.

В двух шагах от нас по асфальту катался тёмный клубок, пронизанный вспышками, — магический бой не на жизнь, а на смерть, во весь рост. А затем над этим клубком прямо в

воздухе — типа голограмма — проступили два как бы человеческих силуэта, тёмный и светлый. Они яростно рубили друг друга мечами — я даже слышала лязг сталкивающихся клинков. Но я была уверена, что этого не видит никто, кроме меня и, может быть, моего сына. Первичные умения эххийки, которыми меня наделила одна очень милая дамочка... Значит, я унесла из Эххленда и ещё кое-что...

Я не знаю, сколько всё это продолжалось. Мне показалось — долго, хотя на самом деле вся эта коррида заняла не больше минуты. Чёрный пропустил удар, и блестящее лезвие меча располосовало его сверху донизу. Пахнуло жаром, от истошного вопля — типа ультразвука — заныли зубы. Я невольно зажмурилась, а когда открыла глаза, тёмного клубка уже не было. В воздухе кружились пух и шерстинки, а на асфальте лежало воронье перо, раскрашенное красными капельками. Умереть и не встать...

— Видал? — услышала я возбуждённый мальчишеский голос. — Ворона кошку гоняет! Во здорово! Засёк, куда они подевались?

Я повернула голову — два пацана лет десяти жадно оглядывались по сторонам, ища глазами исчезнувших участников поединка. Нет, они *ничего* не видели...

Вот моё полузабытое сказочное путешествие и напомнило о себе — весом, грубо, зримо, как сказал один поэт. Что это было — в смысле, что за кошка? Или кто? Чёрный глюк? Тогда это ещё не так страшно, чёрные глюки шпионы, а не убийцы, как объяснял мне де Ликатес. А если это... Что там обещал мне посланец Вам-Кир-Дыка в качестве свадебного подарка, если я соглашусь стать женой повелителя Полуночной стороны? «Чёрный Владыка пошлёт в твой мир своих магов-убийц, и все твои обидчики умрут» — так, кажется? «Умрут» — значит, тёмные умеют не только шпионить, но и убивать, и не только в своём родном Эххленде, чтоб он провалился... Но на кой хрен я им сдалась? Глюк ведь говорил, что они не будут меня преследовать, даже если я не приму заманчивое предложение Владыки — мол, сама копыта откинешь, без всякой нашей помощи. А эххи не врут — даже тёмные. Значит... Значит, эта как бы кошка явилась не по мою душу — она приходила за моим сыном! Ну да, конечно, сын короля, типа наследник трона — заманчивая добыча для вамкирдыхцев. Вот это я попала так попала...

Мне стало тоскливо. Живу ведь себе тихо, в нормальном мире, где магии нет, и не может быть по определению, никого не трогаю и даже в канализационные люки больше не падаю. Так ведь нет — достают, гады! Если вы не идёте к фэнтези, фэнтези приходит к вам, даже если оно тебе и на фиг не надо... И что теперь, эти тёмные и светлые будут ходить вокруг меня ночными и дневными дозорами, не давая ни минуты покоя? Застрелиться и не жить, блин горелый...

Довести свои пессимистические рассуждения до логических выводов мне не удалось. Мы свернули в проулок, ведущий к нашему дому, и я увидела напротив нашей парадной грузовую «газель» с распахнутой задней дверцей. Вроде ничего такого особенного — внутри машины торчала какая-то типа мебель (наверно, кто-нибудь переезжает, или что-то новое прикупили), — но мои до предела обострённые крутым стрессом ощущения (или неожиданно-негаданно проснувшиеся «первичные умения», подарочек магессы Окостенеллы, чтоб ей пусто было) безошибочно подсказали: *опасность* !

Глава 5

Людей у машины было двое — оба здоровенные молодые парни, в джинсах и в лёгких рубашках. Один копошился внутри, в салоне — что-то переставлял, — другой (наверно, водила) стоял возле кабины и курил, облокотившись на открытое боковое окно. При этом он лениво посматривал по сторонам, но когда его взгляд как бы ненароком коснулся насторожившейся меня, я тут же поняла: это опять по мою душу — вторая серия называется.

Я шла осторожно, как будто под ногами у меня был тонкий лёд, и на всякий случай сменила руку, которой вела Шепотка — пусть уж лучше он будет подальше от этой дурацкой «газели». «Может, пойти назад и обождать, пока эта подозрительная тачка не уедет?» —

подумала я, но тут за моей спиной зашуршали шины. Я обернулась — там припарковался крутой джип класса «мицубиси от меня, паджера» с тонированными стёклами. Машин возле нашего дома хоть и много, но все они уже примелькались, а эта — эту я раньше не видела. Ой, что-то это всё мне так не нравится...

И тогда я, не доходя до своего подъезда, резко свернула к предыдущему, рассчитывая проскочить под самым домом. «Надо заранее достать ключи, — мелькнуло в моей голове, — а то пока я буду пурхаться с домофоном...».

Тип, стоявший у кабины, выплюнул сигарету и что-то буркнул. Хмырь, возившийся в салоне, выбрался наружу, зыркнул вправо-влево и направился ко мне походкой ожившего платяного шкафа. Типичный бычара, блин, — толстая шея, широкие плечи, маленькие глазки и сто граммов мозга. Шкаф пёр прямо на меня, не оставляя времени для размышлений.

— Эй, девушка! Сорок вторая квартира в этом подъезде?

Вопрос идиотский — типа, как пройти в библиотеку, в три часа ночи. Над дверью каждой парадной есть табличка с номерами квартир, и если ты умеешь разбирать цифры... А быкошкаф был уже совсем рядом и протягивал к нам свою лопатообразную лапу, в которой что-то держал.

Раздался негромкий хлопок — как пузырь из жевательной резинки лопнул.

На морде шкафа нарисовалось изумление. Он издал хрюкающий звук и всей тушей осел на асфальт.

Я прибалдела.

Шепоток молчал, наблюдая за происходящим с видимым интересом — ребёнок, что с него возьмёшь...

А из тонированного джипа, как чёртики из табакерки, выскочили два парня в куртках — такое ощущение, что они даже дверцы не открывали, а просочились прямо через железо и стекло. Двое из ларца, одинаковых с лица двигались как на пружинах, и в руках у них были пистолеты. Мне сначала даже показалось, что пистолеты игрушечные — уж больно дико было видеть в тихом зелёном уголке Питера людей с настоящим оружием. Нет, я понимаю, рост преступности, и всё такое, и всё-таки одно дело слышать или даже смотреть по телевизору, и совсем другое — видеть это шоу своими глазами (да ещё как бы принимать в нём участие).

Водила, похоже, всё понял сразу и воспринял на полном серьёзе. Он полёз в кабину, однако движения его казались какими-то заторможенными по сравнению с быстротой ребят из джипа.

Поздно.

Ещё пару раз хлопнуло, и второй бычок ткнулся лицом в сидение, так и не успев на него забраться. Да, пуля немножко быстрее человека...

А к моим ногам подкатилось то, что держал в руке шкаф — маленькая такая штучка с острым кончиком. Шприц-тюбик, и предназначалась эта пакость бедной мне...

Это стало последней каплей, переполнившей пороховую бочку. Хватит с меня этих разборок в Бронксе — я подхватила сына на руки и рванула к своей парадной наискосок, по газону, прямо через кусты, холодеющий спиной ожидая удара.

Пронесло — за мной никто не погнался. Не выпуская из рук сына, я как-то сумела открыть магнитный замок — высший пилотаж в экстремальной ситуации называется. Дверь захлопнулась за мной с лёгким щелчком, я одним духом взлетела на свой четвёртый этаж и глянула в лестничное окно.

Тел на асфальте уже не было. Паники не было тоже. Да и кому паниковать? Всё случилось очень быстро, а что до тихих хлопков, так этим вообще никого не удивишь. С некоторых пор у нас пошло поветрие — малолетки (и не очень малолетки) взяли моду день-деньской щёлкать под окнами какие-то взрывчатые самоделки. Развлекаются, террористы юные, головы чугунные, — не соображают, что нервы у людей и так на пределе, а тут ещё они со своими хлопушками.

Один из тех парней, что выскочили из джипа, стоял возле «газели»; второго не было.

Когда я выглянула в окошко, этот типа ниндзя поднял голову и посмотрел на наш дом. Мне показалось, что он смотрит прямо на меня, и я поспешно отпрянула — сердце заколотилось так, что мне даже поплохело. Да, это вам тот ещё аттракцион, блин горелый...

Я никак не могла попасть ключом в замочную скважину — пришлось звонить. Двери открыл дядя Лёша (слава богу, он дома!). Он посмотрел на меня — надо полагать, цвет лица у меня был очень характерный, — молча втянул нас в квартиру, быстро выглянул на лестницу и аккуратно закрыл дверь.

— Что случилось, Аля?

Я только всхлипнула. Осторожно опустила Шепотка на пол и уткнулась Петровичу в грудь, из последних сил борясь с накатывающей на меня истерикой.

— Тихо, тихо, дочка, — успокаивающе сказал Алексей, — ты уже дома.

Он бережно приобнял меня, и от его крепкой руки и спокойного голоса я как-то сразу успокоилась — истерика отступила.

— Ох, дядя Лёша, там со мной такое было...

Сначала я рассказала ему всё вкратце, в общих чертах (опустив, понятное дело, всю кошачье-воронью феерию). Уловив суть, Петрович прервал меня, вышел на лестницу и глянул на улицу.

— Нет там ни «газели», ни джипа, — сообщил он, вернувшись. — А теперь давай-ка поподробнее.

И я рассказала — со всеми деталями, какие только успела заметить.

— Да-а-а... — задумчиво проговорил Алексей, когда я выдохлась. — Дела... И кому же это ты, дочка, дорогу-то перешла? Да ещё так основательно, чтобы за тобой с пистолетами бегают? Не верить тебе у меня оснований нет — я, как-никак, знаю тебя не первый год. Приврать ты, конечно, можешь, — при случае, особенно по мелочам, — но тут уже не до шуток.

Я только дёрнула плечами. Если насчёт эххов у меня были кое-какие соображения, то что касается бандюков — тут я, как говорится, ни сном, ни духом. Вряд ли тут замешан мой бывший шеф — сколько лет прошло, да не такой уж он и крутой, как из себя корчил. Но тогда кто, кто заинтересовался незаметной мной, самой обычной молодой девчонкой? И зачем?

— Я по этому поводу вот что думаю, — услышала я по-прежнему спокойный голос Петровича. — Судя по твоему рассказу, эти резвые мальчишки из джипа — профессионалы, причём профессионалы очень высокого класса. Для таких взять тебя где угодно в любое время дня и ночи — пара пустяков. Но они, похоже, тебя охраняли — так, как охраняют очень важных персон, на уровне президента. Огонь на поражение при возникновении малейшей угрозы для охраняемого объекта — это серьёзно.

— Вот и охраняли бы себе президента, — буркнула я. — Я-то тут при чём?

— А ты здесь и не при чём, — невозмутимо пояснил дядя Лёша. — Охраняли они его, — он кивнул в сторону Шепотка, как ни в чём не бывало уютно устроившегося на диване с книжкой в руках, — а тебя уже так, заодно. Это спецслужбы, Аля (при слове «спецслужбы» я почувствовала себя букашкой под микроскопом, ощущеньице — бр-р-р...), и их интересует твой сын. Думаешь, я не знаю, что внучок-то у меня непростой? Глянь-ка вот, — с этими словами он протянул мне свою ладонь, на которой я разглядела тонкий белёсый шрам.

— Это я стамеской, — пояснил Алексей, — шесть дней назад. Глубоко саданул, до кости — рука сорвалась.

— И что? — спросила я, уже зная ответ.

— А ничего, — он улыбнулся. — Шепоток зашептал — рана затянулась через полчаса, а на следующий день я о ней уже и думать забыл.

А я вдруг вспомнила, как сотник Верт врачевал своего покалеченного бойца — чему тут удивляться, спрашивается? Если уж рядовой эхх способен на такие феньки, то уж сын крутого мага, эльфийского короля — это вообще без вопросов. И ещё я вспомнила

удививший меня сегодняшний медосмотр в детской поликлинике: теперь-то ясно, что вся эта лабуда про заботу о детях, какую плёл мне этот типа доктор (может, он и доктор, только немножко из другой больницы), — полная лажа, осмотр был организован специально для моего Шепотка. И теперь понятно, кто его организовал...

— Так что Сашенька наш не прост, — продолжал между тем мой типа папаня. — Я ведь и раньше за ним кое-что замечал, да и бабушка наша не без глаз. Не такие уж у тебя старики глупые да не продвинутые, как ты думаешь.

— Да я и не думаю так вовсе, — пробормотала я, хотя на самом деле, конечно, именно так и думала.

— Ладно, — дядя Лёша небрежно махнул рукой, — не в этом фишка, как вы говорите.

— А в чём?

— А в том, что Саша *очень* непростой ребёнок — я так думаю. Одарённых детей много, но не всеми ими интересуется криминалитет — жлобы-то эти тоже ведь хотели похитить в первую очередь нашего Шепотка, — и не всех их опекают спецслужбы, да ещё так тщательно.

— И что же нам делать? — спросила я растерянно.

— Что делать... Конечно, за тебя и за него, — Петрович снова посмотрел на Сашу, — я, если придётся, жизнь отдам, — он сказал это так, что я ни на секунду не усомнилась в том, что так оно и будет (не дай бог, конечно), — только вот сказки про Джеймс Бондов, которые в одиночку крушат целые шпионские сети — это сказки, Аля, покруче твоего фэнтези.

— Так может, позвонить в милицию или куда там ещё, в ФСБ?

— Позвонить можно, вот только... — на лбу Алексея пролегла горькая складка. — Как бы тебе объяснить... В бою всё ясно: здесь друг, там враг, а вот в нашей вроде бы мирной жизни всё не так просто. Маловато осталось людей, для которых дело и долг важнее, чем пачка денег, и многовато развелось людишек, которые не то что чужого — своего ребёнка продадут, если им за это хорошо заплатят. Слышал я кое-что о программах по поиску детей-уников — есть такие программы и у нас, и не у нас тоже. Знать бы ещё, кто тут заказывает музыку, и для чего эти дети им нужны. И кто знает, на что будет способен твой Саша, когда вырастет? Он ведь может стать оружием — страшным оружием. А оружие — это дело такое: тут важно, в чьих оно руках, в чистых или не очень.

Мне стало не по себе — сказка незаметно превращалась в триллер.

— Так что же нам делать? — повторила я упавшим голосом.

— Для начала, — Петрович усмехнулся, — покорми ребёнка и поешь сама. Суп я к вашему приходу разогревал, но он наверняка уже остыл. Так что марш на кухню, а я тут пока подумаю, кое-что прикину. Не бойся, без боя мы не сдадимся.

Мне кусок в горло не лез (хотя на аппетит я обычно не жалуюсь), но не покормить Шепотка я не могла — мать я или одно название?

А когда я через полчаса вернулась в комнату, Алексей протянул мне листок бумаги, на котором было написано несколько строчек. Я прочла.

— Устраивает такой вариант? — весело спросил дядя Лёша. — А я тут пока попробую выяснить — по своим каналам, — что за контора тебя пасёт, и вообще.

— Устраивает, отец, — я впервые назвала Петровича этим словом.

— Вот и хорошо. Значит, готовься приятно провести вечер и жди сигнала — Сергей приедет через час, не раньше. Да, не стоит говорить маме о твоём приключении — зачем её волновать, правильно? — и... о том, что мы тут с тобой придумали.

«Лучший способ не проболтаться — это ничего не знать» — всплыла у меня в голове слышанная где-то фраза. Говорят, сейчас и пытаться никого не надо, один «укол правды» — и человек сам расскажет всё (в том числе и то, что когда-то знал, но забыл).

И я поняла, почему Петрович не стал объяснять мне свой план на словах, а изложил его на бумаге. У стен тоже бывают уши, особенно у стен дома, где живёт очень необычный ребёнок, которым очень интересуются очень нехилые силовые структуры.

Глава 6

Серёга — светловолосый голубоглазый парень чуть постарше меня — мне понравился. Мне было приятно чувствовать его руку на своих плечах, когда мы с ним в обнимку (так было задумано по сценарию) вышли на улицу. Меня давненько никто не обнимал, так что эту часть нашего любительского спектакля, задуманного Петровичем, я играла с искренним удовольствием.

Машина у Серёги — синий «фольксваген-пассат» — была не новой, но ухоженной: как видно, хозяин о ней заботился (не шалопай безбашенный), и это я записала ему в плюс. Что из себя являет мужик, можно оценить по его машине (если она, конечно, у него есть) — тест надёжный, проверено.

Петрович вышел нас проводить — как бы на всякий случай, а то вдруг мои типа охраннички (их не было видно, но я не сомневалась — они где-то поблизости) подумают, что бедную меня опять похищают, и откроют пальбу. Он небрежно (у меня аж сердце ёкнуло) поставил на заднее сидение огромную сумку марки-серии «мечта оккупанта» и сказал нам с Сергеем, улыбаясь шире некуда:

— Ну, молодёжь, счастливо оттянуться! За пацана (это уже предназначалось мне) не беспокойся, я присмотрю. Так что отдыхай хоть до понедельника — ваше дело молодое, какие твои годы.

Я знала, что Алексей работает на публику — он говорил всё это для невидимок, чутко следивших за каждым моим движением, — но делал он это классно, как настоящий актёр. Вот тебе и слуга царю, отец солдатам...

Я уселась на заднее сидение — как всем известно, место рядом с водителем называют «местом смертника», и мы поехали.

Крепилась я изо всех сил, и только минут через двадцать пять, когда мы уже были достаточно далеко от моего дома, быстренько расстегнула не до конца затянутую «молнию» на сумке.

— Как ты там? — негромко спросила я, наклонившись над «мечтой оккупанта».

— Нормально, мам, — ответил мой сын. — Можно уже вылезать?

— Подожди ещё немного. А пока давай дальше играть в прятки.

Сумка чуть шевельнулась — Шепоток устраивался поудобнее, места там хватало для двух таких, как он. И ни капризов, ни хныканья — чудо, а не ребёнок.

Так он и сидел в сумке смирно — ни дать, ни взять котёнок, которого везут на дачу. И только один раз, когда мы плотно завязли в пробке (уже на выезде из города), он высунул головёнку, глянул в боковое окошко на толпившиеся вокруг лакированные спины машин и шустро юркнул обратно, как мышонок в норку. Я улыбнулась.

Машины в сторону Приозёрска шли табунами (что вы хотите — лето, пятница, вечер), но конкретно за нами никто вроде не прицепился. Кажется, букашке удалось выскочить из-под микроскопа... Вот только надолго ли?

* * *

— Вы кретин, Монстр, да, да, последний кретин! Как были вы мелким рэкетиrom, так вы им и остались, несмотря на всю вашу внешнюю респектабельность. Топорная работа. Что, нельзя было подсунуть этой блондинке какого-нибудь мачо, чтобы — как это по-русски? — охмурить её, затащить в койку, а потом она сама принесла бы нам своего ублюдка на — как это по-русски? — блюде с синей полосой, да. Нет, на это у вас не хватило мозгов, Монстр, — вы решили устроить грубый киднэпинг в стиле Чикаго тридцатых годов прошлого века. И вот вам результат, — лысый человечек небольшого роста, сидевший за офисным столом в одном из навороченных коттеджей на берегу Финского залива, злобно сверкнул глазами. — А если кого-то из ваших людей взяли живым — что тогда? А тогда очень скоро это ваше новое КГБ разматает по ниточке весь клубочек и дотянется до нас. Я сделал ошибку,

связавшись с вами, Монстр, и эту ошибку придётся исправлять.

Тот, кого звали Монстром, стоял перед лысым навьятяжку. Монстр имел бледный вид — тёртый питерский криминальный авторитет очень хорошо знал, кто такой мистер Твистер, и что значат слова «ошибку придётся исправлять».

— Э-э-э... — промямлил Монстр, нервно теребя в руках свои любимые тёмные очки. — Я принял все меры предосторожности. Исполнители не знают заказчика — мы работали по цепочке, и если даже...

— Об эффективности ваших мер предоставьте судить мне, — перебил его Твистер. — Пока я могу только сказать, что...

Дверь кабинета бесшумно отворилась, и на пороге возник молодой человек в тёмном костюме.

— Сэр, есть новая информация, — доложил он.

— Минуточку, Дэниэл, — остановил его хозяин кабинета и коротко бросил Монстру: — Подождите в холле. Возможно, у вас появится возможность реабилитироваться. Ну, что там у вас? — обратился он к помощнику, как только они остались одни.

— Два часа назад мать интересующего нас объекта уехала с каким-то парнем. Вдвоём.

— Сексуальный уикэнд... — пробормотал Твистер.

— Да, сэр, это выглядело именно так. Однако на всякий случай Скунс проследил за их машиной, а потом передал контроль Вампиру. И Вампир — совершенно случайно, сэр, пока они торчали в пробке, — вдруг заметил в машине ребёнка. Она взяла его с собой, сэр, — судя по всему, тайком.

— Очень интересно! — Твистер заметно оживился. — Девочка решила сыграть в свою игру — что ж, это нам на руку. Куда они направляются?

— За город. В сторону Приозёрска, сэр, — там курортная зона.

— Превосходно, — Твистер возбуждённо потер маленькие ладошки. — Этим ребёнком заинтересовались на самом верху, и мы не можем — как это по-русски? — лопухнуться. Будем их брать, Дэниэл. Своими силами, без помощи этих наших, — он брезгливо поморщился, — русских союзников. Две машины и четверо парней — этого будет достаточно. И задействуем вертолёт — противник у нас серьёзный, и машине с трофеями не так просто будет пересечь финскую границу. А вертолёт — это скорость, мой мальчик, скорость! У русских входят в моду аэроклубы — частным вертолётom здесь уже никого не удивишь.

— А противовоздушная оборона? — осторожно спросил Дэниэл. — Всё-таки здесь пограничная зона...

— Э! — Твистер пренебрежительно махнул рукой. — Двадцать пять лет назад — вы тогда ещё бегали в коротких штанишках — один немецкий парень сел на «Сессне» прямо на Красной площади, пролетев через половину этой страны. Не думаю, что с тех пор русская ПВО стала лучше — скорее наоборот. Да, и ещё, — он понизил голос, хотя звукоизоляция в его кабинете была отменной. — Это чудовище в холле нам больше не требуется — отработанный материал. Угостите его нашим фирменным кофе, и пусть едет. Как это по-русски? Канает себе с богом, да? Вот и пусть канает, только... не очень далеко.

— Я всё понял, сэр.

...Сорок минут спустя водители на Приморском шоссе стали свидетелями того, как шикарная иномарка, шедшая на большой скорости в сторону Петербурга, вдруг неуверенно завиляла прямо посередине дороги, пошла боком, а потом проломила ограждение и рухнула вниз с виадука.

Сотрудникам ГИБДД, прибывшим на место происшествия через пятнадцать минут, с первого же взгляда стало ясно, что внутри груды мятого железа не осталось ничего живого — фарш невозможно повернуть назад.

— Наверно, водитель не справился с управлением, — предположил один из них, — или уснул за рулём. А может, выпил лишку — пятница, конец рабочей недели.

— Или решил установить рекорд имени Гиннеса по прыжкам на автомобиле, — мрачно

пошутил другой, разглядывая осколки тёмных очков, прилипших к окровавленным остаткам ветрового стекла.

* * *

«По результатам экспресс-анализа можно сделать вывод, что объект Х-711 имеет целый ряд серьёзных генетических отличий от обычных людей. Считаю целесообразным изъятие. Дата. Время. Подпись».

«Вот это номер, — ошарашено подумал куратор секретного проекта «Дети-уникумы», ознакомившись с депешей, поступившей по экранированному каналу связи. — Ряд серьёзных отличий... Проще говоря, этот мальчишка не совсем человек. Или совсем не человек? Вот тебе и марсиане...».

Отложив бланк в сторону, он нажал клавишу коммуникатора.

— Сидоров!

— Слушаю, товарищ генерал!

— По поводу Саши Ф. Изымайте. Немедленно. По исполнении доложить.

— Есть, товарищ генерал!

Коммуникатор ожил через десять минут.

— Мальчика в квартире нет, — голос майора звучал растеряно-виновато.

— Как это нет?!

— Его мать уехала с приятелем три часа назад. Предполагаю, она каким-то образом умудрилась забрать с собой и сына — в машине была большая сумка.

— Так какого же... — генерал поперхнулся. — Где они? Куда поехали?

— Девятый шёл за ними, но потом потерял их из виду. Пробки на дорогах, товарищ генерал.

— В голове у тебя пробки, майор! Сгною! Возьмите в оборот её домашних — они-то должны это знать!

— Уже, товарищ генерал. Но мать Алины ничего не знает, а отчим...

— Что отчим? Только не надо песен о героях-подпольщиках, которые гордо молчали на допросе в гестапо!

— Он... — голос майора дрогнул, и генералу почудился в нём сдержанный смешок. — Он не может ответить, товарищ генерал. Отчим Алины пьян — мертвецки. Её мать сказала, что когда она пришла с работы, он уже был невменяем — говорит, что раньше никогда его таким не видела. Мы вызвали медиков, товарищ генерал, и как только они его откачают...

— Жду! — куратор проекта «Дети-уникумы» от всей души хлопнул по коммуникатору, разрывая связь, и пробормотал: — Анекдот, ёптыть, — пока есть водка, мы непобедимы...

* * *

Выбравшись из городской толчеи, Серёга резко прибавил скорость — мы летели по шоссе с ветерком.

— А ты классно водишь, — сказал я ему, помогая Шепотку выбраться из сумки, — как профи.

— А я выступал в ралли, — отозвался Сергей, — хобби у меня такое. Поэтому Алексей Петрович и попросил меня вас отвезти — типа доверяет.

— А... А я-то думала, что он выбрал тебя, потому что ты у нас такой красавчик, — я ехидно ухмыльнулась. — Папаня меня любит — не будет он подсовывать мне парней второго сорта.

— Ну, и поэтому тоже, — в ответ на мою подколку Серёга весело улыбнулся, глядя на меня в зеркальце заднего вида, и добавил доверительно: — Ты мне сразу понравилась — клёвая ты девчонка.

— Нормуль, — подытожила я, — будем считать, что в любви ты мне объяснился. Дело

за малым — доехать до вашего тайного города. А то не в кайф мне как-то ворковать, озираясь на каждую проходящую тачку.

— Доедем, — уверенно сказал мой типа водитель-телохранитель. — Тут осталась на всё про всё часа два, вместе с просёлком. Только город наш не очень тайный, и не город даже, а лагерь в лесу, на берегу реки.

— Лагерь? Пионерский, что ли?

— Военно-спортивный. По патриотическому воспитанию молодёжи. Это всё фонд, где Алексей Петрович работает. Хорошее дело. У нас и оружие есть — вполне официально.

— Оружие? — подозрительно уточнила я. — У вас там что, боевиков готовят?

— Воинов, — очень серьёзно ответил Сергей. — Защитников страны — в мире-то хрен знает что творится. Со спецназом мы, понятно, связываться не будем, но если на тебя шпана какая наедет, или ещё кто, по зубам настучим на раз.

— А если... А если всё-таки за мной явятся, ну, эти, которые из наших спецслужб?

— А не будет никакого «если». Директор нашего фонда — бывший контрразведчик, он уже кое с кем связался, ему Петрович звонил. Отец у тебя хитёр — не только драться умеет, но и думать. Звонил он всем нам от соседей — на случай, если ваши телефоны на прослушке, — а я уже потом позвонил к вам домой: мол, можно к вам в гости? Так что если твоим сыном по-хорошему интересуются, для пользы дела, то никаких проблем — всё уже под контролем.

— А если по-плохому?

— А если кто решил использовать твоего пацана исключительно для себя, любимого, то ни хрена у него не выйдет. Пока мы тут с тобой катаемся, наши ребята уже подготовили информационный пакет для Интернета — фотографии, данные и всё прочее. В случае чего о твоём сыне узнает весь мир, а для тихушников широкая огласка — это кранты. Так что нам с тобой только доехать, а там можно будет и расслабиться. У нас там весело — сама увидишь.

— Что, и дискотеки по вечерам?

— Конечно. Девчонок, правда, маловато, — ты у нас будешь королевой бала.

Я мысленно усмехнулась — знал бы ты, парень, *какой* королевой я была! — а вслух сказала:

— Покатит. Первый мой танец твой, рыцарь, — дарю.

— Рыцарь благодарит прекрасную даму, — Серёга церемонно кивнул головой и изящно вписался в поворот.

Шепоток нам не мешал. Я его покормила (захватила кое-что с собой), и он прилип к окну, рассматривая лес, стелившийся по сторонам. Потом он утомился и уснул, свернувшись на сидении, — я сделала там для него типа постель, подложив ему под голову пустую «мечту оккупанта». Я и сама начала уже задрёмывать — денёк-то у меня был ещё тот, — как вдруг услышала, что к негромкому урчанию мотора примешался какой-то тархтящий звук.

— Это ещё что за пакость? — пробормотал Сергей.

Я перегнулась через спинку правого переднего сидения и посмотрела вперёд и вверх — туда, куда смотрел Серёга.

Над дорогой карикатурной стрекозой завис вертолёт.

Глава 7

На фоне бледного вечернего неба вертолёт смотрелся зловеще. Его вращающиеся лопасти образовали чуть светящийся круг: ни дать, ни взять «летающая тарелка», прибывшая откуда-нибудь с планеты Тиу-Киу-Тау-Миу, где жил когда-то один мой знакомый кекс по фамилии Озаботтэс. Железная стрекоза висела над дорогой коршуном, готовым ринуться вниз.

— Может, это наши? — спросила я (почему-то шепотом), сама не зная, кого именно я подразумеваю под словом «наши».

— Нет, — Сергей отрицательно покачал головой, — это не военный вертолёт, и

вообще...

И не закончив, резко дал по газам.

Мы проскочили под брюхом стрекозы зайцем, уворачивающимся от хищных когтей.

— «Фольксваген-пассат» номер... — загремело с неба. — Приказываю остановиться!

Никогда не любила жесть-боевиков (в отличие от фэнтези) и меньше всего мечтала о том, чтобы стать действующим лицом детективного перформанса. Ну не умею я сбивать вертолёты из арбалета (тем более что арбалет мой остался в Эххленде).

— «Фольксваген-пассат», — надрывался металлический голос, — остановитесь, или мы будем стрелять!

Ой-ё... Стрелять... Я уже видела, что бывает, когда пули попадают в людей... Крыша у нашей тачки наверняка тоньше танковой брони — бах-бах, и готовый дуршлаг! По-моему, самое время вмешаться эххийским магам — Кагга, дрянь пернатая, где тебя черти давят?

Но выстрелов не последовало. Вертолёт прогрохотал над нашими головами и пошёл вперёд, быстро снижаясь.

— Хочет сесть и перекрыть дорогу, сволочь, — сквозь зубы процедил Сергей. — И ни свернуть, ни обогнуть, хоть разворачивайся...

И тут грохнуло.

Вместо злой стрекозы над дорогой вспыхнул яркий пламенный шар, плюющийся во все стороны длинными огнистыми струями. По машине, царапая стёкла, застучали мелкие обломки — вертолёт разлетелся на куски. А потом над самыми верхушками деревьев со свистом промелькнуло что-то угловато-стремительное, похожее на гранёный слиток серебра.

— Дела... — изумлённо произнёс Серёга. — Ну, Алина, ты и даёшь!

— Кому и как? — нервно пошутила я (напоминаю, если вы забыли: у меня в стрессовых ситуациях прорезается и обостряется своеобразное чувство юмора). — Даю, бывает, конечно, но редко.

Шепоток молчал, рассматривая дымную полосу, протянувшуюся над лесом.

— Это был истребитель-перехватчик, — пояснил Сергей, проигнорировав мой типа юмор, — и он сбил вертолёт ракетой класса «воздух-воздух».

Блин, у мужиков мозги точно набекрень, особенно если дело касается каких-нибудь боевых железяк. Ну самое время для лекций на военную тематику!

— И что дальше? Ждать удара лазером со спутника? — Сергей повернулся и посмотрел на Шепотка. — Что же это у тебя за парень такой, если за ним так гоняются, а?

— Я хороший мальчик, — невозмутимо ответил мой крошка-сын. — Я самостоятельный, но всегда слушаюсь маму, бабушку и дедушку, вот!

— Ты лучше на дорогу смотри, водила! — сердито бросила я, прижимая к себе Сашу. — Рули давай, пока на нас атомную бомбу не сбросили. Где этот ваш райский уголок? Едем, едем, и ни хрена!

— Уже скоро, не переживай, — успокоил меня бывший участник ралли. — Сейчас будет перекрёсток, потом парочка поворотов, и мы на просёлке. А там уже рукой подать. Доедем — я ведь Петровичу слово дал.

До перекрёстка мы долетели мухой и проскочили его под самым носом приземистой чёрной машины, зверем выскочившей с примыкавшей трассы. И этот зверь, словно учуяв добычу, помчался за нами.

«Опять бега начинаются... — с тоской подумала я. — И когда же всё это кончится — в Эххленде с его драконами да змеями, и то спокойней было! А если эти вместо уговоров сразу начнут стрелять?».

— Не будут они стрелять, — Серёга словно прочёл мои мысли, — вы им нужны живыми, а недохлыми. И по колёсам стрелять не будут — если у нас на такой скорости лопнет колесо, мы тут же слетим с шоссе и пойдём считать ёлки. В итоге они получают только трупы.

«Про трупы — это очень оптимистично» — подумала я, закрывая собой Шепотка: кто его знает, что на уме у экипажа чёрной машины?

— Не бойся, мама, — очень серьёзно сказал Шепоток, в упор глядя на меня своими чуть зеленоватыми глазами, — я с тобой.

Интересное кино... И кто тут кого успокаивать должен, спрашивается?

Стрелять в нас действительно не стали — вместо этого нас начали умело прижимать к обочине. Серёга молча и яростно боролся, раз за разом выкручиваясь из почти безнадежных положений, но даже мне было понятно, что мы проигрываем: чёрная машина была куда мощнее нашего старенького «пассата». А бывший гонщик понял это ещё раньше меня.

— Ребёнка держи! Сожмитесь! — заорал он, когда мы входили в очередной крутой поворот, и вывернул руль.

Удар был таким, что я чуть не откусила себе язык. К счастью, других последствий не было — Сергей оказался профессионалом и таранил чёрного зверя мастерски. Наша боевая колесница, дребезжа, удержалась на шоссе, а преследователь снёс дорожный указатель и улетел в глубокий кювет. Через пару секунд бабахнуло, и оттуда выбросило сноп рыжего огня с чёрным дымом пополам — Голливуд от зависти давится транквилизаторами.

— Серый, это супер! — Я подалась вперёд, обняла парня за плечи и поцеловала его в щеку. — Как ты их!

— Тряпку дай... Там, между сиденьями, — ответил Серёга, морщась.

И тут я увидела, что наша левая передняя дверца глубоко вмята и даже разорвана — из-под лопнувшей обшивки торчали острые металлические края. А на левой брючине Сергея, возле колена, расплывалось тёмное мокрое пятно.

— Остановись на минутку, я перевяжу, — пробормотала я, нашарив тряпицу. — Кровью ведь изойдёшь, Серёжка!

Машина приткнулась к обочине, я выскочила, перебралась на переднее сидение и как могла, прямо поверх брюк наложила Серёге повязку, чувствуя себя фронтовой медсестрой. Получилось у меня не очень — справа неудобно, а покорёженную левую дверцу заклинило наглухо. «Видел бы кто со стороны, — подумала я, затягивая узёл зубами, — ну чисто порнуха: девочка мальчику прямо в авто...». И оборвала сама себя — ну что за мысли идиотские лезут в голову!

— Как ты? — я посмотрела на бледное лицо Сергея. — Вести сможешь? А то давай я — я умею.

— Сам справлюсь, — парень упрямо мотнул головой. — Маресьев, вон, вообще без ног на самолёте летал, а я что, с одной ногой машину не доведу? Обижаетесь...

Я вернулась на своё место, и мы тронулись.

Похоже, нашей тачке тоже досталась — на ходу она лязгала, кряхтела и скрежетала, словно жалуясь и раздумывая: а не развалится ли мне?

— Дотянем, — проговорил Сергей, кривясь от боли. — Смотри, вот и просёлок.

Справа в сплошной стене леса появился просвет — в глубь уходила грунтовая дорога с неглубокой колеёй. Мы свернули. Дорога была узкой и неровной, но шоссе с его чёрными машинами и вертолётами осталось позади, что не могло не радовать. Приближалась ночь с её спасительной темнотой — белые ночи уже кончились, — обещавшей укрыть нас от чересчур любопытных глаз. Только бы наша «антилопа-гну» не сдохла...

Наверно, Серёга тоже подумал об этом. Он достал мобильник и набрал номер.

— Максим? Это я. Заводи свой глиссер — мы уже на подходе. Принимай ценный груз, капитан Флинт. — И пояснил недоумевавшей мне: — Резервный вариант — Алексей Петрович предусмотрел. Там, — он дёрнул подбородком, — река, а на реке катерок. Полчаса прогулки по воде на фоне красот природы — и мы на месте. Жаль только, — он улыбнулся, — что я не смогу сегодня с тобой потанцевать.

Я только собралась ему ответить, как наш лимузин кашлянул и заглох — приехали называется. А позади, на шоссе, волчьими глазами сверкнули фары ещё какой-то машины, и она тоже свернула на просёлок.

— Так, — очень спокойно сказал Сергей. — Бери пацана и беги в лес.

— Куда?!

— В лес. Вон туда — видишь тропку? Она ведёт к реке. Там скалы, но есть спуск, типа каменной лестницы. А внизу тебя встретит Макс. Всё путём, Алинка, — беги.

— А как же ты?

— А я задержу этих — кто бы они ни были, — с этими словами он открыл бардачок и вытащил оттуда пистолет. — Мне на одной ноге всё равно далеко не уйти, так что...

Я похолодела.

— Не напрягайся ты, — добавил Серёга, заметив ужас в моих глазах. — Я сейчас звякну в лагерь, подъедут наши, и... Всё путём, Алинка, — мы ещё с тобой потанцуем. Беги, блин, чего сидишь? — приказал он, следя за приближающейся машиной. — Быстро, ну!

И я, сглотнув липкую слюну, сгребла Шепотка в охапку и кинулась в лес.

Я бежала по мшистым кочкам, утыканным кустиками брусники-черники, и боялась только одного: как бы не налететь в темноте на какой-нибудь корень и не упасть. О Сергее я старалась не думать: со мной был Шепоток, и я должна была спасти его от всех тех, кто так упорно за нами охотился. А он молчал и только тихонько сопел мне в ухо.

Уже почти стемнело, и тропинку я вскоре потеряла. Это меня огорчило не сильно — лес поредел, а впереди в вечерней тишине уже слышался шум воды: мимо реки я не пробегу. Закрываясь от хлещущих по лицу веток, я проломилась сквозь заросли папоротника и кусты малинника. И в это время сзади, там, где остался Сергей, щёлкнули два выстрела — один за другим, — затем ещё один. И тишина — злая и гулкая.

И я поняла, что Сергея больше нет — вот так сразу взяла и поняла. Я была знакома с этим красивым и весёлым парнем всего несколько часов, и даже успела с ним пококетничать, но я о нём почти ничего не знала. Почти ничего — если не считать того, что он меня защищал, защищал самоотверженно, совсем как эххийский рыцарь Хрум де Ликатес. Только Серёге было куда труднее: не было у него под рукой ни боевой магии, ни даже пулемёта... А он всё равно меня защищал... Мне захотелось сесть на мох и заплакать, но со мной был мой сын, и поэтому я побежала дальше.

Берег открылся внезапно. Редколесье кончилось, в лицо пахнуло водяной свежестью. Я подбежала к обрыву, ожидая увидеть каменную лестницу, о которой говорил Сергей, и...

Лестницы не было. Берег обрывался вниз круто, словно срезанный ножом. Подо мной были отвесные гранитные скалы, внизу громоздились камни, и бурлила быстрая река. Но чтобы добраться до этой реки, нужны крылья или хотя бы квалификация мастера спорта по альпинизму с полным набором верёвок-крючьев — мне не спуститься по этой стене (да ещё с ребёнком) даже под угрозой расстрела, тут метров двадцать, не меньше. Но не мог же Серёга меня обмануть — здесь должна быть лестница или что-то в этом роде!

Я завертела головой, и вскоре увидела эту чёртову лестницу — слева, метрах в ста от меня. Берег там понижался, и вниз вела цепочка каменных выступов, по которым вполне можно было спуститься. Значит, я просто сбилась с пути и выскочила на берег не там, где надо. Ну, это поправимо, тем более что у основания каменной лестницы, за громадным круглым валуном, я увидела корму моторной лодки — капитан Флинт ждал ценный груз.

Я перевела дух, перехватила Шепотка поудобнее, и в это время кусты там, откуда я прибежала, раздвинулись.

Из кустов появились две тёмные фигуры в чёрных масках с прорезями для глаз и носа (я почему-то вспомнила безликих — пленных орков, слуг дракона Кост-а-Лома) и пошли ко мне, медленно и молча.

Бежать было некуда.

Я стояла на краю обрыва, глядя на зловещие чёрные фигуры и зная, что сейчас будет. Безликие изнасиловали меня прямо тут, на камнях, а потом перережут мне горло и сбросят в реку — зачем я им нужна? А моего сына, моего Шепотка, они унесут с собой, чтобы в каком-нибудь секретном центре вырастить из него беспощадного и непобедимого убийцу. В нашем мире и так много зла, а станет ещё больше, когда мой сын вырастет и превратится в то, что из него сделают.

И тут меня снова, как когда-то в кабинете директора фирмы, где я работала, окатило

горячей волной.

...Я (или не совсем я — вместо куртки и джинсов на мне было какое-то старинное платье) стояла с ребёнком на руках (его волосы щекотали мне щёку) у высокого окна терема и смотрела вниз, на чёрные камни мощёного двора. Было темно, в воздухе кружился снег. В темноте угадывались контуры домов, притихших в ожидании неминуемой беды. Небо было чёрным, но с одной стороны густо подкрашенное багровым — с той стороны, откуда шла эта беда.

Там, за этим багряным сполохом, остался мой ладо, муж мой, отказавшийся отдать на поругание поганому царю Батыге меня, жену свою, и принявший смерть под татарскими саблями. Он остался лежать там непогребённый-неоплаканный, и чёрные вороны выклевали очи его ясные, и волки серые растащили его белые косточки. А град мой отчий, моя Рязань, обречён — придут под его стены несметные полчища, и стены эти падут, и дома рассыплются горячим пеплом, и кровь затопит улицы, где по весне так вкусно пахнет яблоневым цветом. И меня притащат на аркане к ханскому шатру и бросят на вонючий войлок, чтобы я стала усладой ворогу. А из сына моего, из моей кровиночки, вырастят злого пса, и поскачет он со стаей таких же лютых диких псов на мирные города и селения, оставляя за собой золу, кровь и слёзы. А не бывать этому!

И я (та, другая я) падаю вниз, на чёрные мокрые камни...

Морок растаял — я снова стояла над обрывом, и внизу снова бормотала река.

Мне некогда было разбираться в том, что я видела — безлицие были уже рядом. И я (настоящая я) точно так же, как это сделала другая я, жившая почти восемьсот лет назад, шагнула вниз, навстречу острым камням и глухому ворчанию реки, слыша, как отчаянно колотится сердечко прижавшегося ко мне сына.

Глава 8

Куратор проекта «Дети-уникумы» бушевал — казалось, воздух в его кабинете насыщен грозным электричеством, то и дело разряжавшимся гневными молниями.

— Сидоров, ты обоссался! Жидко! Пэвзошники сработали на «отлично» — сбили эту чёртову вертушку, не задавая лишних вопросов, — а вы? Спецы, мать вашу... Какого хрена твои скорохваты стали изображать из себя киборгов-убийц? Что, нельзя бы крикнуть — мол, не бойся, дура, мы свои? Или парализовать её, в конце концов... Вы же перепугали бабу до смерти, вот она и сиганула с обрыва. Идиоты, одно название! Терминаторы долбанные... Не понимаете вы, сопляки, в женщинах ни хрена — вам бы только постебушки-потрапушки, как сейчас говорят... Литературу читай, Сидоров, — художественную! — а не только нормативные документы. Загнанная в угол русская женщина-мать — это же граната на боевом взводе! Она ведь видела перед собой врагов, понял, нет? Врагов!

Майор Сидоров, стоявший по стойке «смирно» перед разъярённым начальством, сильно напоминал кота, которого принудительно вымыли, а потом высушили в центрифуге стиральной машины.

— Нельзя было стрелять иголкой, — уныло оправдывался он. — Она стояла на самом краю — так и так упала бы вниз. Капитан Иванов и лейтенант Смирнов действовали по методике, рекомендованной психологами: медленное приближение к объекту захвата парализует волю объекта и снижает вероятность неадекватной реакции с его стороны.

— Психологи? Дерьмологи, фрейды-кустари! Вот вы и снизили девчонке реакцию на... — сколько там, говоришь, высоты было?

— Порядка двадцати метров, товарищ генерал.

— ...на двадцать метров. Орлы, ничего не скажешь! И что теперь? Тела нашли?

— Никак нет, товарищ генерал, — майор окончательно превратился в символ уныния. — Следов крови или клочков одежды на скалах тоже не обнаружено — как рассветёт, осмотрим всё более тщательно. Есть вероятность, что они каким-то чудом упали в реку, и...

Генерал походил на бульдозер, пыхтящий на холостом ходу, однако при этих словах своего подчинённого грозное генеральское сопение стало чуть менее угрожающим.

— В реке уже работают водолазы, — майор слегка приободрился, — правда, поиски пока безрезультатны. И есть ещё один вариант, — поспешно добавил он, заметив, что бульдозер в генеральских погонах снова начал набирать обороты.

— Ну?

— Недалеко от места падения, ниже по течению, стояла моторная лодка, и...

— Ну?

— ...и вскоре после прыжка Алины лодка дала ход и быстро скрылась за поворотом реки. Задержать её мы не смогли — пока мои ребята нашли спуск, пока спускались... — майор втянул голову в плечи, ожидая новой вспышки начальственного гнева. — На корме лодки сидел только один человек, но в ней вполне мог находиться — лёжа на дне — и ещё кто-то. Поэтому по лодке не был открыт огонь — а вдруг?

— Хоть на это хватило ума... Да, — генерал задумался, — теоретически возможно. Их могли подобрать из воды... А что за лодка? Что она там делала на ночь глядя? И случайно ли она там оказалась?

— Никак нет, не случайно, товарищ генерал.

— Даже так?

— Так точно. Дал показания парень, который вёз эту сумасшедшую, — мы взяли его живым, хотя он сдуру начал отстреливаться. И его показания совпали с показаниями приведённого в чувство отчима Алины. Лодка ждала наших подопечных — она должна была доставить их в военно-спортивный лагерь патриотического фонда «Россия».

— Ах вот оно что... То-то эти фондовцы засуетились — меня тут уже теребили.

— И на машине они ехали туда же — лодка была страховочным вариантом.

— Хм, так вот какая тут мозаика...

Генерал надолго задумался. Майор молчал, опасаясь слишком громко дышать.

— Значит, так, — произнёс, наконец, куратор программы «Дети-уникумы». — Если, на наше счастье, Алина и её сын живы-здоровы, они должны быть в этом лагере — не могли же они бесследно исчезнуть.

— Прикажете послать туда группу захвата?

— Отставить ненужное рвение, майор, — раньше надо было думать, причём головой, а не задницей. Я сам туда поеду. Вокруг этого мальчишки уже слишком много шума — кто-то здорово постарался. Хватит пальбы — пора дипломатничать. Если они там, то всё обойдётся — может быть.

— А если нет? — осторожно поинтересовался майор.

— А если нет, подыскивай себе место охранника на платной автостоянке, Сидоров, — это тебя ждёт в лучшем случае. А меня уйдут на пенсию, и это тоже в лучшем случае.

И генерал тяжело вздохнул.

* * *

...Меня несло, переворачивало, кидало из стороны в сторону. Я не чувствовала своего тела, а сознание было каким-то ватным, и там мухой в паутине билась одна мысль: «Сашенька... Шепоток...». Волной накатывало забытьё, и я растворялась непонятно в чём — хрен его знает, как это состояние называется. Приплыли, короче. И всё — тьма беззвучная...

А потом я открыла глаза и с некоторым удивлением поняла, что я как бы жива. Это меня вообще-то порадовало, не буду врать, — оставалось только понять, где я нахожусь, и самое главное: где мой сын и что с ним. Я очень отчётливо помнила всё вплоть до того мига, как я шагнула в пропасть, а вот дальше — ну ни фиги не помню. Амнезия называется.

Я лежала на чём-то мягком (так, это мы уже проходили, причём неоднократно), над головой был потолок из аккуратно пригнанных деревянных досок (хм, а вот это уже что-то новенькое...). На евростандарт этот потолок явно не тянул — скорее похоже на типа русский

стиль «вот моя деревня, вот мой дом родной». Доски были чистенькими. Люстры или какого другого осветительного прибора не наблюдалось, однако было светло — как в квартире при обычном дневном свете.

Я попыталась встать и чуть не взвыла от боли: всё тело болело так, словно в нём не осталось ни единой целой косточки или оно, тело моё бедное, сплошняком превратилось в один очень большой и очень больной зуб. Я где-то читала, что японцы выставляют куклы боссов, чтобы все клерки фирмы, где рулит конкретный босс, смогли бы от души отметить макет своего начальника: говорят, это помогает сохранению нормального психологического климата в коллективе — типа нервная разрядка. Не знаю, как оно помогает, зато точно могу сказать, что чувствует такая японская кукла в фирме, где работает человек пятьсот, и причём все они до остервенения любят своего шефа и превосходно владеют бамбуковыми палками. А что же вы хотели, девушка? Лететь с такой верхотуры, да ещё по камням, — скажите спасибо, что вы вообще остались живы! Но где я, и где мой сын?

Я осторожно, опасаясь новой вспышки дикой боли, повернула голову.

Комната — маленькая, но уютная: такая как бы горница-светлица в гостинице класса «ретро». Стены бревенчатые; брёвна обтёсанные и даже вроде покрытые типа лаком, но без всяких там моющихся обоев или стеновых панелей под шёлк. Пол из деревянных плашек янтарного цвета, тёплый на вид. Я лежала в углу на просторном ложе, под лёгким и мягким (синтетика какая-то?) одеялом, и подушка под моей головой пахла не лекарствами, а пряным ароматом цветочного сена (травой она набита, что ли?). Справа окно — обычное: оконный переплёт, стёкла, широкий подоконник; в стене напротив — дверь (тоже деревянная). У окна стол из тёмного дерева и пара табуреток. И всё — ни телефона, ни телевизора, ни каких иных благ цивилизации. Гламур не гламур, но клёво: ладненько, ничего не скажешь, — простенько, но со вкусом, как говорится. Как же я сюда попала? Ну ни хрена не помню, хоть убей!

На одной из табуреток я увидела свою одежду (аккуратно сложенную). Ощущение тела вернулось, и я поняла, что лежу я тут в чём мать родила. Ну да, понятно, — местные типа медики должны же были осмотреть болезную меня на предмет ран-ушибов и прочих увечий. За окном просматривались какие-то как бы деревья — похоже, там был лес. Лес, лес — о чём это говорит? Беспокойство за сына всё нарастало, однако я взяла себя в руки: прежде чем совершать какие-либо энергичные телодвижения, надо хорошенько подумать — логически.

Я удрала из-под самого носа мрачных парней с дырявыми презервативами на головах — спрыгнула с высоты пятиэтажного дома (никогда бы не подумала, что я на такое способна). Судя по тому, что я жива, и даже в состоянии размышлять, мы не грохнулись на камни (при мысли о том, что было бы, если бы мы на них всё-таки грохнулись, меня продрал озноб), а упали в воду. А там — а там нас ждал лодочник (кажется, его звали Максим). Надо думать, он не щёлкал зря клювом, а выудил нас с Шепотком, и... Водную прогулку с обозрением красот вечерней природы я проделала в бессознательном состоянии — это, конечно, жаль, однако не стоит так уж привередничать: скажи спасибо, что ты здесь, а не на дне реки. Так что, надо полагать, я нахожусь в том самом лесном лагере, о котором рассказывал Сергей: за окном явно не городской пейзаж, да и интерьер моей палаты для травмированных при падении со скал тоже не урбанистический. Но почему возле меня нет заботливой сиделки? Повымерли они тут все, что ли? И где мой сын, я вас спрашиваю?

Я пошевелилась. Тело болело, но уже гораздо меньше — по крайней мере, я могла двигаться. Сейчас я встану, и наведу здесь шороху — куда вы дели Шепотка? Если не будет сил одеться, завернись в одеяло или просто пойдут нагишом — пусть ослепнут, гады. Не фиг прятать от меня моего сына, понятно? Шевельнулась было нехорошая мыслишка — а вдруг с ним что-то случилось? — но я быстренько её затоптала: если уж я осталась цела и где-то как-то невредима, то уж Саша, которого я крепко обнимала и прикрывала руками и всем телом, и подавно.

Встать мне не удалось — тело не слушалось, и мышцы объявили забастовку. Стиснув зубы, я попробовала ещё раз — хрена. И тогда я, чуть приподнявшись на локтях (на это сил у

меняхватило), позвала:

— Эй! Есть тут кто-нибудь?

На полновесный крик мой зов походил слабо, однако хозяева моего лесного приюта, похоже, были настороже — наверно, они только что вышли на минуточку от спасённой меня за какой-нибудь укрепляющей микстурой. Я услышала за дверью шаги, дверь отворилась без шума и скрипа, и на пороге...

На пороге моей светёлки стоял боевой маг, герцог Хрум де Ликатес собственной персоной и смотрел на ошеломлённую меня так, словно мы с ним расстались не далее как вчера. Рыцарь внешне нисколько не изменился — что для эхха пять земных лет, — и одет он был точно так же, как тогда, когда я увидела его в первый раз во дворце Окостенеллы: белая рубашка, замшевый жилет, тёмные брюки. У них тут что, моды вообще не меняются?

— Доброе утро, леди! Вот вы и вернулись туда, где вас ждали, — сказал он и улыбнулся той самой своей невероятной улыбкой, которая так часто снилась мне по ночам.

— Хрум... — прошептала я. — Не может быть...

А из-за спины ликатесского правителя возник — ба, знакомые все лица! — страж Роши Порталов Причесах. Он тоже ничуть не изменился: всё та же румяная курносая физиономия, синие глаза и меховая безрукавка. И улыбка — радушная, до ушей и даже шире.

— Я знал, что ты вернёшься, девочка, — прогудел Причесах, — знал, что ты сумеешь это заслужить. Добро пожаловать в Эххленд — я рад видеть тебя в своём доме!

Я не совсем поняла, что он хотел сказать словами «сумеешь это заслужить», потому что в этот момент между эххийскими магами протиснулся Шепоток, и мне сразу стало как-то не до вдумчивых размышлений над смыслом любых высказываний — даже самых мудрых.

Сашуля бы весел и оживлён, глазёнки так и сверкали — всё моё беспокойство как рукой сняло. На нём был не комбинезон, в котором мы загрузили его в «мечту оккупанта», а местный прикид: белая полотняная рубашка навыпуск и такие же штанишки, на ногах лёгкие сапожки — прям сказочный мальчик.

— Мама! — радостно закричал он, бросаясь ко мне. — Я тоже знал, что всё, что ты мне рассказывала — это не просто сказка! Как здорово, мам, что мы сюда вернулись, правда?

— Конечно, сынок, — тихо сказала я, дотянувшись рукой до его мягких волос. — Ты же знаешь: сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок. И очень хорошо, что мы сюда вернулись...

Глава 9

Говорят, от счастья не умирают, но в этот момент мне казалось, что я буду первым исключением из этого правила. Неужели... Неужели? Неужели!? Неужели — сбылось!!!

А потом мне стало страшно: а вдруг всё это мне только мерещится? Навязчивая идея, так сказать, воплотившаяся в красочные глюки после того, как я основательно приложилось башкой о камушки. А что? Легко, и очень логично, между прочим. В реальность моего сына не поверить было трудно — Шепоток стоял рядом, и я ощущала ладонью знакомую мягкость его волос, — но вот что касается всего остального... Вот как превратятся сейчас де Ликатес с Причесахом в обыкновенных лекарей в пропахших медициной не очень свежих халатах, и выяснится, что ни в какой Эххленд я не возвращалась, и что на самом деле я лежу в каком-то типа изоляторе (причём неизвестно где) в покалеченном состоянии и с перемкнувшимися на нервной почве мозгами. Мне захотелось укунить себя за руку — говорят, помогает в таких случаях, — но сделать этого мне не удалось: волной накатила опустошающая слабость.

— Мам, тебе плохо? — обеспокоено спросил Шепоток.

А де Ликатес распахнул окно, и в комнату вошёл свежий воздух (хотя тут вообще-то и не было душно), наполненный ароматами леса. Это был воздух Эххленда — я помнила его вкус! Этот воздух можно было пить как вино — пить и пьянеть не пьянея. Такого воздуха нет в моём привычном мире — нет, и быть не может! А лес за окном — это же Роща Порталов со всеми её чудесами! Неужели это всего лишь иллюзия? Нет, в это я не верю — не

хочу верить, и не могу, потому что иначе...

— Всё хорошо, Сашенька, — не слишком уверенно ответила я.

— Не волнуйся, это пройдёт, — успокоил меня Причесах. — Последствия управляемого перехода.

«Управляемого? — подумала я. — Хм, хотелось бы поподробнее...».

— Ваш малыш, — Хрум с улыбкой посмотрел на Шепотка, — скользнул между мирами рыбкой...

«Ещё бы — полуэхх, как-никак!».

— ...а вот вам, леди, пришлось куда сложнее.

— И поэтому, — вмешался страж Роши, — самое время перекусить.

«Шашлыком из лярвы? Помню я, гостеприимный ты наш, чем ты меня в прошлый раз потчевал... Однако надо бы встать — чего это я тут разлеглась, как дура последняя?».

Шепоток, похоже, был на этот счёт — чтобы мне встать — того же мнения. Он шустро метнулся к табуретке и притащил мои шмотки, заботливый. Так, теперь попросим мужиков выйти вон — не фиг глазеть на голую меня.

— Лежи, лежи, — Причесах предостерегающе поднял руку, — ты под магией, так что пока тебе не стоит напрягаться. Завтрак будет подан вам в постель, леди А...

Тут он запнулся, и это, как ни странно, окончательно убедило меня в том, что все это — не сон, а самая что ни на есть реальность. Моя же собственная иллюзия, сомневающаяся в том, каким именем меня назвать, — это чересчур круто, наука этого не допускает.

— Меня зовут Алина, достойный маг, — твёрдо заявила я. — Активии Отданон больше нет, а про королеву Алаву я и слышать не хочу. Извиняйте, если моё имечко вам не по душе.

Оба эхха синхронно улыбнулись. Шепоток смотрел во все глаза и слушал во все уши.

Подушка под моей головой завозилась, раздуваясь и помогая умученной мне принять полусидячее положение; ложе чуть наклонилось и приподнялось — обыкновенная эххийская бытовая магия. Лады, поиграем в римскую матрёну — кажется, они пировали полулёжа. А вот одеяло на груди стоит попридержаться (оно, подлое, так и норовит соскользнуть) — в римскую гетеру играть мы не будем, тем более на глазах у ребёнка.

Сервировка завтрака обошлась без магии. Хрум просто придвинул к моему ложу стол с табуретками, а Причесах вышел и скоренько вернулся, гружённый блюдами и напитками. Мне даже показалось, что у него по меньшей мере две пары рук — держать весь этот типа фуршет на четверых двумя руками не смог бы самый профессиональный халдей VIP-класса. Саша пристроился ко мне, а маги чинно, с оттенком торжественности, уселись на табуретках.

— Ну, — Причесах поднял кубок, — за возвращение!

Эххийское вино — думала ли я, что когда-нибудь снова его попробую? Нет, думать-то я, конечно, думала, а вот надеялась уже слабо. Ох, только бы это не было иллюзией — я этого не переживу: скончаюсь на месте и оставлю моего сынулю сиротой.

Филе лярвы в меню нашего праздничного завтрака, к счастью, не входило — на столе было жаркое из обычной дичи, варёные овощи, фрукты и ягоды: совершенно потрясные на вкус, вроде нашей лесной земляники, только гораздо крупнее. Я с удовольствием орошала весь этот праздник живота вином, а для Шепотка гостеприимный хозяин соорудил что-то безалкогольное, но ничуть не менее вкусное. Блин, как хорошо! И никаких тебе придурков в масках, чтоб им икалось без остановок... И никаких неудобств от отсутствия удобств (хотя лежу я тут вроде уже давненько) — наверно, лечебная магия временно избавила меня от такой человеческой необходимости. Типа мелочь, а приятно.

Ощувив в организме бодрость и приятную сытость, я решила, что пора бы переходить к орфографическим упражнениям: время расставлять точки над «ё».

— Слушайте, граждане маги, не объясните ли вы, наконец, кое-что бестолковой мне? — я поставила на стол пустой бокал и поддёрнула моё упорно сползающее одеяло. — У меня тут к вам вопросов накопилось типа безответных — как я сюда попала, что такое «управляемый переход» и что значит «заслужила»? Ну, и по мелочи — кто такая Кагга, что за кошка хотела меня поцарапать, как поживает его светлое, то есть светловолосое,

величество Шумву-шах, и что мы вообще будем делать? В смысле, по окончании банкета?

Эххи переглянулись.

— Много вопросов... — задумчиво проговорил правитель Ликатеса.

— И будет лучше, — в глазах Причесаха мелькнул лукавый огонёк, — если обо всём ей расскажешь ты, рыцарь. В конце концов, возвращение Алины — твоих заклятий дело!

— Это не совсем так, — запротестовал Хрум. — Она сама...

Но страж Роци оставил его протест без внимания.

— Послушай, малыш, — обратился он к Шепотку. — А пойдём-ка мы с тобой погуляем. В лес — я покажу тебе много интересного: поющие цветы, говорящие деревья, птиц, которые чувствуют настроение.

— И порталы? — деловито осведомился мой сын.

— И порталы, — кивнул Причесах. — А как же!

— А как же мама? — Я видела, что Сашуле очень хочется тут же отправиться в такое заманчиво-сказочное путешествие, но он, умница моя, помнил и обо мне.

— А маме надо ещё полежать, — очень серьёзно ответил маг Гильдии Стражей. — Она потратила много сил, чтобы сюда попасть, и теперь ей надо немножко отдохнуть. Ты за неё не беспокойся — с ней останется дядя Хрум и будет её охранять, пока ты не вернёшься.

Шепоток оценивающе посмотрел на герцога, потом перевёл взгляд на меня.

— Я пойду погуляю? Можно?

— Иди. Только смотри под ноги и слушайся дядю Причесаха.

Сашуля засиял от радости, цепко ухватил стража за руку и выволок его из комнаты в режиме маленького буксирчика, тащащего тяжёло гружёную баржу.

— Ну, — сурово спросила я Хрума, когда дверь за ними закрылась, — жду объяснений. Ты же у нас, помнится, вежливый до ужаса — не будешь же ты заставлять прекрасную даму умирать от неудовлетворённого любопытства в страшных судорогах? Давай по порядку — дама сгорает от нетерпения. — Моя последняя фраза прозвучало несколько двусмысленно, и я поспешила добавить: — Типа очень хочет она знать, что, да как, и почему.

— Если по порядку... — начал было герцог, но я его перебила, решив взять инициативу в свои руки.

— Знаешь, Хрум, давай-ка я лучше буду задавать тебе вопросы, а ты будешь мне на них отвечать, коротко и ясно. А то ты сейчас начнёшь плясать от очень дальней печки — от сотворения Вселенной. Знаю я твою рыцарскую велеречивость — наслышана, и память у меня хорошая. Итак, вопрос первый: как я здесь очутилась?

— Через портал, — коротко и ясно ответил рыцарь (даже, пожалуй, чересчур коротко).

— Угу. А как я в него попала? Стоп, погоди, сама попробую догадаться... Я прыгнула с этого чёртова обрыва, и... Правильно?

— Да, леди. Но если бы меня не было рядом, то ни в какой портал вы бы не попали. Я подправил вектор межпространственного перемещения, совместил его с...

— Стоп, стоп, стоп! — я подняла руку, однако от этого моего движения вышедшее из-под контроля одеяло радостно заскользило вниз по моему телу, и я торопливо её опустила. — На фиг твои мудрёные термины, ты мне по-простому излагай, на пальцах.

— Объясняю, — терпеливо повторил ликатесский герцог, — спонтанное попадание в портал — редчайшее явление, одно на миллионы, и если бы меня не было рядом, то вы бы просто... — он замаялся.

— Просто долбанулась бы о камни? Так? — подсказала догадливая я, запоздало леденея от ужаса.

Хрум молча кивнул.

Я задумалась.

— Значит, — сказала я, закончив выстраивать логическую цепочку, — ты, спаситель, подправил этот самый вектор и обеспечил нашу доставку в Эххленд? Ну да, Причесах ведь сказал «твоих заклятий дело»... А какого тогда хрена вообще нужен был этот смертельный номер? Ты что, не мог забрать нас по-простому, без всякого экстрима?

— Нет, — боевой маг покачал головой, — не мог. Выхватить обитателя другого мира — это чародейство из разряда сложнейших. На такое способны далеко не все маги-Следящие, а про нас, эххов, и говорить нечего. Вы должны были мне помочь, и вы мне помогли.

— Помогла? Не въезжаю я как-то... («Знала бы, так давно бы тебе помогла...»).

— Вы совершили *поступок*, леди... Алина, — настоящий поступок. Вы сделали свой выбор — сами. И заслужили возвращение, как сказал почтенный страж Рощи Порталов. Всё очень просто.

— Первое место в соревнованиях по прыжкам со скал, — пробормотала я. — Ну да, всё очень просто — проще некуда... А если бы я не прыгнула — что тогда?

— Ничего, — рыцарь пожал плечами. — Вы остались бы в своём мире...

— ...на радость эти мальчикам-зайчикам в дырявых капюшонах. Погоди-ка, и давно ты меня типа опекаешь? Кагга — это ведь был ты, верно?

— Сначала это был Причесах, а потом — я.

— Принял эстафету, значит.

— Да, — Хрум посмотрел мне прямо в глаза. — Я помнил о вас, Алина. Все эти годы.

— Приятно слышать — запала я, значит, в твою рыцарскую душу... А что же ты тогда так хреново меня охранял? Серёжка погиб, защищая меня, а ты и пальцем своим магическим шевельнуть не соизволил! Трудно было тебе снести нах эту чёртову чёрную машину?

— Я не мог этого сделать.

— Что значит не мог? Маны на этот драндулет не хватало, что ли?

— Вы меня не поняли. Я не мог не физически, а... Мы не вмешиваемся активно в дела иных миров и в судьбы их обитателей — это нам запрещено. Мы сильнее — разве справедливо, если в детский сад придёт школьник-старшеклассник и начнёт чинить там суд и расправу? А парень, который вас вёз, остался жив — за него не беспокойтесь.

— А я и не беспокоюсь. А ты что, ревнуешь?

Хрум промолчал, и я вдруг поняла, что моя подколка не так далека от истины. Вот это да — кто бы мог подумать... А вот мы сейчас это проверим...

— Не мог, говоришь? — я прищурилась. — А если бы эти милые парни в чёрном стали бы меня убивать-насиловать — что тогда? Ты сидел бы себе на ветке и любовался?

— Они не стали бы этого делать, — герцог опустил голову, избегая моего взгляда, — у них был другой приказ.

— А если бы? — настаивала я. — Убивать — ладно, допустим, им было приказано взять меня живой, но уж трахнуть-то меня они могли запросто! Премия за хорошую работу, так сказать, — кто будет разбираться?

— Тогда... — в голосе рыцаря лязгнула боевая сталь. Он снова поднял голову, и глаза его сверкнули. — Тогда я бы их убил мгновенно. И пусть меня потом изгнали бы из Эххленда и пожизненно сослали в какой-нибудь Тёмный Мир! Я убил бы их, леди Алина, если бы они попытались причинить вам вред, а никто другой не смог бы этому помешать.

Серые глаза де Ликатеса светились жарким пламенем, и я таяла, таяла, таяла в этом огне...

— Хрум... — прошептала я. — Поцелуй меня... Пожалуйста...

«А ведь на мне ничего нет, — мелькнуло у меня в голове, — одно одеяло... Что он обо мне подумает? «Водопад Слёз-2» называется — вторая серия...».

Но он ничего не подумал — наверное. Герцог наклонился ко мне и поцеловал меня, нежно и ласково, но так крепко, что у меня закружилась голова.

Господи, великий бог Вселенной, храни старого добряка Причесаха в его бесконечных схватках со всякими астральными тварями! Как хорошо, что этот мудрый дядечка ушёл в лес погулять и взял с собой Шепотка! Он ведь знал, знал, что нам с Хрумом просто необходимо остаться наедине...

Глава 10

Говорят, мужчина ищет в любви секса, а женщина в сексе ищет любви. Красивые слова, только я раньше как-то не принимала их всерьёз — мало ли красивых слов придумали люди? А оказывается... Но не буду я ничего говорить и рассказывать — сами почувствуйте разницу (если, конечно, вам повезёт, чего я искренне всем желаю).

Такие вот примерно мысли альтруистическо-эротического окраса вяло шевелились в моей голове, когда я лежала, расслабленно-уютно устроившись на плече де Ликатеса. Мне было хорошо — хо-ро-шо! Последствия «управляемого перехода» прошли бесследно, уступив место другим, куда более приятным ощущениям — послекусие называется. Нет, блин, *таких* иллюзий не бывает — это уже чересчур!

Поднявшееся солнце всюду светило в окно, осыпая жёлтыми искорками лицо Хрума, и я увидела у него на подбородке тонкий розовый шрам, прятанный в короткой бороде рыцаря.

— Откуда это? — тихонько спросила я, осторожно дотронувшись до шрама. — Совсем свежий...

— У кошки были острые когти.

— У кошки? — я вспомнила клубок, катавшийся по асфальту. Когда это было? Вчера — не прошло и суток! Но за эти неполные сутки столько всякого случилось — такого драйва я ещё в жизни не видела. — А кто это был? Ну, эта как бы кошка?

— Чернодыр — один из лучших магов Вам-Кир-Дыка.

— Ты его убил? Ваш этот типа запрет не распространяется на пришельцев из других миров?

— Не распространяется. Наоборот, — герцог взял мою руку и бережно поднёс к своим губам, — мы обязаны им противостоять: вам самим с чёрными не справиться. А Чернодыру удалось уйти — я его только ранил. И он тоже в долгу не остался — достойный противник.

— До свадьбы заживёт...

— Раны, нанесённые магией, заживают плохо — шрам останется.

«Ну, шрамы украшают мужчину, — подумала я, — если, конечно, шрамов этих у него не слишком много». Но озвучивать свои косметические соображения я не стала: меня куда больше интересовала реакция де Ликатеса не на слово «заживёт», а на слово «свадьба». Но он, подлец такой, и не подумал продолжать тему. Ладно, попробуем по-другому.

— А ты действительно думал обо мне, правда? (я помнила, ясен пень, что эххи не врут, но мне хотелось услышать чистосердечное признание от самого подозреваемого).

— Да, я думал о тебе («Ага, на «ты» мы всё-таки перешли — это уже прогресс!»).

— И я тоже, — томно прошептала умиротворённая я, теснее прижимаясь к Хруму, — ты мне даже снился, рыцарь... И я тебе верная была...

Но тут я спохватилась (эххи не врут, и врать им тоже не рекомендуется: последствия могут быть очень неприятными, доказано на моём собственном опыте) и внесла поправку:

— Ну, то есть почти верная... Пару раз, типа случайно, — это ведь не в счёт, правда?

Де Ликатес промолчал, и тогда я перешла в наступление, памятуя, что это лучший способ обороны.

— Думаешь, мне легко было одной? Год за годом, когда от тебя ни слуху, ни духу, ни даже занюханной эсэмэски! У вас ведь водятся эти, как их там, Любознательные — трудно тебе было попросить кого-нибудь из них сбросить мне пару строчек на мыло? Леня было, да? Сам-то ты, небось, не пропускал ни одной юбки — в перерывах между грустными думами о безмерно далёкой мне! Ты же у нас правитель — знаем мы, какими табунами скачут бабы вокруг статусных красавцев-мужиков! А я...

Герцог рассмеялся и закрыл мне рот поцелуем. Я чуток побрыкалась (для виду), но про себя отметила, что этот раунд остался за мной — Хрум явно признал своё поражение. И я не ошиблась.

— Пару раз — это не в счёт, — сказал он, глядя на меня с улыбкой, — что было, то прошло. Не бери в голову, как у вас говорят.

«Вот именно, что не в счёт, — подумала я. — А теперь ты мой, и хрен я тебя кому уступлю, и не надейся!». Оставалось закрепить успех.

— Я ведь теперь твоя как бы жена, да? — спросила я предельно наивным голосом.

Нет, вы не подумайте, что я типа совсем блондинка инфантильная: в своём родном мире мне в здравом уме и трезвой памяти и в голову бы не пришло задать такой идиотский вопрос парню, оказавшемуся в моей постели, — что я, совсем дура? Но здесь, в Эххленде, особенно зная рыцарские типа принципы герцога де Ликатеса и помня, как он держал себя у Водопада Слёз... Ведь даже незабвенный дракон Костя, и тот вёл себя соответственно: жена, и всё тут.

— Как бы да, — спокойно произнёс боевой маг и повторил: — Как бы.

— Что-что? Что ты сказал?

— Если ты согласна, я готов назвать тебя своей женой, — продолжал Хрум, — однако тут есть некоторые сложности...

Я почувствовала, как во мне закипает холодное бешенство. Нет, вы сами прикиньте, что за дела? Как говорить красивые слова, целовать-миловать — это всегда пожалуйста, а как насчёт жениться — тут нас, рыцарей, днём с огнём не сыщешь! Нет, мужики (даже самые лучшие экземпляры этого подлого племени) все скроены по одному шаблону — все они одинаковы, во всех Мирах! У него — в смысле, у Хрума, — давным-давно, наверное, жена и целый выводок детишек (время-то здесь идёт по-другому), которых он, понятное дело, никак не может бросить (старая песня о главном). А со мной он так, порезвиться-побаловаться, как это у мужиков принято. А я-то, дура, размечталась — вот она, любовь моя неземная... Ну что за жизнь такая гадская — теперь мне (для полноты счастья) не хватает только родить ещё одного ребёнка-безотцовщину. Нет уж, фигушки — хватит!

Вывернувшись из-под руки де Ликатеса, я рывком села на порядком развороченном ложе и ухватила свои тряпки, валявшиеся у меня в ногах.

— Пора вставать, благородный рыцарь, — холодно бросила я, не оборачиваясь. — Ночь любви прошла.

Вместо ответа он обнял меня и притянул к себе — руки у него сильные, ну никак не возможно сопротивляться!

— Ты не поняла. Я готов жениться на тебе хоть завтра, но я не могу этого сделать.

— И почему же, хотелось бы знать?

— Потому что ты жена Шумву-шаха.

Вот тут я чисто конкретно прибалдела — какая я, на хрен, жена этому белобрысому? Он же меня выгнал!

— Тебя изгнали из Эххленда, — объяснил Хрум, — то есть ты как бы умерла для нашего мира. Поэтому Шумву-шах и маги не расторгли ваш брак — они ведь и подумать не могли, что ты сможешь сюда вернуться. Вспомни историю Ослабеллы — король не мог вступить в новый брак, ведь она всё ещё считалась его женой. Точно так же получилось и с тобой — формально ты всё ещё жена Шумву-шаха и королева Эххленда.

— Да мне и на хрен не упало это королевство! — Я хотела было добавить «хватит с меня и титула герцогини де Ликатес», но вовремя прикусила язык — не хватало ещё, чтобы Хрум подумал, что я навязываюсь к нему в жены исключительно по меркантильным соображениям. — Вот уж не думала, что у вас тут так блюдут всякие юридические тонкости — адвокаты рулят, да? И что, это такая проблема — оформить развод?

— Особых проблем нет — нам с тобой просто надо побывать в столице. Ну, ты больше не сердись? — И мой рыцарь улыбнулся растаявшей мне своей замечательной улыбкой.

Я для порядку всхлипнула и уткнулась носом в его щёку. От сердца отлегло: съездить в Камерон — делов-то! Интересно, как будет реагировать Окостенелла (и сам король) когда я заявлюсь к ним, да ещё не одна, а с сынулей? Жесть — представляю себе их рожи! Шумву-шах просто обалдеет, а эта его драная эльфийская кошка зашипит от злости, когда узнает, ко всему прочему, что её бывший преданный поклонник влюбился в меня без памяти и хочет на мне жениться — вот уж я над ней посмеюсь! А потому что не фиг было меня изгонять —

могли бы и помягче придумать наказание. Хотя нет, не могли — там же вопрос вообще стоял о казни за государственную измену. Ладно, разберёмся, главное — Хрум мой, и я его никому не отдам!

* * *

Однако нам и в самом деле пора было вставать — мы валялись тут уже часа три, не меньше. Счастливые часов не наблюдают (да и часов — в смысле, с циферблатами — я тут не видела), но солнце за окном (и желудок) подсказывали: время близится к обеду. И Шепоток мой наверняка уже проголодался — прогулки на свежем воздухе способствуют аппетиту. Значит, они с Причесахом вот-вот вернутся, а мне почему-то не хотелось, чтобы нас с де Ликатесом застали в больничной койке, превращённой в брачную постель. И я (хоть мне и хотелось ещё разок понежиться) скомандовала подъём.

Рыцарь подчинился, мужественно взяв себя в руки (без всякой магии я видела по его глазам, что он совсем не прочь порепетировать интимную сторону нашей будущей семейной жизни ещё часа три). Я быстро оделась, отметив мимоходом, что у меня вошло в традицию прибывать в Эххленд в джинсах (не в тех, конечно, которые были на мне пять лет назад, но всё-таки), помылась-почистилась и всё остальное-прочее (соответствующий уголок в доме Причесаха отыскался без проблем) и принялась хозяйничать на кухне (или как там назвать закуток, заваленный разнокалиберной посудой и всякой снедью).

Среди прочего кулинарного изобилия я наткнулась на солидных размеров плетёную корзинку с пирожками и тут же, по ходу дела, загрызла пару штук (аппетит разыгрывается не только от прогулок на свежем воздухе, но и от... ну, вы понимаете). Вкуснотища — нет слов! Правда, пирожки были холодными, а ничего похожего на микроволновку я среди кухонной утвари не обнаружила. Выручил Хрум, ходивший за мной улыбчивой тенью, — он взял один пирожок в ладони, с минуту подержал и вернул его мне в уже разогретом состоянии. «Нет, магия — это вещь! — подумала я, уплетая этот «эхх, биг-мак», — так и растолстеть недолго». Сделав над собой определённое усилие, на третьем пирожке я прервала процесс пожирания эххийских вкусностей и занялась более прозаическим делом (и вовсе не потому, что так уж боялась испортить фигуру, а потому что в непосредственной близости от меня имелось ещё три голодных рта, одним из которых был мой сын, а вторым — мой как бы муж). Короче, обед я приготовила и стол (не в спальне, а в большой комнате) накрыла (не буду врать, всё это с помощью де Ликатеса — он не отходил от меня ни на шаг, и это было очень приятно).

Причесах с Шепотком появились в аккурат вовремя — я как раз ставила на стол бокалы (последний штрих называется). Тактичный страж Роши, я так думаю, в общих чертах отслеживал положение дел в своём коттедже — чтобы и нам с Хрумом не помешать, и чтобы ребёнка голодом не морить, — и это у него получилось. Умница он всё-таки, честное слово...

Сынишка мой выглядел превосходно — прям картинка под названием «счастливое детство». Глаза у него горели, как два маленьких фонарика, и вообще он изменился: словно спал-спал, и вдруг проснулся. А может, так оно и есть? Ведь мой Шепоток вернулся в другой свой мир, и, кажется, этот другой мир был для него роднее.

— Мама! — закричал он прямо с порога. — Там такое, такое! Я видел порталы — это как голубая дымка в воздухе над полянкой. А птицы роняют перья, и они светятся! А лепестки у поющих цветов мягкие, как... как...

Шепотка переполняли впечатления, а я с беспокойством посмотрела на Причесаха — неужели у него хватило ума потащить ребёнка к порталам? Оттуда ведь, насколько я помню, имеют обыкновение вылезать не только безбашенные попаданцы из разных миров, но и кое-кто поопаснее. Чем у нас там крыта крыша этого лесного домика? Вот-вот, об этом и речь. Балбес он всё-таки, честное слово...

— Не волнуйся, — лихой охотник на лярв понял меня с полумысли. — Во-первых, мы

были только у пустых порталов, где ничего не вызревало; во-вторых, не подходили к ним слишком близко. А в-третьих, — он улыбнулся, — разве я стал бы подвергать опасности жизнь твоего сына? Он ведь не только твой сын, но и сын этого мира, сын...

И тут случилось неожиданное.

Шепоток внимательно посмотрел на де Ликатеса, потом на меня, затем снова перевёл взгляд на де Ликатеса.

— Я знал, — произнёс он очень по-взрослому. — Знал.

А потом он подошёл к де Ликатесу, взял его за руку и сказал срывающимся голосом:

— Папа, почему ты так долго не приходил? Я так тебя ждал... Я знаю, трудно пройти между мирами, но почему ты так долго не приходил? Мне было без тебя плохо, и маме тоже.

Я выронила бокал, который держала в руках. Бокал упал на стол, но не разбился — металлический потому что. В горле застрял горячий комок. Немая сцена называется.

Дети смотрят на мир совсем другими глазами — не так, как взрослые. Для детей всё просто: если рядом с ними мужчина и женщина, которых явно что-то связывает (а это ведь видно и без хитрой магии), значит, это мои папа и мама. Это только потом дети узнают, что в жизни не всё так просто... И Шепоток наверняка увидел тонкие нити, соединяющие меня и Хрума, и сделал вывод — такой, который показался ему единственно правильным. В другой ситуации я бы искренне порадовалась такому открытию моего сына (незримые для обычных людей нити между мужчиной и женщиной означают, что они любят друг друга), но сейчас... Ведь эххи не врут — что ответит Хрум? Он скажет правду, и этим сделает Шепотку больно! Господи, что же мне делать?

— Папа, почему ты молчишь?

«Хрум, любимый, — мысленно заклинала я, — ну соври, ну что тебе стоит? Ведь ты же сам говорил, что ради меня ты нарушил бы этот ваш дурацкий запрет насчёт нельзя убивать жителей других миров, а сейчас тебе не надо никого убивать — тебе надо спасти! Спасать — и кого? Маленького ребёнка, который счастлив, а после твоих слов может стать несчастным! Хрум, миленький, ну соври, ну пожалуйста! Когда-нибудь потом, когда будет можно, мы с тобой расскажем ему всю правду, а сейчас соври! Хрум! Умоляю тебя — соври!!!».

Я видела, что рыцарь колеблется — его лицо было растерянным. Боевой маг присел на корточки перед Шепотком, осторожно обнял его за плечи и заглянул в глаза. Шепоток ждал.

«Хрум, соври!!!! Если ты сейчас скажешь правду, я тебя возненавижу!!!!»

— Малыш, — голос рыцаря дрогнул, — ты действительно сын этого мира, в твоих жилах течёт эххийская кровь. Я теперь всегда буду рядом с тобой и с твоей мамой, потому что я вас обоих люблю. Но я...

Я закрыла глаза — не хочу я видеть того, что будет дальше...

Герцог не договорил — он прервался на полуслове, а я кожей почувствовала: вокруг нас творится что-то недоброе. Я поспешно открыла глаза и не поняла, что случилось.

Свет померк — солнце, заслонённое чем-то тёмным и очень большим, больше не било в окна избушки мага Причесаха, стража Роши Порталов. Уютный домик содрогнулся, стены пошатнулись, заскрипели брёвна, трущиеся друг о друга.

А снаружи часто и гулко захлопали широкие кожистые крылья, словно там металась целая стая гигантских летучих мышей. Знакомый звук — я его уже слышала...

«Горгульи? — подумала я. — Или... Неужели драконы?!».

Глава 11

Темнота, и в этой темноте кто-то словно проводит мне по лицу мокрым полотенцем. С усилием разлепляю глаза.

Надо мной склонился Хрум, вот только я скорее догадалась, что это он, чем узнала его. Рыцарь выглядел ужасно: весь в крови, ожог во всю щёку, спалённая борода, от одежды одни обгорелые лохмотья. Ну да, он же дрался без доспехов, в чём был, вот и... Хотя магия — это

дело такое, тут и кольчуга не сильно поможет. Влажного полотенца не было — де Ликатес привёл меня в чувство ладонью. Ладонь у него тоже была в крови, но, похоже, в чужой — в какой-то зеленоватой. Наверно, это кровь этих, которые на нас напали, — ихор называется. А где... Где мой Шепоток?!

Приподнимаюсь на локтях — локти скользят по ещё горячей золе. Хрум помогает — поддерживает меня за плечи. Пошатываясь, встаю, машинально отряхивая грязные джинсы. Оглядываюсь — картина Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Или первый день после Апокалипсиса...

Вместо весёлых зелёных деревьев, подступавших почти вплотную к избушке лесника, — голые обожжённые стволы, торчащие, словно обугленные кости — ни веток, ни коры. Тунгусский метеорит упал — тьфу ты, чушь какая в голову лезет...

Между домом и выгоревшей опушкой Роши Порталов — бесформенные кучи чего-то непонятного. Ну да, это ведь искромсанные трупы нападавших — оба мага дрались умело и яростно. А потом тут прошёл огонь — типа лесного пожара, — и хорошенько всё поджарил. От самого домика Причесаха, где совсем ещё недавно мне было так хорошо и уютно, осталась лишь груда обгорелых брёвен, поверх которой валялись закопченные чешуйки астральной змеи, похожие на большие чёрные подносы, — остатки рухнувшей кровли.

Возле руин я заметила две фигуры в тёмных плащах и непроизвольно дёрнулась, но Хрум успокоил:

— Это маги Гильдии Стражей, — сказал он хрипло. — Эх, если бы они прибыли чуть-чуть раньше...

Мы подошли ближе к неподвижным чёрным фигурам, и я увидела накрытое плащом тело, лежавшее возле них на засыпанной пеплом земле. Из-под плаща торчала окровавленная волосатая нога в грубом башмаке и очень хорошо мне знакомая тёмно-седая шевелюра.

— Причесах... — прошептала я.

— Он жив, — надтреснутым голосом проговорил де Ликатес, — он только тяжело ранен. Доблестный страж был рядом с твоим сыном, на которого был направлен удар.

— И он будет жить, — заговорил один из тёмных плащей, — но пока эту Рошу будет охранять другой страж.

— Хрум, — выдавила я, отводя взгляд от израненного лесника, — где мой сын?

— Его унесли, — тихо ответил рыцарь, и я увидела в его серых глазах боль и чувство вины. — Нападение было слишком внезапным...

* * *

...Стена рухнула — к счастью, наружу, а не внутрь дома, — и я увидела совершенно бредовое зрелище. От опушки леса к нам валила (шла? ползла?) целая толпа змееподобных тварей. Я их узнала — это были древесники, одним из которых так аппетитно поужинал Кост-а-Лом, когда мы с ним отправились в поход против Окостенеллы. Душителю тянули к нам свои ручонки и шипели как целая куча горячих сковородок, на которые плеснули холодной водой. А над разваливающимся домом Причесаха кружили нечты.

Их было штук шесть, но казалось, они заполнили всё небо — каждая тварь имела по пять голов, оснащённых клыкастыми пастями: сплошная стоматологическая реклама. Тела у них снизу походили на змеиные — ряд продолговатых щитков, — только змейки эти немногим уступали по размерам (каждая была с бегемота, не меньше, и это не считая хвоста) той, чья чешуя пошла на крышу нашего коттеджа. Непонятно, как такие уродины могли держаться в воздухе — короткие крылышки этих гибридов многоглавой ящерицы и дирижабля выглядели нелепой фантазией обкурённого дизайнера.

— Летучие гидры! — выкрикнул Причесах, и я уловила в его голосе не то чтобы страх, но некоторую опаску и явное уважение.

Так вот вы какие... Помнится мне, мой типа муж, дракон Костя, имел с вами тёрки, и потом едва дополз до своего горного замка — Ослабелла его еле-еле откачала. Но

предаваться воспоминаниям мне было некогда: нас атаковали одновременно с воздуха и с земли.

Причесах метнулся вперёд и прикрыл собой Шепотка; в руках у стража Рощи откуда-то возник громадный топор (похоже, тот самый, знакомый мне ещё по моему первому визиту в Эххленд), с гудением описавший в воздухе широкую дугу. Я кинулась было к ним, остро сожалея, что у меня нет хотя бы какого-нибудь вертела, но герцог железной рукой отбросил меня к себе за спину.

— Нельзя! Не мешай! — крикнул он, и через секунду я поняла, почему нельзя: вокруг Причесах и моего сына возник светящийся кокон, о который с треском разбилась молния, рассыпая яркие искры, — маг Гильдии Стражей поставил защиту. А перед моими глазами льдисто блеснуло лезвие меча, выхваченного Хрумом (тоже непонятно откуда).

Дальнейшее мне запомнилось смутно — помню только, что из дома мы выскочили, он развалился уже потом. До нас докатилась волна древесников, и началась мясорубка — танец смерти, исполнявшийся де Ликатесом у Зелёных Камней, показался бы плавным вальсом по сравнению с тем бешеным брейк-дансом, который выдал сейчас адепт Магии Меча. Вокруг меня хрюкало, чавкало, хлюпало, во все стороны летели брызги и ошметки рассечённых змеиных тел, и остро воняло какой-то гадостью. Хрум наступал, оставляя за собой пустоту, усыпанную мелко нарубленным фаршем, и ни одна ползучая тварь так и не сумела до него дотянуться. С этими червяками-переростками мы справились бы без проблем, но были ещё и гидры.

У летучих гадин имелись не только пятиствольные пасти — гидры владели магией. Огнём они не плевались, зато метали молнии похлеще любого электрического скота, то есть ската. Если бы не защитные магические коконы, нас спалили бы в момент — теперь-то я поняла, каково было Кост-а-Лому в драке с этими короткокрылыми зверюшками. Рубить им головы было бесполезно — они тут же отращивали их снова, как и положено гидрам, — а применить методику Геракла, то есть прижигать тварям шеи после топорной ампутации голов, Причесах в одиночку, похоже, не мог. Ему не хватало сил на всё, а де Ликатес был очень занят своей мясницкой работой — древесников из лесу напоззло видимо-невидимо.

Изловчившись, страж Рощи лихо располовинил одну из гидр — топорик у дяденьки Причесах был явно не простой. Расчленённая туша, ломая брёвна, грузно завалилась прямо на остатки дома, и тут со спин остальных гидр посыпались какие-то диковинные создания.

Десантники смотрелись устрашающе: чёрные доспехи, чёрные лица, чёрные клинки — полный мрак, короче. Ног у них было по две, зато рук — три, третья росла из середины груди и была длиннее двух других; я видела, как некоторые из них временами использовали эту третью руку в качестве третьей ноги. Ходячие табуретки быстро взяли Причесах в кольцо — мне поплохело.

— Хрум! — отчаянно заорала я. — Смотри! Кто это?

Рыцарь на секунду отвлёкся от избиения отступающих древесников.

— «Чёрные кобольды», — коротко бросил он, поворачиваясь к новому противнику. — Не выходи из-под кокона!

Да, эти парни были гораздо опаснее змееруков — не зря они числились гвардейцами Вам-Кир-Дыка. Их было немного — с десятков, не больше, — но дрались они умело, используя и мечи, и магию. Прорубаясь на помощь Причесаху, де Ликатес свалил троих, однако победа досталось ему недёшево: клинки «чёрных кобольдов», подкреплённые заклятиями, несколько раз пробивали защиту рыцаря. Хрум скрипел зубами — я отчётливо это слышала, — но шёл. Перед нами оставалось всего двое противников, когда там, где стоял Причесах с Шепотком, полыхнуло. И я как-то сразу поняла: защитный кокон стража лопнул.

Гидры торжествующе взвыли голосами электровозов. Одна из них быстро снизилась, в воздухе мелькнул её длинный язык, и на конце этой липучки повисла маленькая фигурка в белом: мой сын.

— Саша! — истошно завопила я.

Де Ликатес снёс голову кобольду, с которым рубился, как мне показалось, уже целую

вечность, сбил с ног другого и бросился вперёд. Причесах не зря месил воздух своим чудотопором: четверо кобольдов валялись на земле, и только один, с секирой, встретил герцога лицом к лицу. А гидры — гидры уже набирали высоту.

Схватка была молниеносной. Меч и секира с лязгом скрестились и одновременно сломались, а противники вцепились друг в друга и покатались по земле. И я увидела, что трёхрукий берёт верх — мой Хрум выложился до конца и к тому же наверняка был серьёзно ранен.

Не помню, как я оказалась рядом, и не помню, где и как я подобрала чёрный меч одного из убитых десантников. Зато я очень хорошо помню, как я воткнула этот меч в узкую щель между спинным панцирем и шлемом «чёрного кобольда», душившего де Ликатеса, — откуда только силы взялись.

Трёхрукий обмяк; ликатесский правитель, шатаясь, встал на ноги. Небо распорол лент бурлящего огня — одна из гидр вспыхнула праздничным фейерверком. А потом вокруг меня забушевало пламя, пахнуло нестерпимым жаром, и я потеряла сознание...

* * *

— Они его унесли, — повторил Хрум. — Одну гидру я сжёг, но на большее у меня уже не хватило сил. Гидры запустили испепеляющее заклятье и выжгли всё вокруг. К счастью, подоспели маги, — он посмотрел на молчаливых коллег Причесах, — и потушили огонь. Но твой сын... — герцог опустил голову. — Я не сумел...

Я молчала. Слов не было — совсем. А де Ликатес говорил, словно стараясь разогнать накатившее на меня глухое отчаяние.

— Древесники были под магическим гипнозом. Они хитры и осторожны, и никогда не кинулись бы просто так под боевые заклятья. Их согнала сюда со всего Поперечного леса чья-то злая воля — я знаю, чья. Они отвлекали, и им это удалось.

Я молчала, безучастно разглядывая обгоревшие деревья.

— А гидры с воинами выскочили из портала. Их перебросили с Полночной стороны в какой-то соседний мир, а уже оттуда сюда, в Рошу. Узнаю чародейство Чернодыра — жаль, что я не убил его там, в твоём мире. Если бы эти твари летели над лесом и над пустыней, их бы обязательно заметили, а так... — рыцарь тяжело вздохнул. — А мы расслабились: я был опьянён любовью, а Причесах самозабвенно возился с Шепотком — ему очень понравился твой сын. И мы забыли, что Тёмная Сторона Силы никогда не дремлет. Я виноват, Алина, — прости.

Маги Гильдии Стражей — их было уже четверо, я и не заметила, когда и как появились ещё двое (то ли из-под земли вылезли, то ли с неба свалились), — развели небольшой костёр и усьелись в кружок вокруг Причесах. Они негромко переговаривались между собой, но я не прислушивалась — мне было как-то не до того.

— Хрум, — спросила я наждачным голосом, — из этих, из тварей, кто-нибудь остался в живых? Хотя бы один раненый?

— Никого — после испепеляющего заклятья остаются только головешки. Мы втроём выжили почти чудом — продержались на остатках магии до появления стражей. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Я очень хочу кого-нибудь зарезать, — честно призналась я, — долго и мучительно.

— Не надо, — рыцарь внимательно посмотрел на меня. — Не подкармливай Тёмную Сторону Силы — это может плохо кончиться. Твой сын жив, и мы его спасём.

— Твой сын жив, — услышала я. Рядом с нами стоял один из гильдийцев — он подошёл бесшумно, как призрак. — Если бы его хотели просто убить, летучие гидры сразу применили бы Магию Огня — зачем так усложнять? Нет, Чёрному Владыке твой сын нужен был живым и невредимым. Тёмные эххи нарушили древнее табу: Роши Порталов всегда, во время всех войн, оставались оазисами мира. И пойти на это их заставило что-то очень и очень важное — настолько важное, что Вам-Кир-Дык счёл возможным пренебречь

ненарушимым обычаем. А вот что именно — этого мы пока не знаем. Может быть, нам придётся обратиться за помощью к магам-академикам: здесь всё не так просто, это был не случайный налёт. А пока пойдёмте — вам обоим надо восстановить силы. Идёмте, мы приготовили укрепляющий напиток.

Мы подошли к костру. На огне кипел котелок с каким-то зельём; поднимался дымок, пахнувший непонятно чем. Причесах уже пришёл в себя — один из магов Гильдии бережно поддерживал его за плечи, а другой поил из глиняной кружки.

Увидев меня, страж отвёл от своих губ посудину и еле слышно проговорил:

— Прости... Алина... Я виноват... не уберёг...

А я вдруг подумала, что виноваты не Хрум и Причесах, отчаянно сражавшиеся со всей этой набросившейся на нас нечистью, а я сама. Да, да — я сама! О чём я думала, упиваясь своим новым положением не попаданки, а почётной возвращенки? Вот, мол, теперь я вам всем покажу — и Шумву-шаху, и Окостенелле! Завидуйте, поганки, — вы меня выгнали, а я взяла вот и вернулась вам всем назло, да ещё буду теперь не какой-то там наложницей-служанкой, а герцогиней де Ликатес! Да, я такая — я лучше всех, а вы мне и в подмётки не годитесь со всей вашей правдивостью да честностью! И я забыла, как сказал Хрум, что Тёмная Сторона Силы никогда не дремлет, а я её подкормила, и это очень плохо кончилось. Так что я *сама помогла* тёмным эххам напасть на нас так внезапно и похитить моего сына — сама: точно так же, как в прошлый раз я сама накликала на свою голову дракона Костю.

Этот мир не прощает неосторожных мыслей.

Я села прямо в пепел, несколько уже не заботясь о чистоте своих джинсов, и закрыла лицо руками.

Глава 12

Не знаю, сколько я так просидела. Ко мне никто не лез — эххи понимали, что меня сейчас лучше не трогать. Только один раз подошёл Хрум, осторожно отвёл мои ладони и молча протянул мне дымящуюся кружку. Я так же молча выпила её содержимое, не ощущая вкуса, и осталась сидеть, бездумно перебирая рассыпанные по земле угольки.

Из состояния антинирваны меня вывел множественный стук копыт. Из уходящей к реке лощины появились всадники — много, прям целый эскадрон гусар летучих. История повторяется — примерно так же когда-то прибыла за мной великолепная шестёрка во главе с бравым коллекционером юных наложниц, выполнявшим приказ ликатесской магессы. Но тогда я была просто глупой дурой, начитавшейся фэнтези, и тогда никто ещё не похищал моего сына...

Гусары приблизились, поднимая тучи серого пепла, и я с удивлением узнала в лидере этой конной тусовки — лёгок на помине! — сотника (хотя нет, капитана — его же вроде бы повысили в звании за героизм, проявленный при защите Ликатеса от полчищ Дастар-хана) Верта О'Праха. Вояка немного изменился — взматерел и погрузнел, борода стала гуще, — но это был он, на свою зрительную память я никогда не жаловалась. Да, вот уж действительно история повторяется...

— Ваша светлость, мы выступили сразу же, как получили ваш приказ, — доложил Верт, осаживая коня перед де Ликатесом, — ещё ночью. Мы торопились, но, — он обвёл взглядом пепелище, — кажется, мы опоздали...

— Не виню, — коротко бросил Хрум. — Ты сделал всё, что мог, капитан. Карета?

Верт полуобернулся в седле, махнул рукой, и из-за спин воинов выкатилась карета — не домик-пряник на колёсах для невесты его величества, конечно, но вполне сносное на вид транспортное средство. Хотя меня в моём теперешнем состоянии вопросы комфорта как-то мало волновали: после того, что случилось, мне было не до гламура.

Прихрамывая (я только сейчас это заметила), де Ликатес подошёл ко мне и протянул мне руку.

— Королева... — изумлённо проговорил бывший сотник. — Это вы, леди?

— Моя избранница, — прояснил ситуацию Хрум, помогая мне встать с земли. — Алина — все другие её имена уже стали достоянием вечности.

Верт смотрел на меня предельно круглыми глазами, а мне почему-то стало стыдно: я вдруг вспомнила свои ужимки и прыжки во время ночёвки в его доме. «Только этого живого укора мне и не хватало, — с горечью подумала я. — Надеюсь, Верт не трепло, но если он вякнет хоть одно лишнее слово — удавлю».

Однако мои опасения оказались напрасными: похоже, лихой командир ликатесских наёмников был по жизни джентльменом и не заморачивался на женских взбрыках. Не слезая с седла, он почтительно (хотя вышло это у него очень неуклюже) поклонился замызганной мне (видок у меня, думаю, был ещё тот).

— Рад вас видеть леди, — просто сказал капитан и улыбнулся: тоже просто, искренне и по-доброму. На душе у меня потеплело, и даже тревога за Шепотка не то чтобы совсем исчезла, но стала не такой болезненно-острой.

Воины расступились, громохвая боевым железом. Мы с де Ликатесом двинулись было к карете, однако на полдороге я остановилась.

— Погоди, — бросила я герцогу, быстренько подбежала к лежавшему на земле стражу Роши и присела возле него на колени. Причесах был в сознании, хоть и бледен (от румянца на его лице не осталось и следа), и синие глаза лесника подёргивала мутная дымка боли.

— Ты поправляйся, ладно? — сказала я ему. — И... спасибо тебе за всё, Кагга.

Маг улыбнулся (я видела, с каким трудом это ему удалось) и прошептал:

— Не бойся за сына... Он жив, и он вернётся... Ты его вернёшь...

Вместо ответа я коснулась ладонью спутанных волос Причесаха (на них кое-где засохла кровь), поцеловала его в щёку и пошла к ожидавшему меня Хруму, чувствуя спиной одобрительные взгляды магов Гильдии Стражей Порталов.

* * *

Карета двигалась быстро — сопровождавшие нас ликатесские воины не труси ли неспешной рысцой, а неслись чуть ли не во весь опор. Не иначе тут не обошлось без магии — вряд ли шестёрка лошадей смогла бы так шустро тащить такое объёмистое сооружение.

Снедавшая меня тревог за сына чуть поутихла после прощальных слов Причесаха, и когда она сделалась фоновой — что-то вроде боли от ноющего зуба, — я спросила де Ликатеса, полулежавшего на мягком сидении справа от меня:

— А куда мы, собственно, едем? (вопрос этот следовало задать уже давно, однако мне было как-то не до этого — вы ж понимаете).

— Как куда? — искренне удивился Хрум. — В Ликатес. А потом в Камерон — разве ты забыла, что нам с тобой надо побывать в столице, чтобы ты смогла получить развод?

Ну да, развод... Странно: всего лишь час назад это казалось мне очень важным делом, чуть ли не самым важным, а теперь...

— И кроме того, — рыцарь явно почувствовал моё настроение (маг всё-таки, хотя тут и без всякой магии любому дураку всё ясно), — нам понадобится помощь короля.

— Помощь?

— Помощь. Чтобы спасти твоего сына, потребуется послать на Полуночную сторону войско — может быть. А сил одного Ликатеса не хватит — Вам-Кир-Дык могучий противник. Для вторжения нам понадобятся многочисленная армия и флот — королевский флот, флот Шумву-шаха.

От всех этих стратегических рассуждений мне почему-то стало тошно: как показывает практика, очень правильные короли могут и пожертвовать личным ради государственного — вспомним хотя бы историю с ценой выкупа головы пленённого Кост-а-Лома. Где гарантия, что его эльфийское величество бросит все дела и кинется спасти своего сына, рождённого в другом мире попаданкой, заслуженно изгнанной из Эххленда? Да он этого сына и в глаза не видел, и знать не знал о его существовании — откуда тут взяться пылкой отцовской любви?

Да и соображения блага державы опять же — станет ли Шумву-шах развязывать полномасштабную войну с тёмными эххами из-за одного ребёнка, пусть даже ребёнка королевской крови? Но обратиться к нему надо — Хрум прав. Пусть почешется повелитель Полуденной стороны — он король или как? Может, и без войны обойдётся — дипломатией. Обмен заложниками, пойманными шпионами, или что там ещё бывает в таких случаях... Моего сына надо спасти, и точка, и тут уже нужно использовать все варианты.

— И ещё, — добавил Хрум после недолгой паузы, — необходимо выяснить, зачем Вам-Кир-Дыку понадобилось это похищение. Помнишь, что сказал маг Гильдии? «Пойти на это тёмных заставило что-то очень важное» — вот его слова. И поэтому нам надо обратиться к архимагам — только они смогут в этом разобраться.

— А чего тут разбираться? — я недоумённо посмотрела на герцога. — Сын короля, наследник трона — что тут неясного? Обе стороны Эххленда в одном флаконе — это же мечта Вам-Кир-Дыка!

— Ты так думаешь? Неужели королева Алава не знает, что у нас, эххов, не наследуют трон по праву рождения — это право надо заслужить и отстоять. И если будет нужно, то и в прямом поединке с другими претендентами — по-другому никак.

«А ведь и в самом деле... — растеряно подумала я. — Как же это я забыла об этой эххийской специфике? Но зачем же тогда мой Сашенька понадобился Чёрному Владыке?».

Де Ликатес замолчал, прикрыл глаза и, кажется, задремал. По его лицу я видела, как ему несладко (я уже знала от магов-лекарей, осматривавших герцога вскоре после посадки в карету, что мой рыцарь был трижды ранен мечами кобольдов — в бок, в плечо и в бедро, — и что все три его раны были тяжёлыми), и не стала к нему приставать — успеется.

Сама я чувствовала себя вполне сносно — никто меня мечами не протыкал, от огня защитила магия, да и напиток магов-гильдийцев сделал своё дело. Никаких новых нападений я не опасалась: вокруг кареты скакала сотня опытных эххийских воинов, тут не то что какой-то там песчаник — дракон десять раз подумает, прежде чем решится на нас напасть. И чем дальше мы отъезжали от Рощи Порталов, тем меньше становилась угроза повторного налёта. Да и незачем было тёмным выступать на бис — они своего добились. Знать бы ещё, для чего же им всё-таки понадобился мой сын?

Погружённая в эти размышления, я не заметила, как задремала. Разбудил меня голос Верта, наклонившегося к окошку нашей кареты:

— Ваша светлость, уже темнеет, а впереди удобное место для ночлега. Прикажете остановиться?

* * *

Это была та самая роща, где я пять лет назад (или шесть? это смотря как считать) впервые поимела сомнительное удовольствие лицезреть морду Кост-а-Лома в его истинном, драконьем облики — экскурсия по памятным местам называется. Здесь практически ничего не изменилось, если не считать того, что проломленная драконом зелёная крыша над полянкой восстановилась — за прошедшие годы ветви деревьев отросли и снова переплелись.

Я помогла де Ликатесу выбраться из кареты. Боевой маг двигался с трудом, и к моему не проходящему беспокойству за сына добавилось тревога за Хрума — а ну как ему станет хуже? С ранами, нанесёнными магическим оружием, не шутят — скорей бы нам добраться до Ликатеса: там ведь наверняка есть искусные целители, а не одни только военно-полевые костоправы.

Для нас проворно соорудили шатёр (не чета шалашику, некогда устроенному для меня воинами Верт О'Праха, тогда ещё сотника). Мы наскоро поужинали (Хрум, бедняга, поклевал всего ничего), я довела раненого рыцаря до шатра, уложила и пристроилась рядом — тихонько, чтобы ему не мешать. Не подумайте, у меня и в мыслях не было заняться с ним любовью — какая тут, нафиг, любовь, когда герцог едва жив? Он лежал неподвижно,

дыхание его было прерывистым. Я то и дело привставала и с беспокойством пыталась разглядеть выражение его лица, но в слабом отсвете лагерного костра, проникавшем через приоткрытый входной полог, толком нельзя было ничего разобрать: я даже не могла понять, спит он или нет. Мне стало страшно, причём не себя — типа, что я буду делать, если он вдруг умрёт? — а за него, за моего рыцаря.

Не вытерпев, я осторожно дотронулась кончиками пальцев до его лица — кожа тёплая, значит, Хрум живой, и умирать совсем не собирается. Рыцарь чуть шевельнулся и коснулся губами моих пальцев.

— Не бойся, — прошептал он, — скоро мне будет легче. Лечебная магия работает.

— А я всё равно боюсь, — ответила я (тоже шёпотом), — за тебя, Хрум. Ты не умирай, а? Не надо.

На лице Хрума появилось слабое подобие улыбки (это я разглядела). Он повернул ко мне голову, и я увидела отражавшийся в его зрачках огонь костра.

— Я не умру, Алина. Мы с тобой будем жить долго и счастливо, герцогиня де Ликатес, и между нами не будет лжи.

«Не будет лжи? — подумала я. — А как же...». Я вспомнила визит чёрного глюка в ту памятную для меня ночь у Водопада Слез, и кинжал в моей руке, и безмятежное выражение лица спящего Хрума — спящего и беззащитного. Как там думал дон Румата из «Трудно быть богом» — между нами растёт невидимая стеночка лжи, и когда она вырастет, её не прошибёшь и тараном? И тогда я ударила в эту стеночку всем телом.

— Хрум, — негромко сказала я, — я виновата перед тобой.

— О чём ты? Мы же с тобой уже выяснили: пару раз — это не в счёт, верно?

— Да я не об этом, — я секунду помедлила, собираясь с духом, и выпалила, словно сбрасывая с плеч тяжкий груз: — Я чуть не убила тебя, когда мы с тобой ехали к королю и ночевали у Водопада Слез. Ночью, когда ты спал, ко мне явился чёрный глюк...

Выговорившись, я замолчала, с бешено бьющимся сердцем ожидая, что скажет Хрум. Он ведь теперь запросто может выгнать меня прямо сейчас — какой нормальный мужик возьмёт в жены женщину, которая его чуть не зарезала? А если в следующий раз этого «чуть» уже не будет?

— А я об этом знаю, — спокойно ответил рыцарь. — Мне Причесах всё о тебе рассказал.

— Знаешь?! Всё-всё?

— Знаю.

— И после этого ты отправляешься в другой мир, чтобы защищать меня и спасти? Я ведь хотела тебя убить!

— Если бы ты действительно этого хотела, ты бы это сделала. Но ты устояла — я жив. И ещё есть такая штука, которая называется «любовь».

— Любовь?

— Любовь, — очень серьёзно повторил Хрум. — Мудрейшие маги Вселенной до сих пор так и не разгадали, что же это такое, как она приходит, и почему уходит. И почему вдруг так случается, что из всех мириадом женщин и мужчин для кого-то одна — или один — становится единственной — или единственным, — без которой — или без которого — сама жизнь может потерять всякий смысл. Мы, эххи, этого не знаем, и вы, люди, тоже не знаете. Есть легенда о половинках — помнишь мою балладу о любви? — в поисках которых разумные существа скитаются среди Миров, будут скитаться до Пришествия Великой Тьмы, когда погаснут все звёзды, и снова начнут скитаться после того, как они загорятся вновь. Но так это или нет на самом деле — об этом знают, наверное, только наимудрейшие из числа магов-Следящих. Или сам Вечнотворящий...

Я слушала, затаив дыхание. А Хрум положил мне на плечо свою тяжёлую руку (рука была горячее) и сказал:

— Я гораздо старше тебя, Алина, — по вашему счёту я гожусь тебе в прапрапрадеды. Однако даже я знаю только, что любят не за что-то — любят просто так, потому что...

потому что *любят*. Я люблю тебя — вот и всё. Но хорошо, что ты сама мне всё рассказала: ложь убивает любовь. А сейчас не думай ни о чём плохом: скоро я встану на ноги, и мы спасём твоего сына. Всё будет хорошо — спи, любимая...

Де Ликатес замолчал и закрыл глаза. Мне захотелось к нему прижаться, но я боялась сделать ему больно: ведь его раны ещё только начали заживать. Какая я же была дура, когда всерьёз надеялась стать повелительницей древнего народа, каждое поколение которого за время всего одной жизни приобретает двух- или даже трёхвековой опыт и вместе с этим опытом впитывает в себя мудрость многих тысячелетий...

Глава 13

Ночь прошла спокойно, к нам никто не появился — ни ходячая, ни катучая, ни летучая, ни ползучая, ни какая иная подлая тварь. Но я спала тревожно, то и дело просыпалась и чутко прислушивалась к дыханию моего рыцаря — как он там? В результате я окончательно пробудилась рано, с первыми проблесками рассвета, и осторожно так выползла наружу.

Между деревьев сочились белые змейки утреннего тумана; трава была мокрой от росы. На полянке вповалку спали ликатесские воины — десятка три. Кони остались снаружи — внутри рощи места было не так много, а компания наша была куда более многочисленной, чем пять лет назад. У костра я увидела грузную фигуру Верт О» Праха — капитан задумчиво смотрел в огонь. Интересно, он в боевой обстановке что, вообще не спит? Помнится мне, в прошлый раз сотник тоже бодрствовал всю ночь — заряжал магией драконобойные стрелы.

Я сбегала к ручью — он мирно булькал там же, где и раньше, — и кое-как привела себя в порядок. В относительный, понятное дело, — глянув на себя в воду, я тихо ужаснулась: на лице кое-где остались пятна копоти, под глазами синяки, волосы... гм, лучше промолчим. Джинсы и маечка в клочья, прореха на прорехе, — хорошо ещё, потрёпанную меня заботливо снабдили длинным плащом, есть хоть чем срам прикрыть. Короче, гибрид хиппи и эмо после пьяной тусовки, на будущую герцогиню де Ликатес похоже не очень. Сможет мне тут кто-нибудь хоть простенькую расчёску намагичить (а то я как-то не захватила её с собой)? Счаз Верта озадачим...

Капитан встретил всклокоченную и постукивающую зубами меня широкой улыбкой (чем-то напомнив мне моего дядю Лёшу Петровича) и протянул кружку с эххийским как бы чаем.

— Ну что, командир? — спросила я, прихлёбывая горячий напиток (по холодку — самое то!), — хлопцы сыты, кони запряжены?

— Воины уже седлают коней, — Верт махнул рукой в сторону опушки рощи. — Дорога дальняя, и как только проснётся его светлость...

— А я уже не сплю, — услышала я голос Хрума. Боевой маг стоял у шатра и выглядел почти здоровым — кризис миновал называется. — В путь, капитан О'Прах!

И, наскоро перекусив, мы поехали.

В карете я пригляделась к рыцарю и где-то как-то осталась довольна — до прежнего де Ликатеса ему, конечно, ещё далеко, однако румянец на щеках уже прорезался. До города он явно доедет, а там маги-лекари, надо думать, доведут своего герцога до нужной кондиции. И поскольку Хрум не выказывал желания впасть в спячку, я решила порасспросить его о делах эххийских — надо же мне быть в курсе, да и от моих грустных дум отвлечься тоже надо.

Пять лет вообще-то не срок, особенно для долгоживущих эххов, однако за эти годы в Эххленде кое-что таки произошло.

Угроза нового вторжения тёмных отпала сама собой, как только Им-Кир-Дык начал активно злоумышлять против своего папани и замутил поганку с переворотом. Да и после того, как мятежный адмирал окончил свой тернистый жизненный путь в пастях летучих гидр (не завидую «чёрному принцу» — видела я этих пятиголовастиков), Чёрному Владыке было не до агрессивных выходов — сначала надо было устаканить свои насущные внутренние дела (типа, разобраться с недобитыми «врагами тёмного народа», в гареме навести порядок,

и так далее).

Граф Заборзелло-Дальний со скрежетом зубовым признал, что тягаться с тандемом Шумву-шах-Окостенелла у него пупок развяжется, и атаковал своего как бы кореша Какуснуя Набокуто, решив покорить Восточный архипелаг и усилиться за его счёт. Графу удалось высадить войско на земле императора Набокуто, однако и морская, и сухопутная битвы окончились вничью. После этого генералы и адмиралы с обеих сторон прямо заявили своим вождям, что смысла в продолжении группового кровопролития нет, и предложили бывшим союзникам — в полном соответствии с законами эххов — продолжить свою дискуссию о власти тет-а-тет.

Исход поединка оказался печальным для графа Заборзелло: островной деспот пустил в ход какую-то хитрую магическую примочку из национального арсенала, одолел соперника и ненавязчиво убедил его сделать себе что-то вроде эххийского харакири (подробности обряда де Ликатес деликатно опустил). Этим дело и кончилось: Какуснуя Набокуто не стал покушаться на земли безвременно почившего графа, с истинно восточной мудростью полагая, что король не потерпит чрезмерно усиления любого окраинного феодала, каким бы титулом тот себя не нарекал, и ограничился только защитой рубежей отчизны от вражьих посягательств.

Ставшее вакантным кресло повелителя восточного побережья Полуденной стороны вызвало живейший интерес среди ближайших сподвижников покойного Заборзелло. Влоб Какдам, командир панцирной конницы, вонзил в проходивший по этом вопросу круглый стол боевой топор и скромно заявил, что не видит другой кандидатуры на эту должность кроме любимого себя, а если кто-то имеет что-то возразить, он готов выслушать эти возражения — тут же, на месте. Влоб был известен не только своими несомненными военно-магическими талантами, но и весьма неприятной привычкой не брать в плен побеждённых, поэтому возникла некоторая заминка (несмотря на то, что не слишком многие жаждали видеть своим непосредственным сюзереном подобную брутальную личность).

Положение спас маг-эльф по имени Хитёр Невмеру, принявший вызов. И ловкость одолела грубую силу: Невмеру взял верх в магическом единоборстве. Приканчивать Какдама он не стал — ограничился тем, что поразил его половым бессилием: типа, чтоб такие не размножались. (Тут я вспомнила, какой кары за неисполнение приказа боялся отважный сотник Верт — в Эххленде, смотрю, это очень в ходу. А ведь и верно — что для мужика может быть страшнее?). В результате через месяц супруга посрамлённого вояки, Какайято Такая (к слову сказать, уроженка Восточного архипелага), бросила своего нефункционального мужа и, к удивлению всех эххов графства, стала женой нового графа Закоселло, ранее известного народу под именем Хитёр Невмеру. После этого энергичная островитянка, взявшая себе аристократическое имя Осточертелла (вероятно, в память о трагическом последнем месяце своей супружеской жизни с Влобом Какдамом), стала науськивать своего нового мужа на новую войну с императором Набокуто, мотивируя это тем, что весь архипелаг является как бы её типа приданным. К счастью, у эльфа, не устоявшего перед чарами смуглой восточной красавицы, хватило ума не поддаться на эту провокацию, и на восточной окраине Эххленда наконец-то воцарился как бы мир.

Тан Гейзер после появления у берегов своего острова сильной эскадры Шумву-шаха уразумел, что с грабежами пора завязывать, и переключился на рыбную ловлю и спа-туризм, а вот Кайлом-бей похорохорился (вероятно, рассчитывая на поддержку полуночников). В итоге «пальмовый султан» был нещадно бит и бежал на единственном своём уцелевшем корабле с горсткой слуг, остатками гарема и крохами движимого имущества. Кайлом-бей взял курс на запад, под тёмное крыло Вам-Кир-Дыка, но до побережья Полуночной стороны не добрался — спасаясь от преследования королевских галер, он взял слишком к югу и вблизи Загадочных Вод (если кто не в теме, напоминаю: единственный материк Эххленда окружён как бы океаном, углубиться в который можно только до определённого предела, а что там дальше — хрен его знает, оттуда ещё никто не возвращался) бывший властитель Пальмовых островов был съеден сильно оголодавшим кракеном вместе с кораблём, жёнами

и прочими бибихами. А на Пальмовых островах, очищенных от работорговцев, был устроен дом отдыха для ветеранов последней светло-тёмной войны.

У самого Хрума были кое-какие проблемы с кочевниками. Разбитые под стенами Ликатеса, они через какое-то время оправились, выбрали нового вождя по имени Крутойпахан и начали типа возбухать, обвиняя де Ликатеса в имперских замашках и в посягательствах на независимость гордых сынов степей. Дошло до того, что степняки отправили посольство к Шумву-шаху и изложили ему свои претензии: так, мол, и так, мы привыкли жить своим укладом, скакать на конях и стрелять из луков — типа спорт у нас такой национальный, — и попутно немножко грабить эххов-земплепашцев. На это король ответил, что если степнякам в лом самим творить для себя всё необходимое (или если им жалко тратить на это дело свою ману), то пусть они тогда разводят коз и овец и ткут ковры, которые смогут обменять на рынке в Ликатесе на другие товары народного потребления. Послы слегка задумались, а его величество добавил, что не видит в действиях своего верного вассала, герцога ликатесского, никаких нарушений прав эхха, а скорее наоборот. Затем он предложил создать в своей армии особый легкоконный полк из самых горячих степных воинов, пообещав, что непременно предоставит им возможность сбросить излишек адреналина, позвенева саблями на Полночной стороне, и пожелал послам ровной дороги до дому.

На обратном пути посольство перехватили воины капитана О'Праха и препроводили жалобщиков в Ликатес. Герцог не стал сажать их в прохладные помещения с окошками, декорированными железными прутьями, — он показал послам парад ликатесского войска, продемонстрировал в действии парочку своих новых боевых заклятий, а после этого напоил степняков допьяна и популярно объяснил: если они хотят мирно торговать сухофруктами и продуктами животноводства, ликатесский рынок к их услугам, а если намерены качать права, махать тут своими кривыми ножиками и приставать к девушкам без их на то согласия, то пусть тогда не обижаются сыны степей на адекватные действия стражей порядка. С тем вольные джигиты и отбыли восвояси.

С остальными было проще: лесные дикари, пережив острый приступ пассинарности и потрясая дубинами под башнями сторожевых фортов, вернулись в чащу Поперечного леса, а неугомонный атаман пан Чох был зарезан братьями по ремеслу по время делёжа добычи; самих резальщиков спустя месяц переловил неподкупный борец с уголовщиной Верт О'Прах и развесил разбойников по высоким берегам Белой реки.

Но тут вдруг слегка съехала крыша у гномов — подозревалося, что здесь не обошлось без тлетворного влияния запада, то есть Чёрного Владыки. Рудокопы внезапно сделались рьяными поборниками самостийности, утверждая, что настоящие Перворожждённые — это вовсе не эльфы, а они, гномы, и что вообще все эххи произошли от древних протогномов, а вся история Эххленда написана ломами, кирками и лопатами трудолюбивого подгорного племени. Получив от гномов петицию о предоставлении им полной независимости, Шумву-шах очень удивился и задал петиционерам законный вопрос: кто мешает им жить в своих гротах и галереях по своим родовым законам, пить самодельное пиво такой крепости, что оно вспыхивает от случайной искры, закусывать его копчёным жиром подземных хомячков-камнеедов, говорить между собой на своём родном гномьем диалекте общеэххийского и добывать редкие самоцветы, которые у них с рукавами и пальцами отрывают другие жители Полуденной стороны? И почему почтенные гномы считают, что самостоятельное гномское королевство обеспечит своим гражданам более надёжную защиту от нападения тёмных сил, чем единая держава, в которой гномы пользуются всеми правами, без всякого ущемления по национальному признаку? Гномы почесали бороды и ушли, пообещав подумать и ответить. Думают они до сих пор, и его эльфийское величество отнюдь не торопит обитателей пещер с ответом.

Природные эльфы на весь этот гномский кипеж не обратили особого внимания. Маги равнодушно пожали плечами, гумы иронично ухмыльнулись, рядовые эххи и вовсе ни хрена не поняли — типа, о чём хоть базар-то? Пошумела немного кучка малосостоявшихся особей, но и они в итоге успокоились, создав кружок поэтов-авангардистов. Поскольку в Эххленде

их творчество не завоевало широкой популярности, непризнанные гении сумели каким-то макаром сговориться с Любознательными и начали размещать свои нетленки в виртуальном пространстве смежных измерений, повышая таким образом культурный уровень обитателей параллельных варварских миров. Защитные программы иномировых компьютеров зачастую принимали их творения, написанные на непонятном для аборигенов языке, за новые вирусы и поступали с ними соответственно, однако это нисколько не обескураживало миссионеров-сеятелей разумного, доброго, вечного.

Всё это я слушала с большим интересом, но потом вся эта политика начала меня уже напрягать, и я аккуратно перевела разговор на светские темы «кто женился, кто развёлся». Не скрою, мне хотелось докопаться, кто грел постель Хруму, пока я за тридевять измерений в одиночестве растила сына эльфийского короля, вычислить свою потенциальную соперницу и если и не выдрать ей (то есть гипотетической разлучнице) все волосёнки по одному, то уж во всяком случае принять все необходимые меры, чтобы она (та самая разлучница) впредь не приближалась к герцогу де Ликатесу на расстояние радиуса действия самого дальнобойного заклинания, какое только есть в арсенале эххийских магов. Мои потуги оказались тщетными, из чего (учитывая правдивость эххов вообще и Хрума в частности) я сделала вывод, что если у моего рыцаря и были какие-то интрижки за время моего вынужденного отсутствия в этих краях, то явно несерьёзные и никоим образом не угрожающие моему будущему семейному счастью.

Зато я узнала, что Окостенелла успела осчастливить своего венценосного супруга двойней — родила девочку и мальчика. Вообще-то это неплохо — по крайней мере, Шумок не будет претендовать на моего ребёнка, если у него есть двое других. На самом деле даже трое, но Шумву-принц как бы уже не в счёт — ну не тянет он на будущего короля никаким боком. Как сообщил мне де Ликатес, Подшумок, разочаровавшись в жизни, подался — нет, не в уединённый монастырь, а к тем самым виртуальным литераторам. Принц взял себе звучный псевдоним Глаголомжог и даже вроде обзавёлся какой-то типа Музой в обликии сублильной эльфийки. Ну и слава богу, как говорится, — мне его, честно говоря, было немножко жалко.

Короче, время шло незаметно, и к тому же после привала на обед, когда мы снова тронулись в путь, Хрум вкусно меня приголубил (благо моё полукресло-полуложе в карете было широким, мягким и удобным). Это порадовало — значит, мой рыцарь уверенно пошёл на поправку, а во-вторых — во-вторых, это было просто приятно! И потому умиротворённая я безмятежно заснула под убаюкивающее покачивание нашего комфортабельного дилижанса и проснулась только тогда, когда впереди показались стены и башни родного — уже родного — Ликатеса, освещённые лучами заходящего солнца.

Глава 14

Дворец ликатесского правителя (тот самый, в котором раньше жила кошколюбивая эльфийка Окостенелла) внешне нисколько не изменился, только вместо скалившихся с каждой двери кошачьих голов появился герб Хрума: меч, перевитый окровавленной змеей. Уезжая в Камерон королевствовать, «ледяная магесса» оставила дворец новому правителю — нет у эххов заморочек насчёт недвижимости. Герцога (тогда ещё маркиза) хорошо знали и любили в Ликатесе, все жители помнили, кто спас город от кочевников, и поэтому никто и не подумал оспаривать у Хрума право на титул местного властителя: никаких споров, не говоря уже о поединке, и в помине не было.

По прибытии во дворец я первым делом приняла ванну и переоделась, а потом мы отужинали и отправились спать. Опочивальня была роскошной — ковры, перина, широченная койка, — не говоря уже о том, что ночевать на этом необъятном ложе истосковавшейся мне предстояло отнюдь не в холодном одиночестве. Короче, поутру я еле встала (пришлось даже поднапрячь силу воли). Ночи — они ведь короткие, особенно если не только спать, а ещё и... Но надо было вставать — несмотря на всю негу, я ни на секунду не

забывала о моём Шепотке: я мать, понимаете?

После завтрака мы с Хрумом вернулись в спальню (не подумайте ничего такого — что я, по-вашему, сексуальная маньячка?). Нет, тут совсем другое дело: нас уже ожидал целый консилиум магов-целителей. Ну, не то чтобы консилиум, а скорее врачебная бригада из трёх человек, то есть эххов. Возглавлял её сухонький мелкий старичок в голубой мантии, лет этак пятисот от роду. Он напомнил мне одного нашего университетского препода по философии и, как очень скоро выяснилось, оказался нудным, как три рубля мелочью. Вторым был гум неопределённого возраста и мрачного вида — типа, больной, вероятно, будет жить, если не помрёт, — в зеленоватом как бы халате наподобие тех, какие в нашем мире носят ассистенты в операционных и санитары в моргах. А вот третий лекарь — точнее сказать, лекариха, — мне не понравился с первого взгляда.

На этой, с позволения сказать, целительнице было надето светлое эротичное платье, открывавшее снизу стройные загорелые ноги чуть ли не до бёдер, а сверху — руки до плеч, шею и примерно процентов девяносто груди. И ещё добавьте сюда томный взгляд и прямо таки излучаемую этой секс-гранатой откровенную чувственность. Блин, ей бы в «Плэйбое» сниматься, а не раненых рыцарей пользоваться! Уж не знаю, какая там из неё специалистка по болезням, — разве что по венерическим, — но наедине с Хрумом я эту нимфоманку не оставлю даже под угрозой съедения летучими гидрами. Знаем мы, что такое тантрическая магия, слышали, — для этой магии есть я, и никакие замены по условиям игры не допускаются!

— Ваша светлость, — скрипуче начал старичок, — вы крайне неосмотрительны. Вам следовало вызвать нас ещё вчера, сразу после вашего возвращения!

— Я чувствую себя гораздо лучше, — ответил де Ликатес, — я почти здоров. Мои раны уже затянулись, и поэтому, мэтр Карди О'Грам...

— Вы не просто неосмотрительны, — престарелое медицинское светило всплеснуло руками, — вы безрассудны! Вы искусный боевой маг, немногие могут состязаться с вами на этом поприще, но в Магии Здоровья вы, ваша светлость, смыслите не больше любого воина-наёмника! Да знаете ли вы, что мечи «чёрных кобольдов» несут в себе отравную магию? И это не просто яд, но хитроумное заклинание, иногда весьма продолжительное время спящее, а потом просыпающееся! Внезапно — мне ведомы случаи, когда пышущие здоровьем воители умирали в одночасье через полгода после схватки с «чёрными кобольдами»!

«Помощник смерти» в зелёном угрюмо молчал, но выражение его лица переменилось на «больной, вероятно, помрёт, если случайно не выживет». Нимфоманка в светлом горестно вздохнула, а мэтр О'Грам продолжал свою пламенную речь, сопровождаемую энергичной жестикуляцией:

— И спровоцировать летальный исход может малейшая физическая нагрузка! — Тут он посмотрел на меня так, словно видел во мне убийцу, подосланного Вам-Кир-Дыком с целью умерщвления герцога наиболее приятным для жертвы способом. Не буду врать, мне стало как-то неудобно — мы с Хрумом полночи подвергали наши организмы очень существенным физическим нагрузкам. Ни хрена себе расклад — оказывается, я запросто могла проснуться по соседству с холодным трупом моего возлюбленного. Вообще-то предупреждать надо... Нет уж, пока медики не дадут «добро», я его больше к телу не допущу — потерпит (и я тоже).

— Не пугайте будущую герцогиню де Ликатес, мэтр, — сказал рыцарь, заметив моё смятение. — Ей и так несладко — тёмные эххи похитили её сына.

— А я не пугаю, — сварливо отозвался маг-целитель, — я объясняю положение вещей. Вы безответственны, ваша светлость, — ваша жизнь нужна не только вам, но и всем жителям Ликатеса. И вашей будущей супруге, кстати, она тоже нужна. Или вам не терпится оставить её вдовой?

— Хорошо, хорошо, — Хрум сделал примиряющий жест, — я буду строго следовать вашим рекомендациям, достойный Карди. Делайте своё дело, маги, и учтите, что завтра мне надо покинуть Ликатес — время не ждёт.

— Вы собираетесь ехать верхом? — по-деловому уточнил старый мэтр.

— Нет. Мы телепортируемся прямо в Камерон — у нас нет времени для прогулок.

Целители переглянулись и, похоже, обменялись мыслями.

— Тогда, — О'Грам почесал кончик носа, — нам придётся прибегнуть к форсированному методу лечения. Мы погрузим вас в анабиоз, и будем работать с вашими тонкими телами — очаг поражения кроется там. Я вскрою, мэтр Энап Аш, — старикашка кивнул на угрюмого, — зачистит гнойники, а метресса Мильгамма, — кивок в сторону очень экономично одетой эххийки, — воссоздаст необходимые образы жизни и любви, способствующие нейтрализации смертоносных тёмных чар. И никаких посторонних — тонкая магия такого не терпит.

Я поняла, что вся эта лекция была предназначена для взволнованной меня — Хруму она без надобности, — и оценила вежливость старого мага, снизошедшего до объяснений. Хотя вот насчёт образа любви — интересно, как далеко зайдёт это самое воссоздание? Как бы Хрум после пробуждения не пожелал закрепить это воссоздание на физическом уровне, при помощи самой воссоздавательницы. Знаем мы мужиков, за ними нужен глаз да глаз.

Хрум, похоже, понял, о чём я думаю — мои сомнения были ясно нарисованы на моей физиономии.

— Не беспокойся, Алина, — произнёс он с улыбкой. — Даже в анабиозе я не сделаю ничего, что могло бы тебя обидеть. А тебе я советую не сидеть зря во дворце и не страдать попусту: этого не нужно. Погуляй по городу — увидишь, как красив твой Ликатес. Капитан О'Прах в твоём распоряжении — он ждёт внизу. Вы ведь с ним старые знакомые, верно?

* * *

Ликатес действительно был красивым городом. Я отвергла носилки и отправилась гулять пешком. Со своей потрёпанной земной одеждой я решила расстаться — не принёс мне этот типа талисман счастья во время моего прошлого визита в Эххленд, не нужна мне такая память, да и возвращаться на Землю я не желала ни под каким видом — лучше умру самой лютой смертью. Я облачилась в эххийский брючный костюм, удобный и практичный — хоть верхом скакать, хоть пировать. И элегантный — его синий цвет очень хорошо гармонировал с моими светлыми волосами, встречные мужики провожали скромную меня восхищёнными взглядами. Капитан О'Прах следовал за мной тенью, попутно исполняя обязанности гида по местным достопримечательностям.

Мы шли не спеша — маги-целители сказали, что герцог пробудет в полной отключке до позднего вечера, а потом будет спать до утра, такая вот процедура излечения. Я смотрела по сторонам, на дома и на жителей, занятых своими делами. И я чувствовала ауру города, спокойную и доброжелательную. Да, среди светлых эххов водятся и властолюбцы, и даже разбойники, но в целом эти эххи именно светлые — нет в них той нутряной липкой грязи, от ощущения которой я иногда почти физически задыхалась на улицах моего родимого Санкт-Петербурга. И я не видела ни одного косого взгляда, брошенного в мою сторону, — ни в городе, ни даже во дворце. В городе-то ладно, меня тут могли просто не узнать, особенно в местном наряде, — подумаешь, знаменитость, — а вот во дворце наверняка каждая собака знала, кто такая королева Алава, что она натворила, и за что была изгнана. Удивительный народ эти эххи...

Особо впечатляющих памятников архитектуры в Ликатесе не имелось. Я побывала у головы дракона Васи, прибитого когда-то Окостенеллой, постояла у постамента, разглядывая оскаленную пасть чудовища, и вспомнила, как я издевалась над Кост-а-Ломом, скованным заклятьем архимагов. Интересно, как он сейчас поживает? Наверно, Костя затаил на меня зло — не хотела бы я снова с ним встретиться, хоть он и обещал не трогать меня и когтем.

А потом мы посетили ликатесский рынок — моё желание исполнилось, не прошло и шести лет. И я даже купила и с аппетитом скушала какой-то экзотический фрукт. Взяла его с лотка и спросила продавца, коренастого крестьянина в широкополой шляпе: «Можно?». Он кивнул, улыбнулся, а я ощутила лёгкое мимолётное головокружение и поняла: эхх скачал

малую толику моей маны, как у них заведено. И я обрадовалась — значит, он принял меня за эххийку, то есть за свою. Как это здорово, когда тебя считают своей...

Потом я подустала и проголодалась (фрукт не в счёт) и начала рьяно вертеть головой, высматривая что-нибудь типа кафе. Верт тут же это заметил и предложил мне отобедать у него дома.

— Моя жена будет рада, — добавил он, и я тут же согласилась («Ты смотри, женился таки, страдалец! Интересно, что же это за героиня такая нашлась?»).

Капитан заливисто свистнул, и из-за угла показались добры молодцы с паланкином — они всё это время шли за нами. «Хм, а не так уж он и прост, — подумала я, глядя на как бы простодушную физиономию Верта. — Знает политес, вот тебе и солдафон». Да, считать кого-то глупее себя — это большая ошибка.

Супруга доблестного капитана действительно обрадовалась (хотя и узнала меня, это было видно по её глазам), а я испытала лёгкий шок: оной супругой оказалась та самая юная наложница, только чуть-чуть повзрослевшая. Во, блин, дела — лихие воины берут пленниц, а потом эти пленницы постепенно пленяют своих победителей, причём последние сдаются в плен практически добровольно. Да-а-а, вот это по-настоящему круто! А когда выяснилось, что у Верта с этой степнячкой уже есть сын и дочь погодки (что тут у них в Эххленде, взрыв демографический?), и когда я заметила, как смотрит суровый воин на свою жену, я поняла, что он побеждён, и что вряд ли он теперь вздумает притащить домой из очередного похода трофей женского пола.

Обед был вкусным и обильным, но мне кусок в горло не лез — детишки капитана напомнили мне о моём Сашеньке, и мне стало горько. А степнячка (она наверняка знала, что меня гложет — что это за жена, если не вытянет у своего мужа всё, включая то, о чём он и не думал рассказывать?) улыбнулась мне по-доброму и сказала:

— Всё будет хорошо, леди Алина, — даже не сомневайтесь. Я знаю — мой род славится гадалками и прорицателями.

Вернувшись во дворец, я сразу побежала наверх — как там мой Хрум? Маги встретили меня у дверей спальни: они сидели рядом на типа скамеечке. Целители выглядели усталыми — мэтр О'Грам напоминал мумию, заблудившуюся в поисках саркофага, Энап Аш походил на грузчика, закончившего разгружать в одиночку (и вручную) эшелон щебня, а на красотку Мильгамму в её теперешнем состоянии не обратил бы внимания даже моряк, вернувшийся из кругосветного плавания: метресса словно потухла, куда только делась вся её эротичность.

— Дело сделано, леди Алина, — проскрипел старый маг, массируя блеклые щёки. — Жизни герцога ничего больше не угрожает.

* * *

Мало кто из эххийских магов способен телепортироваться вот так, с бухты-барахты, куда угодно и откуда угодно — это высший магический пилотаж. Поэтому во всех городах Полуденной стороны имелись стационарные телепорт-башни для переброски пассажиров в заданную точку, где есть такая же башня, — что-то вроде междугороднего транспорта. Башни эти были облицованы плитками охренита (того самого камня, который втихаря поставлял вамкирдыкцам висельник Едвалин) и представляли собой мощные магические артефакты, помогающие осуществить переброс. Правда, пользоваться ими самостоятельно могли только достаточно сильные маги — у рядового эхха ничего бы не вышло, — так что на общественный этот транспорт явно не тянул. Впрочем, меня это не волновало: мне предстояло быть всего лишь пассажиркой при де Ликатесе. Я, наверно, с бо льшим удовольствием продолжила бы с герцогом путешествие по памятным мне местам — посмотрела бы на Зелёные Камни, снова переночевала бы у Водопада Слёз (разумеется, с несколько иным финалом моего выплзания из воды), — но не сейчас, а как-нибудь в другой раз. До Камерона скакать неделю, если не больше, — да я же изведусь за это время! Нет уж, давайте-ка по быстрому: раз — и в столице.

Де Ликатес известил камеронского типа диспетчера о нашем скором прибытии, и мы с герцогом поднялись по винтовой каменной лестнице в телепорт-башню, возвышавшуюся над дворцом. Не скрою, на душе у меня было кисло, и поджилки подрагивали: не очень-то приятно снова являться туда, где тебя судили и приговорили. Понятное дело, я вроде бы заслужила возвращение, но люди очень не любят признавать свои ошибки, и эххх, я так думаю, в этом от людей отличаются не сильно. Видеть его величество эльфийского короля (не говоря уже об Окостенелле) не шибко-то и хотелось (глаза б мои на них не глядели), но другого выхода не было. Шумву-шах обязан помочь спасти Шепотка (хотя бы потому, что это и его сын). Только пусть Шумок не рассчитывает, что я отдам ему Сашу — хрена, пусть радуется котяткам, которых принесла ему «ледяная магесса», любовь его старинная.

С такими вот сложными чувствами я вошла в круг на вершине башни. Хрум крепко взял меня за руку, закрыл глаза, и я почувствовала, как вокруг нас закручивается тугой вихрь Силы, сотрясающий башню. Потом всё поплыло и размазалось, а затем потерявшие чёткие очертания стены перестали изображать из себя колеблющийся серый туман, и пол снова стал прочным и осязаемым — приехали называется. Вроде бы и комната была точно такой же, и чёрный охренитовый круг под нашими ногами, но что-то подсказывало: это уже не Ликатес — это Камерон. Я взяла Хрума под руку, ощутив кистью холод металла (герцог был в полном боевом облачении), и мы с ним пошли вниз по лестнице — точной копии ликатесской.

На выходе из башни нас встретили: виконт де Камерон собственной персоной и типа почётный эскорт. На лице «тигромедведя» при виде нас не дрогнул ни один мускул — рыцарь только поклонился и пригласил следовать за ним. От телепорта до королевского дворца было рукой подать — метров сто, — и мы прошли эту дистанцию скорым шагом. И распахнулись двери, ещё помнившие королеву Алаву...

Сердце у меня колотилось так, словно норовило выскочить наружу, пропоров кожу и одежду. Поднимаясь по знакомым ступенькам, я смотрела прямо перед собой и считала шаги — я помнила, сколько их от входа до тронного зала, куда нас вели. Высокие двустворчатые двери открылись бесшумно и сами по себе — магия, блин горелый. Я отцепилась от Хрума, шагнула в тронный зал, и первое, что увидела — глаза Шумву-шаха, смотревшего на меня.

— Здравствуйте, ваше величество, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

Глава 15

Тронный зал королевского дворца в Камероне отличался внушительными размерами — это я помнила, — но сейчас, войдя в закрывшиеся за нашими спинами двери, мы с Хрумом оказались в относительно небольшом помещении. Ну да, магия пространства — как же, как же, знакомые штучки, его эльфийское величество проделал такой фокус со своим кабинетом под шпилем, когда меня там типа судили. Вот и теперь то же самое — громадный гулкий зал с колоннами и сводчатым потолком превратился (временно, ясен пень) в апартаменты для переговоров в узком кругу заинтересованных лиц — дело-то как бы семейное.

Заинтересованных лиц и в самом деле было немного, зато сплошь VIP-персоны. На своём королевском рабочем месте, то есть на троне, восседало его светлое величество; слева, на троне королевы (знаем, сиживали, жестковатое креслице) — Окостенелла (ну я просто безумно по ней соскучилась!), а сбоку стоял невысокий длинный стол, за которым чинно сидел архимаги Истраль, Нитофон, Азин и Арыч — вся верхушка Совета Чародеев в полном составе — в своих форменных белых хламидах и при посохах, торчащих строго вертикально вверх, как штыки вымуштрованных солдат на параде. Шумок не стал устраивать маскарад с переодеванием в землянский деловой костюм — он был в своём обычном церемониальном прикиде «корона-камзол-штаны-сапоги», а его супружница — в длинном роскошном платье цвета металл (и чего она так любит длинное — может, у неё ноги кривые? Хотя нет, видела я её в брюках...), усыпанном искорками драгоценных камней, и тоже в серебряной короне — королева Полуденной стороны Эххленда, блин горелый...

— Здравствуй, Алина, — очень спокойно ответил эльфийский король. По лицу Шумву-шаха нельзя было сказать, что моё появление в стиле «Привет, привет, а вот и я, небось, не ждали ни... гхм, хрена?» сильно его впечатлило. Ну да, он ведь эхх, да ещё маг, да к тому же ещё и правитель половины Эххленда — умеет владеть собой, скотина такая. Хоть бы бровью дёрнул, гад, чисто из уважения, — мы же с ним всё-таки не совсем чужие-незнакомые!

Окостенелла бесстрастно молчала, маги тоже безмолвствовали.

— Здравствуйте, ваше величество, — повторил вслед за мной Хрум, вежливо наклоняя голову (пришлось и мне повторить его жест — а что делать? Этикет!).

— Рад вас видеть, герцог де Ликатес, — всё так же спокойно отозвался Шумву-шах и с чисто эххийской прямоотой добавил: — Чего я не могу сказать о вашей спутнице.

— Алина заслужила возвращение, — холодно произнёс рыцарь, — и я очень надеюсь, что она в самом скором времени станет моей женой.

— Да, заслужила, — король величаво кивнул, — не нам оспаривать веления всемогущего Рока. Она получит развод, — он посмотрел на магов, и те дружно закивали седыми бородами в знак согласия.

А я заметила злые огоньки в глазах «ледяной магессы» и поняла, о чём она думает. Эльфийскую кошку не могло не беспокоить моё возвращение в Эххленд после изгнания — случай сам по себе уникальный, вряд ли такое уже имело место быть, — и вовсе не потому, что я как бы наплевала на вынесенный мне приговор, и даже не потому, что я когда-то была женой её нынешнего мужа. Я вернулась с королевским дитём на руках, и она видела во мне угрозу своим детям и своему семейному счастью. И я хорошо понимала Окостенеллу — на её месте я бы тоже дёргалась. И в довершение — укол по самолюбию: её бывший преданный рыцарь решил вдруг на мне жениться! И неважно, что магессе герцог до фонаря — ни одна женщина во Вселенной не сочтёт приятной новость, что не она уже является объектом возвышенной любви, а какая-то другая её сестра по полу, да к тому же ещё пользующаяся дурной славой.

— Я в этом не сомневался, ваше величество, — с оттенком дерзости сказал де Ликатес, — однако у нас есть к вам и ещё одно дело, куда более важное. Вам уже известно, что сын Алины похищен слугами Чёрного Владыки. Мальчика надо спасти, и я прошу в этом вашей помощи, ваше королевское величество. Это ведь и ваш сын!

— Да, мальчик, — задумчиво проговорил король. — Мой сын...

И тут меня прорвало.

— Ваше величество, я знаю, вам совсем не в кайф, что я вернулась. Вы и ваша жена, — я бросила взгляд на королеву, напрягшуюся, как перед прыжком, — вправе презирать меня за то, что я натворила в Эххленде пять лет назад. Не буду вам говорить, что я типа исправилась, заслужила и всё такое — это вам глубоко по фигу, справедливый вы наш. Я хочу только лишь спасти моего Шепотка, и ничего больше. И пусть Окостенелла спрячет когти — не нужны мне ни королевская корона, ни вы сами. У меня есть Хрум, и будь он даже простым воином, я его ни на кого не променяю, ясно? И помощи у вас я больше не попрошу — никогда! — я сама позабочусь о своём сыне, — почувствовав, что сейчас я или разревусь, или начну крыть всех подряд отборным матом, я замолчала, переводя дыхание.

— Мы о нём позаботимся, — вставил Хрум. — Законы эххов это допускают.

— А ты действительно изменилась, дерзкая девчонка, — произнёс Шумву-шах. — Не зря тебя так защищал Причесах — у него чутьё. Что ж, присаживайтесь — поговорим.

К нам подбежали самоходные кресла, и уже садясь, я заметила, что взгляд «ледяной магессы» смягчился — в нём появилось что-то человеческое. Королева наверняка читала мои мысли и поняла, что я была искренна. «Ну и пусть читает, — подумала я, глядя прямо в узкие кошачьи зрачки эльфийки, — мне нечего скрывать!». И — удивительное дело! — Окостенелла опустила ресницы.

— Я обязан помочь тебе спасти твоего сына, — как истинный властитель, Шумву-шах перешёл к делу без долгих проволочек, — и не только потому, что в его жилах течёт и моя кровь. Тёмные похитили ребёнка с Полуденной стороны Эххленда — где гарантия, что это

не повторится? Каждый гражданин моей державы должен быть уверен в том, что вся её мощь придет к нему на помощь, случись с ним беда. Без уверенности каждого гражданина в своей защищённости нет, и не может быть великих империй — они становятся всего лишь пылью на сапогах Вселенной. Я уже связывался с самим Вам-Кир-Дыком — есть у нас особый канал, — ещё позавчера: сразу же, как только маги Гильдии Стражей Порталов сообщили мне о налёте на хижину Причесаха. Я предложил ему вернуть мальчика в обмен на чёрных магов, взятых в плен во время последней войны, или выкупить его за что-либо остро необходимое тёмным.

— А он? — я запнулась, уже зная ответ.

— Ответил категорическим отказом. Дословно — «я не верну этого мальчишку за все сокровища Полуденной стороны». И расхохотался — так, как это умеют только тёмные эххи.

— Но почему? — подавленно спросила я. — Почему мой Саша так нужен этой гадине?

— Потому что он дитя двух миров, сын двух разных разумных рас. А подробнее тебе расскажут они, — Шумву-шах кивнул в сторону магов, — я ведь пригласил их сюда не только для того, чтобы оформить наш развод.

— Даже у эххов разных рас дети рождаются крайне редко, — произнёс кто-то из магов (кажется, это был Нитофон) синтетическим голосом компьютера, — что же касается детей от браков эххов с иномирянами, то таких случаев было всего несколько за всю нашу историю. А случай с твоим сыном, землянка, вообще исключительный. Целые сутки сильнейшие маги нашей Академии совместными усилиями пытались разобраться в фоновой составляющей этого события, вычленили астральные следы и направление магических концентраторов...

— Коллега Нитофон иногда бывает излишне многословен, — желчно вставил маг Азин, — а проще говоря, твой сын, Алина, обладает огромными потенциальными способностями к магии: в перспективе он — сильнейший маг всего Эххленда. И поэтому чрезвычайно важно, на какой стороне он будет, когда вырастет, — на тёмной или на светлой.

— И может быть, — добавил маг Арыч, — что от этого зависит будущее всех эххов. Во всяком случае, вероятностные предсказания этого не исключают.

Я почувствовала, как во мне нарастает злость. Да что ж это такое? Спасать Сашеньку от наших доморощенных охотников за чудо-детьми, чтобы потом здесь, в благословенном Эххленде, который снился мне во сне, и куда я так стремилась, вляпаться в то же самое? Ну неужели во всей Вселенной нет ни одного нормального Мира, без этих вечных разборок, где матери могут растить своих детей без опаски?

— А военное вторжение на Полуночную сторону? — услышала я голос Хрума.

— Этот вариант также уже рассматривался, — ответил эльфийский король. — Баланс сил в нашу пользу — мы можем рассчитывать на победу, пусть ценой немалых жертв, и даже сможем полностью опустошить Полуночную сторону. Но Вам-Кир-Дык дал понять, что если мы попытаемся освободить маленького пленника силой, то получим только его пепел — даже если вместе с ним превратится в пепел вся Полуночная сторона Эххленда.

— Возможно, это было бы самым лучшим решением проблемы, — бесстрастно изрёк маг Истраль. — Естественно, я имею в виду не полное уничтожение половины Эххленда, а смерть этого ребёнка.

— Что ты сказал? — я привстала, впиваясь глазами в деревянное лицо эльфа. — Да я тебе за такие слова моргалы выколю, и дальше по списку! Если вашей мудрости неведомо это наше землянское идиоматическое выражение, перевожу на эххийский: за моего сына я вам удалю органы зрительного восприятия окружающей вас действительности — мучительно и без наркоза, — а потом перейду ко всем прочим вашим органам. Мозг оставляю, так и быть, — он у вас уже явно работает с переборами, если вы осмеливаетесь говорить такое *матери* !

— Я понимаю ваши материнские чувства, — Истраль поджал губы («Ага, гад, на «вы» перешёл — зауважал!»), — однако позвольте мне внести полную ясность. В любом обитаемом Мире есть Добро и Зло, они борются между собой, и соотношение их меняется. В итоге, как правило, какой-то мир становится полностью светлым или, наоборот, тёмным.

Есть и другой, достаточно редкий вариант — серый мир, где Добро и Зло смешались в равных пропорциях, и развитие остановилось. Впрочем, если мне не изменяет память, об этом мы с вами когда-то уже говорили, так что не будем повторяться. В данном случае важно то, что ваш сын, Алина, может стать своеобразной перемычкой, мостиком между Эххлендом и Землёй, — есть у него такие задатки. И тогда вступит в действие закон сообщающихся сосудов. Не понимаете? Для вас наверняка не секрет, что в вашем родном Мире зла хватает — и мелкого, и Зла с большой буквы. И если ваш сын сознательно перейдёт на Тёмную Сторону Силы, то Вам-Кир-Дык сможет через него качать негатив из вашего Мира — сюда. И тогда Чёрный Владыка возьмёт верх в Эххленде — это неминуемо, вопрос только во времени. А может быть и наоборот: он бросит Полночную сторону и превратит всю вашу Землю в Тёмный Мир — это ему ещё и легче, ведь там он не встретит такого отчаянного сопротивления. И Вам-Кир-Дык обо всём этом знает — к сожалению, его черномаги давно заметили вашего сына и поняли, на что он способен. Теперь вы меня понимаете? И простите, если я причинил вам боль...

Я молчала, раздавленная обрушившейся на меня тяжестью. Сашенька, сынок, вокруг которого переставали ссориться дети и к которому ластились птицы и звери, — и вдруг станет монстром, погружающим во Тьму целые Миры? Нет, этого не может быть... Не верю! А если... А если это правда? Ведь дети — они же как пластилин, из них можно вылепить что угодно, всё зависит только от ловкости рук лепщика! Сашенька... Сыночек... Как же это так, а?

— Успокойся, Алина, — мягко проговорил Шумву-шах (я уже и забыло, что его голос может быть таким), — до этого пока далеко (похоже, его величество тоже читал мои мысли). Твой сын ещё мал — у нас ещё есть время спасти его и всё изменить. И есть ещё непереносимое условие «сознательно перейдёт», а этого может и не случиться — ты ведь устояла перед искушением тёмных.

— Значит, прямое военное вторжение отпадает, — де Ликатес оставался магом-воином, хотя переживал он за Шепотка немногим меньше, чем я сама — в этом я была уверена. — Но есть ведь и другие способы. Можно ли здесь говорить открыто, ваше величество?

— Можно. Мой тронный зал имеет абсолютную защиту от проникновения в него даже бестелесных шпионов и от всех видов магического подслушивания. Что ты предлагаешь, рыцарь? Я со своей стороны обещаю вам сделать всё, что только в моих силах, — вы можете рассчитывать на любую мою помощь и поддержку

Глава 16

Лесная дорога сделала очередной поворот, и я облегчённо вздохнула: ну наконец-то! Впереди в сплошной зелёной стене, до чёртиков мне надоевшей за последние дни, появился просвет — широкий, словно проломленный тараном. В проломе желтела степь — Поперечный лес кончился.

Ехавший рядом со мной Хрум тоже повеселел (внешне это было незаметно, но я уже научилась чувствовать его настроение, да и мои пробуждавшиеся способности делали своё дело). Оживились и воины, и даже кони, казалось, куда радостнее заперебирали копытами — Поперечный лес с его прелестями всех нас уже достал до печёнок и глубже. Капитан О'Прах отдал короткий приказ, и с десятков всадников, горяча коней, помчались вперёд. Вырвавшись из леса на степной простор, разведчики окружили там, осмотрелись и подали знак — типа, всё в порядке, езжайте смело. Копыта наших лошадей отсчитали последние шаги по как бы мху, выстилавшему узкую лесную трассу (странный он, этот мох — невытапываемый какой-то, и следов не сохраняет), и в лицо мне ударил тугой степной ветер, приправленный горьковатым запахом трав. Ну, слава Создателю Вселенной...

* * *

Во дворце Шумву-шаха мы пробыли ещё часа два, и пока маги оживлённо обсуждали детали плана, предложенного де Ликатесом, я немного пришла в себя — стресс-то мне выпал ещё тот. Окостенелла мне помогла доброжелательная аура всех присутствовавших в тронном зале — даже Окостенелла, которую я никак не могла заподозрить в чрезмерной ко мне любви, искренне мне сочувствовала. Всё-таки эти эххи — удивительный народ...

В итоге я чуть не забыла получить развод — как-то выпало из памяти. Хорошо, что де Ликатес об этом не забыл, и король тоже (я так полагаю, что если бы Шумок запомнил об этой маленькой формальности, Окостенелла живо бы ему, двоежёнцу, напомнила — не фиг потому что). А сама процедура развода оказалось простой до безобразия: архимаги дружно зафиксировали факт взаимного согласия сторон, и всё. И так же быстро я стала женой Хрума — даже расписываться нигде не пришлось. Совет Чародеев наряду с другими полномочиями имел право «простирать сень законности над любовным ложем» — так это витиевато звучало по-эххийски. Маги в Эххленде ведали актами гражданского состояния (загс и нотариальная контора в одном флаконе), причём академики на мелочи не разменивались: они снисходили до браков-разводов-споров-завещаний только особо продвинутых личностей, типа местной знати. Ликатесский правитель таким и был, так что с точки зрения эхийской законности всё вышло пучком. Жаль, конечно, что моё второе бракосочетание было обставлено гораздо скромнее, чем первое, но с моей стороны было бы верхом борзости снова претендовать на полнометражное шоу — это я понимала.

Короче, из дворца я вышла уже герцогиней де Ликатес. Приятно, конечно, врать не буду, но праздновать свадьбу мне совсем не хотелось — надеюсь, вы понимаете, почему. Мы с Хрумом намеревались немедленно отправиться домой через телепорт, однако на выходе к нам подкатился ни кто иной, как Озабттэс. Таукитянина переполняла (и даже хлестала через край) радость встречи с вернувшейся мной; бывший менеджер по невестам искренне (и больше, чем все прочие камеронцы вместе взятые) рад был меня видеть. Отклонить просьбу Озабттэса «навестить хотя бы на часок его скромное жилище» значило бы нанести бедняге незаживающую рану, и мы приняли его приглашение, благо обитал он неподалёку.

Как выяснилось ещё по дороге, ныне Озабттэс возглавлял департамент попаданцев, и потому имел типа служебную жилплощадь при своей конторе в центре столицы, рядом со зданием Академии Магии. За все годы моего отсутствия в Эххленд попало всего с десятков уроженцев параллельных миров, из чего я сделала вывод, что работой толстяк не перегружен — это тебе не капризных королевских невест опекать. На мой вопрос, большой ли у него штат сотрудников, Озабттэс уклончиво ответил «сами увидите, леди»; при этом его глазки так шустро завертелись, что у меня даже возникло опасение, как бы они совсем не выскочили и не упрыгали. Что стояло за этой его пантомимой, выяснилось очень скоро: в типа квартире таукитянина нас встретило зеленокожее существо странного вида (то ли крупная ящерица, то ли мелкий дракон), однако с явно выраженными признаками особи женского пола и явно не эххийка. Глава департамента попаданцев запираяться не стал и признался, что весь персонал департамента перед нами.

— Бред'да, — гордо представил он зеленокожую, зловеще (или очаровательно — это как посмотреть) оскалившую острые зубки в как бы улыбке, — моя жена и коллега. Мы работаем с пропущенными в Эххленд попаданцами только с нею вдвоём, и ничего, справляемся.

— Слушай, Зяба, — спросила я, когда эта его царевна-лягушка усвистала на кухню за вином. — Она у тебя что, тоже с этой твоей, как её, Тиу-Киу-Тау-Миу?

— Увы, — таукитянин тяжело вздохнул, — Бред'да с другой планеты. Из моего родного мира сюда больше никто не попадал... Но всё равно — мы с ней любим друг друга, и нам хорошо. Жаль только, что у нас нет детей, но они, может быть, ещё будут, правда?

«Вот уж действительно, любовь зла» — подумала я, а потом вспомнила, как «ледяная магесса» предлагала отдать меня в жёны Озабттэсу, и мне стало и смешно, и грустно...

Однако долго рассиживаться с попаданской четой мы не стали — выпили по бокалу, обменялись с хозяевами пожеланиями счастья в личной жизни и покинули гостеприимный

дом. А через двадцать минут мы оказались уже в Ликатесе: хорошая штука телепорт.

Свадебный банкет никто, понятное дело, не отменял, но в разгар чествований на меня то и дело накатывала тоска — у меня не шли из головы слова архимага Истралья о том, какая судьба ждёт моего сына. И поэтому утром я не стала нежиться в постели, как это положено счастливой новобрачной, а жёстко потребовала от своего теперь уже законного мужа скорее трогаться в путь — в долгий путь на запад.

* * *

План Хрума был прост — суть его можно выразить изречением боевых магов-рыцарей «панцирь не разрубить мечом, но можно пробить стилетом». Собственно говоря, точного плана и не было: нужно проникнуть в самое сердце Полночной стороны, к Вам-Кир-Дыку, но как это сделать — это нам ещё предстояло обдумать и решить. Мы надеялись на помощь Отданонов — пограничники неплохо знали владения тёмных эххов, и я полагала, что князь д'Анакор не откажется помочь той, которая шесть лет назад была как бы повторением его погибшей племянницы Активии. К сожалению, в Западных горах не было сети телепорт-башен — нам предстоял трудный путь через Поперечный лес и пустыню. И путь этот был не только долгим, но и опасным, и меньше всего походил на лёгкую увеселительную прогулку. Но другого свадебного путешествия я не хотела — я шла спасать своего сына.

Мы покинули Ликатес рано утром (я ехала верхом — не впервой) в сопровождении двенадцати боевых магов — рыцарей ближнего круга — и четырёх сотен отборных воинов под командованием капитана О'Праха. Шли скорой рысью, без задержек и ненужных встреч, и к ночи добрались до реки, за которой начинались Рощи Порталов. А на следующее утро, переночевав и дав отдых лошадям, наша спасательная экспедиция оказалась на пепелище, где раньше стоял дом Причесаха, и где пять дней назад — всего лишь пять дней назад! — на нас напали летучие гидры.

На месте сгоревшей хижины лесника уже появилась как бы временка, возле которой стоял новый страж Рощи, провожавший глазами нашу походную колонну. Мы обменялись с ним короткими приветственными жестами, но останавливаться не стали — не до бесед. Хрум не повёл войско напрямик через Рошу Порталов — торной дороги через неё не было, а ломать копытами конницы зелёные насаждения в этом священном для эххов месте не посмел бы ни один маг Полуденной стороны. Мы двинулись вдоль опушки и примерно через час свернули в широкую ложину, отделявшую рошу имени Причесаха от соседней. А ещё через час я, обернувшись назад, увидела высоко в небе горсть догонявших нас тёмных точек.

— Смотри-ка! — сказала я Хруму, ехавшему рядом. — Что это ещё за хрень? Неужели опять гидры?

— Нет, — ответил он, разглядывая из-под руки аномальное атмосферное явление, — это не гидры. Это грифоны — король Шумву-шах действует.

Да, его величество тоже действовал. На военном совете в камеронском дворце было решено двинуть армию к Западным горам, и теперь она шла за нами на расстоянии примерно десяти дневных переходов. И были подняты в воздух грифоньи эскадрильи, прикрывавшие с воздуха марширующие на запад королевские части. А заодно глазастые пилоты-зльфы вели разведку по пути следования — Вам-Кир-Дык, как известно, не дремлет (даже когда спит). В задачу армии не входило немедленное вторжение на Полночную сторону — Шумву-шах и архимаги со всей серьёзностью отнеслись к угрозам Чёрного Владыки убить Шепотка при попытке его освободить — приближение войск исконного противника к границе должно было только встревожить тёмных и лишить их покоя, отдыха и сна. Атака с ходу не намечалась — пусть Чёрный понервничает, ожидая внезапного удара неизвестно когда. И к тому же такое ожидание утомляет и расслабляет, потому что никто не может находиться в постоянном напряжении, — психология называется. А наш авангард, имея десять дней форы, должен был перейти перевалы Западных гор и просочиться на вражескую территорию, пока Вам-Кир-Дык не перекрыл наглухо все тропки-лазейки — тактика называется.

Король не ограничился посылкой сухопутной армии, памятуя, как собирался воевать против него незабвенный Им-Кир-Дык — с моря. К берегам Полуночной стороны на страх Вам-Кир-Дыку отплыл мощный ударный флот под командованием прославившегося в боях с пиратами адмирала Задрыгалло, поднявшего флаг на магобронированном фрегатокрейсере «Шум Великий», способном эффективно поражать любые морские, береговые и воздушные цели и специально переоборудованном для взлёта и посадки боевых грифонов. Флот должен был крутиться вдоль всего побережья и, угрожая высадкой десанта, отвлекать и рассеивать внимание тёмных чародеев — стратегия называется. Короче, общий план был хорош, а вот как оно выйдет на самом деле — этого не мог сказать никто.

* * *

Поперечного леса мы достигли к вечеру того же дня и разбили лагерь у самой его опушки. Ночь прошла спокойно, если не считать того, что дозорные подстрелили чересчур любопытного ползуна-душителя, не преминувшего поинтересоваться, кто это здесь появился и нельзя ли попробовать его на вкус.

На закате лес выглядел сплошной тёмной стеной, угрюмой и зловещей. На рассвете эта стена стала зелёной, но от перемены цвета она не сделалась менее мрачной. «Не фиг вам тут делать, — как бы предупреждал лес всем своим видом, — шли бы вы куда подальше!». Но нам надо было двигаться вперёд, и мы пошли через лес. И началось...

Да, дорога через Поперечный лес пешком (и даже на коне) и пролёт над ним на спине дракона — это две большие разницы. Лес был нафарширован всякой гадостью: ядовитыми лианами; цветами, источавшими смертельный запах; мелкими, но зубастыми зверюшками, прыгавшими с ветвей и вгрызавшимися в конские крупы, и разными прочими прелестями. Дорог как таковых здесь не было — были узкие тропки, петлявшие среди гибельных топей, вмиг засасывавших с головой любого неосторожного. Про рукастых червячков-душителей я была уже в курсе, но в лесу жили ещё и дикари с их дурацкой манерой без предупреждения (просто так, из любви к искусству) пускать в спины прохожим отравленные стрелы. Воины в нашем отряде были опытные, многие из них здесь уже бывали, и не раз; маги не спускали чар с чаши леса; и всё-таки мы несли потери — к счастью, немногочисленные. На ночёвки мы останавливались в лесных фортах, расположенных на расстоянии одного дневного перехода друг от друга, — ночевать в этом уютном лесопарке под открытым небом, а не под защитой крепостных стен и сторожевой магии, означало недосчитаться к утру половины бойцов.

— Послушай, Хрум, — не выдержала я после того, как мы битых два часа прорубались сквозь густые сети, растянутые поперёк тропы пауками-костогрызами, — откуда тут столько всякой дряни? Это же Полуденная сторона!

— Эхо магической войны, — пояснил мой муж, протирая лезвие меча, — отзвук злых заклятий, когда-то пущенных в ход. Здесь шли бои — тяжёлые бои, — и маги с обеих сторон не скупилась на заклинания, действие которых длится сотни лет. Вот и появились чудовища... А дикари Поперечного леса раньше были обычными эххами, но потом под воздействием магии они мутировали и стали такими, какие они есть. И поэтому мы не выжигаем лес и не истребляем всех его обитателей — мы хотим спасти этих несчастных. Наши форты — это ведь не только опорные пункты, но и центры помощи. И мы спасём лесных эххов — только ради этого почти каждый день в этом проклятом лесу гибнут наши воины.

Да, я чувствовала в лесу запах магии. Именно так — *чувствовала*. Я заметила, как во мне всё уверенней посыпается что-то, чего у меня отродясь не было. То ли это оживились приснопамятные «первичные умения эххийки», которыми меня одарила Окостенелла, то ли дали о себе знать навыки, полученные во время моего краткого обучения в Академии Магии, то ли у меня и в самом деле были кое-какие задатки. А ещё для меня не прошли даром годы, проведённые рядом с моим сынишкой, и ночи, проведённые с де Ликатесом. Я понемножку

становилась эххийкой — не крутой магессой, понятное дело, но тем не менее. И уверовала я в это, когда однажды мимоходом сотворила своё первое самостоятельное волшебство.

Как-то утром, после ночёвки в очередном форте, я, как любая нормальная женщина, приводила себя в порядок. Если вы помните, в Эххленд я прибыла без своих косметических принадлежностей и даже без расчёски, что меня где-то как-то слегка напрягало. И в это утро я взяла эххийский гребешок и внутренне посетовала — ну неудобно мне было держать его в руке! И ручка у него какая-то дурацкая, и сам изгиб — вот если бы... И тут я ощутила тепло под ладонью и не поверила своим глазам: эххийская вшегонялка послушно приняла именно ту форму, которую я себе представила; изогнулась, словно пластилиновая, и вновь застыла. Я прибалдела и долго вертела перед собой эту чёртову расчёску, боясь поверить в то, что я сотворила. А когда я рассказала об этом Хруму, он только улыбнулся и сказал:

— Всё правильно — так и должно быть, — и поцеловал меня.

И только тогда я поняла, что я действительно проделала фокус с расчёской, и что это и в самом деле магия, пусть даже простенькая.

Так что нет худа без добра — Поперечный лес с его убойной экзотикой стал для меня типа тренажёром. Я приглядывалась, прислушивалась, принималась (не глазами-ушами-носом, ясное дело), и небезуспешно: на шестой день пути я первой заметила затаившуюся в ветвях змейку-скакуна и предупредила де Ликатеса.

— Молодец, — похвалил меня Хрум, отряхивая с рукава пепел сожжённой им твари, — Вам-Кир-Дыку не поздоровится.

Я понимала, конечно, что он шутит, но мне всё равно было приятно — очень.

И всё-таки Поперечный лес за девять дней перехода надоел мне хуже горькой редьки — неудивительно, что я вздохнула с облегчением, когда он наконец-то кончился.

Глава 17

Вывавшись на степной простор, мы поскакали куда резвей — аж в ушах засвистело. Кони прибавили прыти без понукания — им, как и всадникам, хотелось как можно скорей отдалиться от Поперечного леса на как можно большее расстояние. Я наслаждалась свежим ветром, голубым небом над головой вместо сумрачного зелёного полога, солнечным светом. Мне хотелось хлестнуть как следует свою кобылку, вырваться из кольца воинов и нестись, нестись, нестись вперёд — туда, за горизонт, где тёмной полоской уже виднелись обманчиво близкие Западные горы.

— Не увлекайся, — услышала я голос Хрума, — здешняя тишь обманлива. Степь — это, конечно, не лес, но и она таит не очень приятные сюрпризы — особенно там, где начинается пустыня.

— Это ты про песчаников, да? — я пренебрежительно махнула рукой. — А что они нам сделают? Верт, помнится, всего с тремя бойцами быстренько распотрошил одного такого, а нас тут вон сколько!

— В пустыне можно встретить не только песчаных попрыгунов — здесь водится и кое-кто ещё. Да и Полуночная сторона — она вон там, за горами, рукой подать, и оттуда иногда тоже приходят не слишком приятные гости. Так что будь осторожна, договорились?

В ответ я дёрнула плечами — подумаешь, мол, — однако стала поглядывать вокруг уже не так благодушно и даже с некоторой опаской.

Песчаников мы действительно встретили — спугнули двоих зарывшихся. Гигантские тараканы выскочили из-под земли в клубах пыли и помчались прочь, высоко вскидывая голенастые конечности. Десятка два воинов, горяча коней, с азартом устремились за ними в погоню, однако герцог властным окриком прекратил эту забаву.

— Сомкнуть круг! — скомандовал он. — Не отвлекаться! Капитан Верт, следи за своими людьми — мы не на охоте в окрестностях Ликатеса.

Пристыженный О'Прах быстро навёл порядок — мне показалось даже, что он пару раз сунул кое-кому кулаком под рёбра, — и мы двинулись дальше в строгом походно-боевом

строю: впереди капитан с тремя десятками воинов и тремя рыцарями, сзади, в типа тыловом охранении, — слышала я это выражение от Петровича, — троица магов и дюжины две бойцов, в центре я с Хрумом и шестью его рыцарями, а вокруг нас — тройное кольцо готовых к бою всадников, зорко смотревших по сторонам.

Степь вскоре сменилась холмистой пустыней. То есть не совсем пустыней — тут и там торчали жёсткие кустики и колючая трава, — но под копытами была уже не земля, а что-то вроде растрескавшейся сухой глины — вроде той, которая остаётся на месте высохших луж. Она хрустела, словно мы скакали по черепице, ломавшейся под лошадиными ногами. Хруст был неприятным — как будто по костям едешь — и не располагающим к умиротворённости. Мне стало как-то не по себе, молчать было уже не вмоготу, и я спросила Хрума:

— А почему пустыня?

— Что значит почему? — не понял мой муж.

— Ну, там, за рекой, в ликатесских степях, нет ничего такого. И у Восточных гор тоже нет, и за ними тоже. Зелёные равнины, а если и есть как бы прерии, то не такие мёртвые, как эта, — я кивнула в сторону чёрного деревца, торчавшего на вершине ближайшего песчаного бархана и напоминавшего обугленный скелет.

— Здесь тоже была война, Алина, — ответил рыцарь и, немного помолчав, добавил: — Страшная война, самая опустошительная из всех войн между тёмными и светлыми эххами. Полторы тысячи лет назад тогдашний Чёрный Владыка — древние легенды гласят, что он не был прирождённым эххом, а явился откуда-то из звёздных бездн, — вторгся на Полуденную сторону. Здесь, — Хрум сделал широкий круговой жест рукой, — была цветущая страна, такая же цветущая, как камеронские земли, и стояли города. Ты помнишь заветы летучих гидр? Примерно такая же магия, только гораздо более мощная, пошла в ход и тут, на этих землях, и оставила после себя выжженную пустыню. Наши предки остановили полчища тёмных лишь в Поперечном лесу, но какой ценой — ты видела. И вот с тех пор...

— Хрум, а как же Вам-Кир-Дыку удалось прорваться к самым Восточным горам — ну, в прошлый раз, когда я была в Эххленде?

— Он шёл вдоль северного побережья — там нет пустынь, и полоса Поперечного леса гораздо уже. К тому же Вам-Кир-Дык напал внезапно, он выбрал удобный момент — Шумву-шах был слишком занят своими брачными делами.

— Ты ещё скажи, что во всём виноваты женщины, — фыркнула я. — И Троянская война состоялась из-за Елены, и Третья Мировая тоже начнётся из-за какой-нибудь порнозвезды. У вас, у мужиков, всегда виноват кто угодно, но только не вы сами с вашей вечной любовью к дракам!

— За красивую женщину можно и подраться, — маг усмехнулся, — хотя причины войн, конечно, другие. Войны идут на разных уровнях и на разных планах бытия — я не знаю, есть ли во Вселенной хотя бы один Мир без войн. И я не знаю, наступит ли когда-нибудь такое время, когда войн не будет. Созидание и разрушение — или добро и зло, можно сказать и так, — вечно борются между собой. Это закон Мироздания — великий Закон Равновесия, Алина.

* * *

К исходу дня мы добрались до небольшого озера, притаившегося среди невысоких холмов. Вода в озере неприятно походила на ртуть, и вообще это местечко мне не нравилось: из-под песка и ломкой глины вылезали какие-то руины — мёртвый город называется.

— Может, не будем здесь ночевать, — робко предложила я, — а поедем дальше, пока светло?

— У нас четыреста лошадей, — де Ликатес покачал головой, — и воины, которые тоже хотят пить. Впереди нет открытых источников на полдня пути, а разыскивать подземные родники магией — дело долгое. Ты теперь герцогиня, Алина, — привыкай думать не только о себе, но и о тех, кто выполняет твои приказы.

После скачки под палящим солнцем мне очень хотелось выкупаться, но в озеро я не полезла — уж очень вид был тоскливый у этого водоёма. Пока ликатесцы разбивали лагерь — костры, палатки, и всё такое, — я, оглядевшись, тихенько потопала к ближайшему холмику, украшенному каменными остатками чего-то вроде стены. Ну, вы же понимаете: целый день в седле, а я вообще-то живая. Удобных кустиков в округе не наблюдалось — что мне, герцогине де Ликатес, прикажете снимать штаны на глазах у всего войска? И ладно бы ещё я была в короткой юбке или даже в джинсах — на мне были плотные кожаные брюки, широкий пояс с мечом-кинжалом — по статусу положено! — и длинная куртка с нашитыми на неё спереди и сзади железными пластинками: из такой упаковки выбраться не так просто.

Спрятавшись в тенёк и сделав свои дела, я привела свой прикид в исходное состояние и собралась уже вернуться к кострам, от которых тянуло вкусными запахами предстоящего ужина, но задержалась, словно заворожённая видом руин, окрашенных вечерним солнцем в погребальные цвета, — от каменных обломков тянулись длинные тени, острые, как клинки мечей. Древний город был немаленьким — его развалины простирались на сколько хватало взгляда, постепенно теряясь в крадущихся сумерках. И тихо выл ветер — то ли жалуясь, то ли плача...

Я шагнула вниз, и тут вдруг ощутила спиной чьё-то ледяное дыхание.

Я обернулась.

С противоположной стороны холма поднимался призрак: серая тень, очень отдалённо похожая на человеческую фигуру в развевающемся рваном плаще. Я видела круглое как бы лицо фантома и тёмные пятна там, где по идее должны быть глаза; носа и рта я как-то не разглядела. Очертания тела были размытыми, ног не было: призрак напоминал застиранную до потери цвета простыню, сорванную ветром с бельевой верёвки. Привидение добралось до вершины холма, обтекло останки разрушенной стены и поплыло прямоком к перепуганной мне, на ходу отращая длинные бесплотные руки. И эти руки с крючковатыми пальцами на узких ладонях однозначно норовили в меня вцепиться.

Я окаменела — ноги отказали напрочь. А потом у меня в голове что-то как бы вспыхнуло, высекая отчётливую мысль «Клинок!» (и не мысль даже, а типа видение — не знаю, как вам это объяснить).

Серую тень наискось пересёк слепящий росчерк. Призрак не заверещал — он просто распался на клочки, быстро растаявшие в воздухе, а я не сбежала, а скорее скатилась вниз, к подножию это чёртова холмика, и шлёпнулась на песок.

— Молодец, Алина, — услышала я, — ты делаешь успехи.

Я судорожно вскинула голову, со страхом ожидая какой-нибудь новой пакости.

Передо мной стоял мой муж и смотрел на меня с улыбкой.

— Молодец, — повторил он, протягивая руку, чтобы помочь мне подняться.

— Т-ты-ы-ы... — пролепетала я.

— Нет, не я, а ты — ты сама. Будем считать, что ты сдала первый серьёзный экзамен по прикладной магии. Сотворить меч-молнию, да ещё так быстро, сможет не всякий выпускник камеронской Академии. Этак мы с тобой скоро сможем стоять в бою бок о бок, жена.

— Ты за мной следил?!

— Ну, не совсем следил, а, так скажем, слеживал. Я ведь тебя предупреждал — здесь водятся не только песчаники. Тени павших нечасто нападают на живых, но иногда призраки могут быть опасными.

Я встала на ноги и посмотрела вверх, на источенные временем каменные останки, — там никого не было. Вот же блин горелый...

— Пойдём, — Хрум обнял меня за плечи, — ты ведь проголодалась, верно? И, несмотря на твои просыпающиеся магические умения, в кольце верных мечей всё-таки безопаснее.

— Послушай-ка, рыцарь, — спросила я его, когда мы подходили к нашему шатру, — а если бы я, это, не сумела бы? Что тогда?

— У тебя было в запасе ещё ноль целых шестьдесят восемь сотых секунды, — пояснил

боевой маг серьёзным тоном. — Если бы ты не справилась сама, я бы вмешался — неужели ты думаешь, что я бы позволил фантому причинить тебе вред? Я ждал до последнего момента — я надеялся, что ты сама сумеешь его развоплотить. И я не ошибся — ты сумела это сделать.

— Ах ты, экзаменатор хренов! — возмутилась я (ушедший страх уступил место злости). — Он, видите ли, ждал — мол, а что из этого выйдет? А если б я померла от разрыва сердца, а? Ну ты и гад, Хрум, — сегодня будешь спать отдельно, понял?

— Не сердись, — рыцарь мягко притянул брыкающуюся меня к себе и поцеловал. — Чтобы научиться плавать, надо прыгнуть в воду, верно? Экзамены должны быть жёсткими — если бы ты знала, что я стою рядом, ты надеялась бы не на себя, а на меня, и у тебя, скорее всего, ничего бы не вышло. А так — так ты теперь знаешь, что можешь за себя постоять, и что ты тоже кое-что умеешь. Стоит такое знание минутного испуга? Только не зазнавайся — до настоящей магессы тебе ещё далеко.

* * *

Подножия Западных гор мы достигли на третий день пути через пустыню, вскоре после полудня. До вечера было ещё далеко, но герцог не стал сходу углубляться в каменные теснины.

— Мы не успеем до темноты добраться до замка князя д'Анакора, — сказал он, — а Западные горы — это не Восточные. В ущельях можно запросто напороться на отряд тёмных эххов — они забираются туда даже в дни мира. А сейчас, когда Вам-Кир-Дык ждёт нашего удара, в засаду попасть проще простого — Чёрный Владыка уже наверняка разослал своих шпионов по всем горным тропам. Так что будем ждать утра.

Послеобеденный отдых не состоялся: де Ликатес собрал всех своих рыцарей (капитан Верт О'Прах, само собой, тоже присутствовал на этом типа военном совете), чтобы обсудить обстановку и прикинуть ближайший план действий. Герцог связывался через магический кристалл со столицей; с армией короля, уже подошедшей к Поперечному лесу; ещё с кем-то — я не очень въехала во все эти чародейские штучки (как говорится, я не волшебник, я ещё только учусь). В общем, ничего нового мужики в доспехах так и не надумали — решено было завтра поутру двигать в горы, к замку д'Анакора Отданона, внимательно глядя по сторонам, чтобы не получить по башке камнем, сброшенным кем-нибудь с какого-нибудь утёса, а там — по обстановке.

После окончания военного совета я вышла из шатра и долго смотрела на угрюмые скалистые горы, стоявшие между мной и моим сыном. Я понимала, конечно, что основная преграда на пути к нему — не эти горы, и всё-таки мне хотелось пройти их как можно скорее. Постояв так с полчаса, я поняла, что усидеть на месте всё равно не смогу, и предложила де Ликатесу сделать небольшую вылазку.

— Видишь вон тот утёсик? — сказала я ему, показывая на отдельно стоящую скалу с плоской, словно срезанной, вершиной. — Давай на него заберёмся — оттуда наверняка можно посмотреть на ущелье, по которому мы завтра пойдём, и вообще...

— Что вообще? — уточнил Хрум. — Зачем нам идти на ненужный риск?

— А кто тебе сказал, что риск, и что ненужный? — напирала я. — Я хочу посмотреть не глазами, а отсюда у меня ну ни хрена не выходит: вы тут так намагичили, ставя все эти ваши защиты, что дышать невозможно. Ты не далее как позавчера что-то там говорил о проверке моих умений в условиях, максимально приближенных, вот мы и приблизимся. Я ведь не зову тебя лезть в эти каменные джунгли на ночь глядя — я хочу сходить типа на разведку: а вдруг чего и унюхаю?

— Резонно, — согласился герцог, глядя на меня с интересом. — Ладно, уговорила.

Он приказал четверым рыцарям нас сопровождать. Боевые маги склонили головы в знак повиновения и потопали следом, погромыхая железом. Взбравшись на коней, мы минут через десять оказались у подножия утёса, похожего на оплывшую каменную колонну,

и полезли наверх. Карабкаться было совсем не сложно — широкие выступы образовывали что-то вроде лестницы наподобие той, по которой мне так и не удалось спуститься на берегу одной речушки на Карельском перешейке. Забравшись наверх, мы с де Ликатесом (рыцари остались этажом ниже — так им удобнее было нас прикрывать, не создавая при этом помех моему не слишком умелому чародейству) оказались на ровной площадке примерно метров сорок на сорок. Я огляделась.

Упомянутое ущелье уходило в горы и было пустынным на всём его протяжении — я не заметила там никакого шевеления. Горы закрывали полнеба, над их вершинами кое-где лениво ползли белые облачка. Кроме облаков, в небе над горами никто не летал — только позади, над пустыней, кружила пара грифонов: лётчики Шумву-шаха вели свою воздушную разведку.

Я закрыла глаза и сосредоточилась — как учили. Сверзиться вниз я не боялась: мы стояли на самой середине этой как бы смотровой площадки, и мой муж был со мною рядом. Перед глазами поплыла мутная серая пелена, кое-где проколота разноцветными искрами. Я заметила два маленьких пульсирующих пятна метрах в ста от входа в ущелье — кажется, это горные духи, они вроде бы не опасны, если я правильно помню уроки его мудрости архимага Арыча. Больше я не увидела никого и ничего — ни следов чужой магии, ни затаившихся злых врагов. Я попыталась расширить «горизонт наблюдения», но это кончилось только тем, что серая завеса превратилась в подобие экрана телевизора с выдернутой антенной — сплошные помехи и никакого изображения.

— Ты ничего не видишь? — спросил Хрум.

— Ничего, — ответила я, не открывая глаз.

— Тогда, — в голосе рыцаря явственно прозвучала насмешка, — посмотри глазами.

Я поспешно открыла глаза и обмерла: прямо на нас летел огромный дракон.

Глава 18

— Я был зол на тебя — демонически зол. Я изгрыз когти на обеих передних лапах, — Костя посмотрел на пальцы своей левой руки (правой он держал бокал), — размышляя, как бы мне тебя прикончить, не нарушая при этом слова, данного мною королю Шумву-шаху.

Я невольно поёжилась, прикинув, какие кары выдумывал мне разъярённый дракон. И я его хорошо понимала: я бы на его месте ещё и не то бы придумала. И я до сих пор не могла поверить в реальность ситуации: мы — я, Хрум и дракон Кост-а-Лом в человеческом облики — сидим втроём на вершине скалы и мирно беседуем вместо того, чтобы поливать друг друга огнём.

...Дракон летел на нас со сверхзвуковой скоростью — как тот истребитель, который сбил над лесом вертолёт, когда мы с Серёгой удирали от погони в моём далёком прежнем мире, — а я не могла понять, почему де Ликатес стоит спокойно, не хватаясь за меч, и почему его рыцари не спешат встретить чудовище какой-нибудь антидраконьей магией. Я пыталась сама метнуть навстречу дракону что-нибудь вроде молнии, но в сознании у меня было пусто, словно я враз позабыла всё, чему меня учили. Единственное, что я смогла сделать — это спрятаться за спиной Хрума и прижаться к нему всем телом.

Дракон приземлился на край площадки и растопырил крылья, гася разбег. Герцог (и я вместе с ним) подался назад, уступая место крылатой зверюге, и сказал обалдевшей мне:

— Не бойся — он пришёл с миром. Он предупредил — мы поймали его мысль.

Повеяло жаром, словно где-то рядом распахнулись врата огненной преисподней. Там, где совершил посадку дракон, взметнулось светящееся облако, скрывшее крылатого ящера. А когда оно рассеялось, я увидела вместо дракона человека в чёрном облегающем одеянии и в алом плаще — моего бывшего мужа Костю. Слава всем богам Вселенной, что у меня здесь нет больше этих бывших — задолбало уже с ними встречаться.

Человекодракон сделал к нам несколько шагов и поднял вверх правую руку ладонью вперёд.

— Я пришёл с миром, — произнёс он официальным тоном.

— Я знаю, — спокойно ответил де Ликатес. — Что ты хочешь нам сказать?

Вместо ответа Костя деловито снял с плеча объёмистый типа рюкзак и извлёк оттуда пузатую бутылку тёмного стекла (на глаз литров пять, не меньше) и три серебряных бокала.

— Я угощаю, — сказал он радушно. — Присядем?

И мы уселись напротив друг друга. Скала была ощутимо тёплой — она вобрала в себя энергию, выделившуюся при превращении большей массы в меньшую (это мне Хрум потом уже объяснил). Дракон наполнил бокалы, и мы выпили — типа, со свиданьем. Бред какой-то, честное слово...

— Да, я был на тебя зол, — продолжал Кост-а-Лом, вновь наполняя бокалы, — очень зол. Я никогда прежде не встречался с такой подлостью и даже не предполагал, что на такое кто-то может быть способен.

Я поморщилась — он что, прилетел только для того, чтобы читать мне морали? Не фиг меня воспитывать, я уже большая. И вообще — что было, то прошло, а кто старое помянет...

— Когда я вернулся домой — после того, как мы разгромили тёмных, — я месяц пил и гонял своих жён; они прятались от меня по всем закоулкам моей пещеры. Я даже порывался спяну лететь в Камерон, чтобы с тобой расправиться, Алава. Хорошо, что Ослабелла...

— Алина, — вставил де Ликатес.

— Что? — не понял дракон.

— Мою жену зовут Алина, — пояснил герцог.

— Твою жену? — Костя явно удивился. — Я немного не в теме...

«Узнаю мой жаргончик, — подумала я, — цепкая у тебя память, Костенька».

Де Ликатес коротко ввёл его в курс дела. Дракон внимательно слушал.

— Я кое-что слышал о последних событиях, в том числе и о похищении тёмными какого-то ребёнка, — сказал он, выслушав рассказ герцога, — но так, краем уха, по маговизору. Я теперь редко покидаю свой горный замок, только в случае необходимости. Семейные дела, знаете ли...

— Семейные дела? — осмелилась я. — Это какие же? Очередной апгрейд твоего гарема, да?

— У меня больше нет гарема, — Кост-а-Лом широко улыбнулся, обнажая ровные белые зубы, а вспомнила его драконий оскал и снова зябко поёжилась.

— Надо полагать, изменить старинным привычкам тебя заставило что-то серьёзное? — спросил де Ликатес.

— Ещё бы! — улыбка дракона стала ещё шире. — Я стал отцом — Ослабелла родила мне дочь, и мы назвали её Кусей. Она ещё маленькая, и пока ещё не умеет сама перекидываться в драконицу, но у неё такие зубки! — Костя в умилении закатил глаза. — Она настоящая Куся!

Отпад — кто бы мог подумать? Ай да Ослабелла — добились таки своего!

— Когда я узнал, что Белла беременна, я сначала не поверил. А потом она сказала, что или я отпущу всех своих прочих жён, или она не будет рожать. И я, конечно, — дракон развёл руками, — выбрал первое. Пришлось полетать по всему Эххленду, возвращая жён откуда взял, и братья на меня наехали — мол, виданное ли дело, позор всему клану Ломов! — зато у меня теперь есть Куся.

— Поздравляю, — коротко уронил Хрум. — Но ты до сих пор так и не сказал, зачем ты к нам прилетел.

«Интересно, — думала я, искоса поглядывая на герцога, — о чём он думает? Ему ведь наверняка не очень приятно общаться с мужиком, с которым спала его жена, пусть даже не совсем добровольно. Ревнует, наверное, хотя по лицу не видно... Жаль, что я не умею читать мысли...».

— Я прилетел сказать «спасибо». Ей, — невозмутимо изрёк дракон, — твоей жене, — и объяснил, видя, что мы с Хрумом на пару ровным счётом ничего не понимаем:

— Дело в том, что Ослабелла убедила меня разогнать гарем не только поставив мне

жёсткое условие «или-или». «Ты видел, что за чудо-жену ты себе приволок, — сказала она. — Эта попаданка тебя едва не погубила — да и меня тоже. И если ты и впредь будешь столь же ненасытен в своих любовных связях, то в конце концов твой череп точно украсит площадь в каком-нибудь городе Эххленда. По теории вероятности ты рано или поздно напорешься на ту, которая тебя погубит, так что решай!». И я решил, и не жалею о своём решении. Так что я тебе благодарен, Алина, — спасибо тебе за то, что ты своим появлением круто изменила мою жизнь: к лучшему. Ну, за здоровье герцогини де Ликатес!

Человекодракон снова наполнил бокалы, и мы выпили за моё здоровье.

— Ладно, я полетел, — слегка заплетающимся языком проговорил Костя. — Ослабелла ждёт, и она терпеть не может, когда я прихожу домой поддатым.

Он пошёл к краю площадки, но вдруг обернулся.

— Я поблагодарил, и мы квиты, но я всё-таки перед тобой в долгу, землянка. И если у меня будет возможность, я верну тебе этот долг, Алина. Я счастлив, и я хочу, чтобы ты тоже была счастлива.

Вновь взметнулось светящееся облако, меня обдало холодом (сопутствующий эффект превращения меньшей массы в бо́льшую), и через минуту мы с Хрумом уже смотрели вслед улетающему дракону. Костя торопился домой — к жене и дочери.

* * *

Ущелье было мрачным. Оно было выкрашено всего в два цвета — в чёрный и серый, — и даже тишина здесь была какой-то тёмной и многообещающей: мол, погодите, сейчас я вам устрою! Узкая полоска неба над нашими головами казалась последним приветом перед тем, как крышка каменного гроба захлопнется, навеки отсекая нас от всех радостей жизни. И если разобраться, то ничего удивительного: через эти горы веками шли полки светлых и тёмных эххов, желая сделать из друг друга крошку, и камень Западных гор впитал в себя столько взаимной ненависти, что было непонятно, почему эти горы всё ещё стоят, а не рассыпались в мелкую пыль. Впереди высоченные стены ущелья — отвесные, хрен заберёшься, — смыкались, и я никак не могла избавиться от ощущения, что они вот-вот сомкнутся и здесь, и оставят от всего нашего войска мокрое место. Бр-р-р...

Но к Хруму со своими страхами я не приставала — герцог был напряжён, как тетива натянутого лука. Воздух вокруг нас подрагивал от чародейства: боевые маги прощупывали заклятьями каждое нагромождение камней, за которыми мог прятаться кто угодно, от серых гоблинов до призраков-убийц; в такой обстановке как-то не до разговоров. И я ехала молча, мечтая только об одном: скорее бы эта каменная кишка кончилась.

Надо сказать, что двигались мы хоть и со всеми предосторожностями, но быстро: дно ущелья было ровным, словно асфальтовое шоссе, иди и не спотыкайся. И поэтому я даже слегка удивилась, увидев за очередным поворотом каменный мост — неужели приехали?

Ущелье в этом месте разделялось надвое: основная трасса уходила налево, а направо шла типа тропа, ведущая к пропасти, через которую был перекинут мост. Именно перекинут — дальняя часть моста висела на толстенных цепях, тянувшихся к скалам на той стороне пропасти, и, судя по всему, могла подниматься на манер наших питерских разводных мостов. А за мостом стоял замок — замок горского князя д'Анакора Отданона.

Князь устроился нормально: его замок был не выстроен, а высечен целиком в теле огромной скалы, окружённой глубокой пропастью. Пропасть огибала скалу-замок кольцом — ров с водой полная чешуя по сравнению с такой преградой, — и попасть в замок можно было только через мост: другой дороги не было. Не надо быть крутым стратегом, чтобы понять: взять такую крепость, мягко говоря, непросто. Однако пытались — когда мы подъехали к мосту, я заметила на стенах и башнях замка потёки застывшей лавы: камень плавил магией, и в пропасть лились огненные струи. Но твердыня устояла, и по-прежнему следила за горной тропой чёрными глазами бойниц — вряд ли кто-нибудь мог пройти-проехать по ущелью без разрешения хозяина Замка-в-Скале.

Де Ликатес не стал трубить в рог, возвещая о нашем прибытии, — звуковые сигналы эххам заменяет прямой мыслеобмен. Беззвучный сигнал был услышан — разводной пролёт моста остался лежать на месте, а железные ворота замка медленно распахнулись. Копыта коней зацокали по каменной спине моста — князь не возражал против того, чтобы весь наш отряд вошёл в его крепость, а это значило, что он если и не союзник, то, во всяком случае, не враг.

Когда мы ступили на мост, на котором с трудом разъехались бы два грузовика, я старалась держаться его середины — дна пропасти видно не было, среди острых каменных клыков глубоко внизу клубилась какая-то серая хмарь, а перил строители моста почему-то не предусмотрели. К счастью, этот головокружительный аттракцион длился недолго — длина моста составляла метров сто, не больше, из которых примерно одна треть приходилась на подъёмную часть.

Во дворе замка нас встретили шеренги суровых воинов в броне. Сам князь в полном вооружении и в багряном плаще стоял на ступеньках, ведущих куда-то внутрь. Я хотела было сказать ему что-нибудь вроде «Привет, дядя!», но слова замерзли у меня на губах — от д'Анакора веяло каменным холодом, и я не могла понять, почему.

Отданон скользнул по мне равнодушным взглядом (ну ни хрена не понимаю, он мне дядя или где?), хотя приветствие герцога принял учтиво и тут же распорядился, чтобы все наши воины получили пищу и кров. Проследив за выполнением своего приказа, князь снова повернулся ко мне с Хрумом и пророкотал:

— Идёмте — будем говорить.

При этом он вроде бы обращался к нам обоим, но на меня не смотрел, и это мне не понравилось.

Поднявшись по каменным ступеням, мы оказались в просторном как бы зале, ярко освещённом многочисленными факелами, развешанными по стенам попеременно со щитами, мечами, копьями и прочим боевым железом. Посередине зала стоял длинный деревянный стол, уставленный блюдами, кувшинами и кубками; подле стола я увидела четыре кресла с высокими спинками. В одном из кресел сидела женщина в серебристо-чёрном — я узнала в ней Нивею-Хею-Кею, бывшую чёрную нимфу и нынешнюю жену князя. Больше в этом типа банкетном зале никого не было — ни слуг, ни воинов почётной охраны.

— Садитесь, — произнёс д'Анакор, опускаясь в скрипнувшее под его тяжестью кресло рядом со своей супругой и указывая на свободные места напротив. — Выпьем.

Соблюдая этикет, я пригубила кубок, но вкуса вина даже не ощутила — что-то было явно не так, я это чувствовала. И тогда я отставила недопитый бокал и выдала без обиняков:

— Пить будем потом. Я пришла к тебе за помощью... дядя.

— Говори, — холодно уронил князь.

И я рассказала ему всё, с самого начала — как я вернулась в Эххленд, и как похитили моего сына, и зачем это похищение понадобилось Вам-Кир-Дыку. По неподвижному лицу д'Анакора ничего нельзя было понять, но мне показалось, что он уже в курсе всего этого, и что слушает он меня только типа из вежливости, или... или из каких-то своих соображений.

— И вот я пришла к тебе, — закончила я и залпом допила свой кубок. — Потому что только ты можешь подсказать, как нам проникнуть на Полуночную сторону и добраться до Чёрного Владыки.

Князь промолчал. Он молчал долго — как мне показалось, целую вечность, — а потом чётко и размеренно проговорил:

— Я не могу тебе помочь. Твой кристалл рассыпался — ты предала тень Активии, моей племянницы, и ни один Отданон не обнажит меча ради тебя, землянка. Я всё сказал.

Глава 19

Лязг мечей затихал. Истошные крики тоже раздавались всё реже и реже — сражение явно подходило к концу. Воины де Ликатеса знали своё дело — вряд ли кому-нибудь из

орков удалось улизнуть, тем более что герцог перед атакой отдал приказ «Не брать пленных!». Но вот огненные языки над разгромленным лагерем тёмных поднимались всё выше, превращая ночь в день. Раздуваемый ветром, пожар разгорался, его было видно издалека, и поднятые по тревоге легионы Вам-Кир-Дыка наверняка уже торопились к точке прорыва. Не страшно — наши успеют отойти в горы; ни капитан Верт О'Прах, ни тем более Хрум не будут ждать, пока их зажмут в смертное кольцо. И нападения с воздуха можно не опасаться — горгульи и летучие гидры, насколько мне известно, ночью видят плохо, а к рассвету ликатесское конное войско всяко доберётся до горных ущелий, откуда уже рукой подать до Замка-в-Скале. Дело своё ребята сделали: в сторожевой цепи, растянутой Чёрным Владыкой вдоль границы Полночной стороны, появилась изрядная прореха. Вот в эту-то дыру я и нырну...

Я выбралась из кустов и прислушалась-принюхалась — всё тихо. Проверила всё своё снаряжение — вроде ничего не потеряла, — посмотрела ещё разок на пламя военного пожара, поправила капюшон и зашагала по вертлявой тропинке, еле различимой в ночной темноте.

Я шла на запад.

Точнее, уже не совсем я.

* * *

После слов д'Анакора я не то чтобы онемела — я была раздавлена. Я чувствовала себя так, как будто на меня скатилась каменная горная лавина, смяла, изломала и погребла под собой. Уж чего-чего, а такого я ну никак не ожидала! Дракон Костя, имевший все основания меня ненавидеть, и тот сменил гнев на милость, а мой дядя самых честных правил оказался заложником этих самых правил: для него кодекс чести горцев был превыше всего, хотя князь не мог не понимать, что речь идёт не просто о спасении одного ребёнка, но и о судьбе всего Эххленда, и не только Эххленда, но и других Миров.

Я молчала, не зная, что сказать — слов у меня не было. Де Ликатес стиснул рукоять меча, готовый ответить сталью оскорбителю своей жены, нисколько не заботясь о последствиях поединка между ним и хозяином Замка-в-Скале. Вот только поединок этот не имел никакого смысла: даже если Хрум изрежет д'Анакора на куски, это нам не поможет.

И я молчала, молчали и все остальные, и молчание это становилось безнадёжным.

И тогда заговорила Нивея-Хея-Кея.

— Мой супруг не может тебе помочь, Алина, даже если бы захотел — закон гор суров. Тебе помогу я.

Князь вскинулся, глаза его гневно сверкнули, однако Хея-Кея положила свою узкую ладонь на его мускулистую руку, гася вспышку гнева гордого Отданона, и продолжала:

— Я твоя жена, д'Анакор, но по крови я не прирождённая Отданон — я свободна от слепого следования древним законам клана. Нет, это не значит, что я могу ими пренебрегать — я всего лишь гибче в их исполнении. Тень княжны Активии покинула попаданку Алину, когда королева Алава переступила грань между честью и бесчестьем, да, это так. Но Алина искупила свою вину — тому доказательство её возвращение в Эххленд. А ребёнок Алины, похищенный слугами Чёрного Владыки, был зачат, когда в Алине ещё присутствовала тень твоей племянницы, князь д'Анакор, и поэтому этот мальчик — он твой внучатый племянник. Клан Отданонов живёт по закону «один за всех, и все за одного» — слушай голос крови. Ты не можешь сам помочь Алине, не спорю, но ты не можешь и помешать мне ей помочь. Я всё сказала.

Князь ещё какое-то время молчал. Потом его каменное лицо дрогнуло, он глубоко вздохнул, словно сбрасывая с плеч давящую тяжесть, протянул руку, взял кувшин с вином и наполнил все кубки.

— В твоих словах есть зерно истины, жена, — сказал он. — Мы слушаем.

Нет, что ни говорите, а за нами, женщинами, будущее. Мужчины рассуждают просто —

бац дубиной по маковке, и все дела, — и лишь изворотливый женский ум способен рождать нестандартные решения. Я слушала бывшую чёрную нимфу и тихо ею восторгалась — это ж надо такое придумать! Конечно, осуществить её план совсем непросто, но только такая затея и может привести к успеху.

— Алина пойдёт на Полночную сторону — одна. Одна, — повторила Нивея, заметив возражающий жест Хрума, — потому что никто из уроженцев Полуденной стороны не уйдет дальше верховьев Чёрной реки. Любого светлого эхха там вычислят сразу, по отблеску ауры, как ни маскируйся. А у неё, уроженки другого мира, шанс есть. В Алине, — она усмехнулась, — ещё достаточно тьмы: это плохо для Полуденной стороны, но хорошо для Полночной. Её примут за свою, особенно если я ей помогу. А я помогу — я сделаю из неё чёрную нимфу. Не дёргайся, рыцарь, — она не станет истинной чёрной нимфой, она на время станет её подобием — очень правдоподобным. И она сможет добраться до столицы и даже проникнуть во дворец Чёрного. А там...

— Я не отпущу её одну в логово Вам-Кир-Дыка, — глухо проговорил де Ликатес, — она там погибнет. Я пойду вместе с ней.

— Погибнет не она, а ты, — резко возразила Хея-Кея, — и вообще любой светлый эхх, оказавшийся в Сердце Тьмы. Мне известно, герцог ликатесский, что ты один из сильнейших боевых магов Эххленда, но всё твоё искусство — ничто перед объединённой мощью чёрных чародеев, когда они у себя дома. И ты не только погибнешь сам, но и погубишь свою жену, и не спасёшь её сына.

— Я не пушу её одну, — упрямо повторил Хрум. — Это безумие.

— Смири гордыню, рыцарь. В Тёмной Столице ты ничем не сможешь помочь своей жене — ты всё испортишь. Или для тебя невыносима мысль, — глаза Нивеи сузились, — что женщина может добиться чего-то сама, без помощи мужчины? Не волнуйся, для тебя и твоих воинов тоже найдётся дело — вы проложите Алине дорогу на Полночную сторону. Чёрный выставил пограничные заслоны — вы прорубите их своими мечами, и твоя жена змейкой скользнёт в темноту. Другого способа нет — или ты думаешь иначе?

На лице д'Анакора появилась тень улыбки — князь неплохо знал свою супругу. Хрум, накупившись, молчал.

— Послушай, муж мой, — ласково сказала я, добавив в голос чуток проникновенности. — Помнишь, как я сюда попала? В смысле, не в первый раз, а во второй? Ты же сам говорил: я совершила *поступок* — настоящий поступок: поступок, достойный воина! Значит, я на него способна, верно? Так зачем же ты хватаешь меня за руку, а? Княгиня Отданон права — ну нет у нас другого пути, сам подумай. Значит, я должна это сделать, потому что больше никому!

— Я бы сама взялась за это дело, — добавила уроженка Полночной стороны, — я ведь бывшая тёмная. Но Алина мать, и никто не может запретить ей спасать своего ребёнка. Она его найдёт, почувствует сердцем, — у меня это не получится. А твоё участие, славный воин, не ограничится только тем, что ты проложишь своей жене дорогу на Территорию Тьмы — ты поможешь ей вернуться. Как — я расскажу.

— Хорошо, — медленно произнёс де Ликатес, — я согласен.

И я увидела в его серых глазах тревогу за меня, перемешанную с бессилием что-либо изменить, — он ведь, умница моя, прекрасно всё понимал.

* * *

Мы пробыли в Замке-в-Скале три дня.

Де Ликатес не терял зря времени — он провёл глубокую разведку ближних участков Полночной Стороны (или Территории Тьмы, как её высокопарно называли тёмные эххи) и выбрал направление удара. Вам-Кир-Дык ещё не подтянул к Западным горам свои главные силы, ожидая, к какому именно участку границы направится форсирующая Поперечный лес армия Шумву-шаха, но пикеты и дозоры Чёрного уже всюду шустроли в предгорьях и даже

забирались в сами горы. Разведка герцога обнаружила укрепленный лагерь орков неподалёку от западного выхода из ущелья, по которому мы добрались до замка князя д'Анакора, — оно пронзало горный хребет насквозь. Лагерь служил базой сторожевым отрядам тёмных, и его разгром проделал бы нехилую дыру в их системе охраны границы. Временно, конечно, — четырьмя сотням ликатесских воинов не выстоять против своры всякой нечисти, которая тут же ринется со всех сторон к месту боя, — но этого времени должно было хватить.

А со мной работала Нивея-Хея-Кея — самозабвенно, словно охваченный вдохновением художник, создающий истинный шедевр. Бывшая чёрная нимфа оказалась сильной магессой, не слабее Ослабеллы, а кое в чём — и самой Окостенеллы. Не скажу, что трансформация в чёрную нимфу — пусть даже неглубокая — была очень приятной процедурой: меня колбасило от макушки до пят. Зато на третий день, когда я глянула на себя в зеркало, я испытала лёгкий шок: на меня смотрела настоящая женщина-вамп, змея в человеческом облике. Мои волосы стали чёрными (заметив, что это меня как бы расстроило, Нивея успокоила — мол, не бери в голову, по окончании действия чар опять станешь блондинкой), в зеленовато-серых глазах поселился убийственный холод, а движения сделались плавно-текущими, как у ползущей кобры. И ещё я почувствовала, как внутри меня концентрируется всё темное, что пряталось в глубине моей души — так глубоко, куда я никогда не забиралась. Мне так и хотелось сделать кому-нибудь какую-нибудь пакость, особенно какому-нибудь мужику.

— Превосходно! — сказала Хея-Кея, любуясь превращённой мной. — Вылитая чёрная нимфа! Выявить подделку сможет только сильный маг, и то если займётся этим специально.

— Спасибо, — поблагодарила я, не узнавая собственного голоса — в нём прорезались какие-то шипящие нотки.

Превращение не совершилось мгновенно, и пока я трансформировалась, Нивея-Хея-Кея занималась моим обучением: форма должна соответствовать содержанию. Я выучила несколько специфических заклятий из арсенала чёрных нимф, узнала об их нравах и прошла ликбез по географии Территории Тьмы — надо же знать, куда идти. Как выяснилось, Нивея, живя на самой границе, послеживала за всем происходящим на Полуночной стороне и была в курсе всех тёмных дел. Она рассказала, что Вам-Кир-Дык серьёзно озабочен проблемой наследника и в связи с этим доукомплектовывает своё гарем, что даёт мне шанс попасть в Сердце Тьмы на как бы законных основаниях — везёт мне с этими эххийскими конкурсами невест. В общем, схема дороги туда была более-менее ясной, но оставалась ещё дорога назад — только полный кретин мог надеяться, что мне удастся с ребёнком на руках пройти долгий обратный путь к Западным горам без всяких затруднений.

К счастью, в замке князя была древняя телепорт-башня. Её выстроили в незапамятные времена и не пользовались ею вот уже сотни лет. Башня эта не была связана с Камероном, Ликатесом и другими городами Полуденной стороны — со временем вектора сместились, а восстановить их было некому, — она была ориентирована на Полуночную сторону, а именно — на столицу тёмных эххов. Магическая проверка артефакта показала, что обе башни — и там, и тут, — вполне работоспособны, однако приёмник в столице Вам-Кир-Дыка был наглухо запечатан заклятьем. Мне нужно проникнуть в башню в Сердце Тьмы и мысленно позвать Хрума, а дальше — дело чародейной техники. Белых пятен в этом плане было выше крыши, но опять же — другого варианта у нас не было.

— Да, дело трудное, — сказала Нивея, — но я верю: всё у тебя получится. Это я тебе как мать говорю, — она запнулась, — ...будущая. Д'Анакор ещё не знает — не говори ему, ладно?

«Да, — подумала я, — женская солидарность — это сила!».

...Отсвет пожара за моей спиной померк — потушили, наверное, да и ушла я уже далеко от места ночного боя.

Небо бледнело — занимался рассвет.

Я шла на запад.

Глава 20

Утреннее солнце уже ощутимо припекало спину.

Вообще-то я представляла себе Полуночную Сторону немножко не такой — я думала, там кругом сплошной холод, мрак и уныние, и только мёртвые с косами стоят. Ан нет: небо здесь было вполне приличного голубого света, солнышко жёлтеньким, а по сторонам дороги, в которую превратилась тропинка, вместо покойников, держащих в костлявых руках ржавый сельскохозяйственный инвентарь, росла какая-то типа травка, и даже попадались деревца и кустики. Нельзя сказать, что окружавший меня пейзаж был очень живописным — знойное марево, пыль, низкие холмы, да шелестящая под ветром седая ковыль-травка, — однако ничем замогильным и не пахло, и если бы я не знала, что нахожусь на Территории Тьмы, то могла бы подумать, что это окрестности Ликатеса — степь как степь, ничего особенного.

Из погранзоны я выбралась благополучно — спасибо Хее-Кее, накачавшей меня перед выходом эликсирами, благодаря которым я как заведённая без устали шла всю ночь напролёт с реактивной скоростью. Следящая магия — я чувствовала лёгкое покалывание — не обратила на меня внимания: на то я и чёрная нимфа, чтобы бродить, где вздумается, от близлежащего Вампирвилля до Зомбибурга на Диком Западе, у Пустоши, и от южного Орк-Злей-Сити до северного Троллятауна. Под утро, правда, я чуть не напоролась на отряд огров, спешивших к границе, но вовремя учуяла их приближение, отползла и прикинулась ветошью (в прямом смысле слова — не очень пытливый взгляд не обнаружил бы ничего, кроме брошенной на траву рваной тряпки, в которую превратился мой плащ с капюшоном). Огры, шумно сопя и подымая своими лапищами тучи пыли, протопали мимо, а я ещё немного полежала и пошла дальше. Хорошо всё-таки, что я кое-что уже смыслю в магии — без этого бы кранты.

Куда мне идти, я знала. Нивея буквально вложила мне в мозги (под магией, понятное дело) всю необходимую информацию: я без особого напряжения могла зримо представить себе карту Полуночной стороны. Хороший, кстати, способ обучения — весь семестр можно со вкусом валять дурака, а перед сессией закачать в голову содержимое конспектов-учебников — и привет ректору! Но студент рискует разве что стипендией, а у отважной меня на карту было поставлено куда больше. И сейчас мне надо было выйти к Чёрной реке — она брала своё начало у отрогов Западных гор (для тёмных они были восточными) и пересекала почти всю страну. Вбирая в себя многочисленные притоки, Чёрная река текла на северо-запад, и по ней можно гораздо проще достичь Сердца Тьмы, столицы тёмных, чем по суше. И самое главное — в верховьях этой реки в большом количестве обитали чёрные нимфы: здесь находилось их основное гнездо — рассадник, так сказать. А встретиться с ними нужно было обязательно.

Если верить тому, что мне рассказывала Нивея (а эххи, как всем известно, не врут), прогулки в одиночку по Территории Тьмы малополезны для здоровья — тут своя специфика.

Во-первых, тёмные эххи — все без исключения — яркие индивидуалисты, и если даже не рассматривают любого встречного-поперечного в качестве потенциальной добычи, то уж во всяком случае непременно прикинут, что с него можно поиметь, и как. Радущия здесь не встретишь — тут каждый сам за себя, один Вам-Кир-Дык за всех. Причём власть Чёрного Владыки далеко не абсолютна: вожди орков, троллей и прочих гоблинов мнят себя сугубо самостоятельными властителями, живут по своим законам и затихают на время только после очередной трёпки, которую Вам-Кир-Дык периодически — типа по расписанию — задаёт своим подданным. А в свободное от его карающего внимания время подданные интенсивно дерутся между собой, теша свои порочные наклонности, присущие всем тёмным. И попасть в эту многостороннюю свару, не имея за спиной поддержки своего клана, — чревато.

Во-вторых, на Полуночной стороне неважно обстояло дело с экологией. Черномаги тысячами специализировались на разрушительных заклятиях, и в результате без малого треть Территории Тьмы — на западе, где был типа полигон для испытаний новых достижений в области боевой магии, — превратилась в безжизненную Пустошь, населённую

кошмарными тварями, порождениями магических новинок. Оттуда дули злые удушливые ветры; оттуда летели тучи всеядной саранчи и комаров-мутантов; там регулярно вспыхивали непонятные эпидемии, опустошавшие Полуночную сторону похлеще вторжения неприятеля. Дыхание Пустоши отравляло — в прямом и переносном смысле — тёмным эххам всю жизнь и отнюдь не способствовало (на генетическом уровне) развитию благостных черт характера. Поэтому тёмные путешествовали по своей стране только компаниями, где сородичи поддерживали друг друга, чтобы не протянуть ноги от заразы, — жизненная необходимость брала верх над врождённым эгоизмом.

В-третьих, наряду с постоянными разборками между вампирами, орками, троллями, призраками, ограми, ведьмами, колдунами и прочими разновидностями нечисти-нежити на Территории Тьмы пыльным цветом цвёл обыкновенный бандитизм — разбой был здесь таким же рядовым явлением, как в Питере осенний дождик. Шайки шныряли по всем дорогам, не боялись вступать в бой с военными отрядами и даже порой нападали на слабо укрепленные замки. Время от времени Вам-Кир-Дык проводил крупные облавы, пойманных уголовников казнили сотнями и тысячами; на какое-то время становилось потише, а потом всё начиналось сначала. Дикий Запад, или Зона Беспредела — полоса земли между Пустошью и более-менее благополучными центральными районами Полуночной стороны, — давала прибежище всем, без расовых предпочтений и ненужных вопросов о прошлом. И обитатели Зоны Беспредела жили в состоянии непрерывной войны всех со всеми, а когда уставали, то уходили на север, к ледникам, где замораживались и впадали в спячку на полгода. Отоспавшись и набравшись сил, отморозки (так называли вышедших из полугодового анабиоза) вновь принимались за старое.

Нельзя сказать, что в Сердце Тьмы на всё это смотрели сквозь пальцы и сидели сложа руки, однако принимаемые меры носили половинчатый характер. В столице терпели Зону Беспредела, потому что отморозки служили живым щитом между Пустошью и остальной частью Полуночной стороны, а заодно и пищей для тамошних чудовищ. А на самой Пустоши сдавали экзамены выпускники Высшего Магического Колледжа. Оценок не ставили: если новоявленный черномаг выживал в Пустоши неделю, значит, всё в порядке, а если нет — ну, на «нет» и суда нет. А главное — центральную власть в лице династии Кир-Дыков, похоже, устраивало такое положение дел: пусть лучше подданные режут друг друга, чем покушаются на трон. В случае большой войны Чёрный Владыка мигом натягивал узду, сколачивая из своей разношерстной шушеры грозное войско, а в дни как бы мира равнодушно взирал на грызню скорпионов в банке — пусть, мол, тешатся. Ну не верю я, что имея под рукой такое могучее средство как магия, нельзя было навести в стране порядок — в конце концов, на Полуденной стороне всё обстояло совсем по-другому. Но как бы там ни было, а с реалиями Полуночной стороны приходилось считаться, если я хотела добиться поставленной цели, и поэтому мне во что бы то ни стало надо было разыскать моих как бы сестёр.

В общем, Территория Тьмы в целом, судя по рассказам Нивеи-Хеи-Кеи, оправдывала своё мрачное название, так что первое впечатление, которое произвела на меня Полуночная сторона, было обманчивым, и очень скоро мне пришлось в этом убедиться.

* * *

Ну вот, наконец-то! Впереди блеснула узкая полоска воды. Дорога шла вдоль реки, и поэтому я свернула и решительно зашагала напрямик по пыльной траве — так короче. Ноги у бедной меня гудели — я отмахала миль тридцать, если не больше, и устала, несмотря на все допинги, заботливо приготовленные для меня княгиней Отданон. Кстати, о допингах — я нашарила один из поясных кармашков, вытащила оттуда миниатюрную склянку, взболтала, раскупорила и заглотила её содержимое. Во рту зашипало, однако вскоре я ощутила прилив бодрости — снадобье действовало. Но отдохнуть всё-таки надо, что мы и сделаем, как только доберёмся до берега реки. А заодно и поедим — давно пора.

Река встретила меня свежестью и тихим журчанием воды, облизывающей камни. Я с

истинным наслаждением умылась (пыли на меня осело килограмма три) и даже подумывала насчёт искупаться, но не решилась: в тылу врага не расслабляться! И потому я ограничилась минимальными водными процедурами, а затем, не снимая длинного, до пят, плаща, — будем следовать строгой моде чёрных нимф — уселась на бережку у самой воды, под раскидистой типа ивой (или вербой? Я и в земной-то ботанике не сильна, а уж в эххийской — тем более) и приступила к трапезе. Мой поздний завтрак, конечно, несколько отличался (в худшую сторону) от тех, к которым я уже успела привыкнуть, — хлеб, сыр, вода, и никаких тебе вин и разносолов, — но в походных условиях на большее я не претендовала. Вот встречу своих как бы сестёр, тогда и поем по-человечески, то есть по-чёрнонимфийски. Ноги мои продолжали гудеть; я скинула сапоги и с наслаждениями пошевелила босыми пальцами — как мало надо человеку для счастья! И, каюсь, я слегка разнежилась, и вышла из этого блаженного состояния только тогда, когда увидела на воде угловатую тень — кто-то стоял за моей спиной.

Я обернулась — не резко, стараясь не выглядеть испуганной (Нивея предупреждала: страх на Территории Тьмы притягивает всякую нечисть лучше магнита).

В нескольких шагах от меня стоял... Нет, стояли — просто они были так похожи, что мне показалось, в глазах двоится, — два бугая и разглядывали меня с нехорошим интересом. Ростом под два метра, снизу шаровары неопределённо-грязного цвета, сверху обнажены до пояса (мускулатура — закачаешься). Бритые — или лысые? — головы, квадратные подбородки, приплюснутые носы, маленькие глазки, из-под толстых вывороченных губ торчат кривые клыки. Кожа зелёная, но не такого цвета, как у иномирянки Бред'ды, жены Озаботтеса, а с мертвенным серым оттенком. Красавцы — отвернувшись не нагладишься. Орки, как пить дать. Классика, блин...

Они были похожи, как ксерокопии, только у одного на щеке была татуировка в виде разрезанного круга и двусторонний топор за поясом, а у другого — тату в виде пробитого стрелой треугольника и кривой зазубренный клинок. И оба смотрели на меня, как коты на сметану.

— Баба, — глубокомысленно пробурчал один (тот, что с топором).

— Баба, — согласился другой (немного подумав).

— Трахнем её, Хмык? — предложил топорник.

— Хм, — меченосец снова немного подумал. — Трахнем, Бурчал.

Зелёные образины вразвалочку двинулись ко мне, но я уже пришла в себя.

— Конечно, мальчики, — промурлыкала я, встала и гибким движением скинула плащ. — Ну, кто первый?

Орки остолбенели — шок называется.

На мне был чёрный костюм, облегающий тело как перчатка и украшенный спереди поперечными полосами шириной в ладонь. Шитые серебром, эти полосы шли одна за другой от шеи до пояса и напоминали живот змеи — национальный наряд чёрных нимф называется. И орки, судя по всему, очень хорошо знали, кто носит такой прикид.

— Чёрная нимфа... — прохрипел Бурчал.

— Чёрная нимфа... — эхом отозвался Хмык.

Если вы забыли, напомним: для чёрных нимф самый сладкий кайф — это прикончить мужика, по неосторожности попавшего в их сети. Способы бывают разными, но даже самый простой интимный контакт с нимфой грозит её партнёру летальным исходом. Относительно безопасно заниматься любовью с чёрной нимфой может только сильный маг, а эти двое явно не были такими магами — обычные дезертиры, решившие удрать от военных тягот в Зону Беспредела.

Орки попятились.

Я смотрела на них, прищурившись, и слегка покачивалась из стороны в сторону, как змея в охотничьей стойке.

— Трахать нельзя! — сообразил Хмык.

— Тогда прикончим гадину! — заорал Бурчал, брызжа слюной. — Чтоб это, неповадно

ей было в следующий раз!

Логика, конечно, железная — какой следующий раз может быть, если они меня убьют? — но дело приняло неприятный оборот. Я-то думала, что эти придурки, поняв, кто я такая, тут же бросятся наутёк, однако их оскорблённое мужское самолюбие проявилось в неожиданной форме. Медлить было нельзя; я быстро нашарила кармашек на поясе, выдернула очередную склянку, отщёлкнула ногтем крышку и взмахнула рукой.

Зеленокожих окутало розовое облако. Глаза у обоих орков выпучились, с губ потекла слюна, кожа побагровела от прилива крови, но падать и умирать в страшных судорогах они почему-то не собирались. И через секунду я поняла, в чём дело — облако было розовым, а не синим, как я ожидала.

Хея-Кея предупреждала, чтобы я без крайней необходимости не пускала в ход чары — по их светлой окраске черномаги, случись они поблизости, легко смогут меня расшифровать, — и рекомендовала для самообороны использовать её эликсиры. А я, дура такая, в спешке перепутала кармашки и прыснула на орков не «вечным сном», а «безумием любви» — этот состав чёрные нимфы применяют, когда хотят довести свою жертву до состояния полового бешенства.

Зрелище было явно не до слабонервных. Орки понимали, что секс со мной для них смертельно опасен, но тянулись ко мне, мечтая повалить, содрать одежду и отыметь, а там — будь что будет.

«Придётся резать» — подумала я, лихорадочно соображая, как бы мне поэкономнее (чтобы не засветить свою магию) расправиться с этими двумя глыбами плоти, одуревшей от похоти, и тут с поверхности воды метнулась стайка серебряных бликов. И я узнала заклятье — оно называлось «смерть-рыбка».

Хмык не дотянулся до меня совсем чуть-чуть. «Рыбки» хлестнули его по широкой груди, оборачиваясь всажёнными по рукоять ножами; орк захрипел и завалился навзничь, захлёбываясь тёмной кровью. Бурчал успел повернуться, и серебряные клинки утыкали его спину и задницу. А из воды с плеском появилась тёмная фигура, одетая точно так же, как я.

— Ты неосторожна, сестра, — проговорила нимфа. Её чёрные волосы густо пробила седина, лицо кое-где прорезали морщинки — моей «сестре» было уже немало лет. — Скажи спасибо, что мы оказались поблизости и заметили тебя — тебе повезло.

— Говорю «спасибо», — я учтиво поклонилась. — Я случайно выхватила не то зелье — я ещё молода, и если доживу до твоих лет, сестра, то не буду делать таких ошибок.

— Если ты будешь делать такие ошибки, — усмехнулась седая, — то до моих лет ты не доживёшь. Меня зовут Утопалла — я хозяйка клана нимф Чёрной реки. А как твоё имя?

— Аллина, — представилась я (Хея-Кея познакомила меня с фонетикой нимфийских имён).

— Аллина? — переспросила Утопалла. — Я тебя не знаю. Ты Вольная?

— Да. Иду с гор — там я искала встреч с Отданонами.

— Ты отчаянная, — уважительно проговорила хозяйка клана, внимательно глядя на меня. — Будь гостьей — здесь и сейчас не самое лучшее время для посиделок у воды. Владыка собирает войска у границы — будет война.

— А нам-то что до этого? — я пожала плечами. — Пусть воюет. У нас своя война.

— Ладно, потом поговорим, — подытожила Утопалла и обернулась к трём нимфам, по пояс высунувшимся из воды. — Заберите этого, — она показала на Бурчала, корчившегося на мокром песке, — он ещё жив. Пригодится для праздника. Уходим, сёстры.

Глава 21

Чёрные нимфы бывают разные.

Это странное племя обитает на всей Территории Тьмы и бродит по всей Полуночной стороне наподобие наших цыган, держась особняком и живя своей жизнью. Есть нимфы речные, есть лесные, есть горные (они же пещерные). Нимфы владеют собственной магией,

достаточно специфической, и сбиваются в кланы — обычно по среде обитания. Но они легко могут менять образ жизни — например, лесная нимфа без особых проблем проживёт в болоте или в озере, а горная быстро привыкает жить в лесу и чувствует себя там как дома. И есть ещё нимфы-Вольные, свободные охотницы на мужчин, живущие сами по себе и время от времени переходящие из клана в клан — именно такой нимфой была Нивея-Хея-Кея (и такой же нимфой она сделала меня).

По натуре своей чёрные нимфы одиночки и держатся сообща только для облегчения выживания — примерно так же ведут себя ведьмы и колдуны-отшельники. Чёрные Владыки неоднократно пытались вменить нимфам в обязанность службу в армии, но все эти попытки оказались тщетными — чёрные нимфы считаются невоеннообязанными и принимают участие в боевых действиях исключительно по собственному желанию, на добровольной основе.

Чёрные нимфы — убеждённые амазонки-феминистки, мужчину они не приемлют ни под каким видом, будь он хоть вампир, хоть дух бесплотный. Живут нимфы долго, как и все эххи, и пополняют свои ряды девочками всех тёмных (и не только) рас Эххленда. Чаще всего маленьких девочек они просто воруют, тщательно выбрав подходящую, но бывает и так, что матери сами приносят нимфам своих дочерей. Обычно это матери-одиночки, озлобленные на весь мужской род, — из их дочерей вырастают самые сильные нимфы-магессы. Как гласят предания Полуночной стороны, эти нимфы становятся мстительницами: они ищут по всему Эххленду своих отцов, находят их, соблазняют, убивают и приносят своим матерям головы непутёвых папаш (и иногда и другие органы, растущие у мужиков не между плеч, а между ног). Но вообще-то чёрные нимфы охотятся на всех мужчин — такое у них типа призвание.

Нивея рассказала мне свою историю (эту историю, кстати, я и взяла за основу своей легенды — кто я, и как я очутилась в верховья Чёрной реки). Хея-Кея охотилась в Западных горах и как-то раз подкараулила у горного ручья князя д'Анакора. Она прикинулась простой девушкой-гумкой, бежавшей из неволи, и поначалу довольно успешно затащила князя в свои сети. Однако д'Анакор вовремя раскусил подставу и пустил в ход магию. Нимфа и горец сцепились не на шутку (по словам Хеи-Кеи, на камнях у того ручья до сих пор остались следы их схватки), и в конце концов Отданон взял верх и пленил свою противницу. Нивея ждала, что он возьмёт её силой, а потом убьёт (или наоборот), но князь привёз пленницу в свой замок и не коснулся её до тех пор, пока... пока она сама не раскрылась ему навстречу. Чудеса случаются, но всё-таки редко — даже в Эххленде.

Да, чёрные нимфы бывают разные, однако всех их объединяет одно: все они злостные мужененавистницы, а история Нивеи-Хеи-Кеи — это всего лишь счастливое исключение из правил. Хотя *настоящая* любовь — это ведь тоже исключение из правил, верно?

* * *

Честно говоря, в воду я плюхнулась без особого удовольствия. Купаться-то я люблю, и трансформация в земноводную чёрную нимфу позволяла мне пробыть под водой долгое время без каких-либо неудобств, однако играть в лягушку мне как-то хотелось не очень.

К счастью, марафонский заплыв не состоялся — мы наискось пересекли реку и за её поворотом вылезли на берег довольно живописного песчаного острова, украшенного густой зелёной рощей. Пока мы плыли, нимфы то и дело беспокойно озирались, и я поняла, почему: за раненым орком — его волокли по поверхности, чтобы не захлебнулся раньше времени, — тянулся кровавый след. Я знала, кто водится в водах Чёрной реки, вполне разделяла тревогу моих «сестёр» и вздохнула с облегчением, когда мы выбрались на сушу, — местные водяные твари чуют кровь за милю.

Островок, отделённый от противоположного берега реки протокой, был миленький. Наше появление было встречено шумом-гамом — на типа пляж высыпало с полсотни нимф разного возраста, но в большинстве своём молодёжь: образ жизни мужеистребительниц не способствовал их долголетию — за ними тоже охотились, и участь нимфы, захваченной на

месте преступления, была незавидной, хотя в обычной жизни между чёрными нимфами и всеми прочими обитателями Полуночной стороны соблюдалось что-то вроде вооружённого нейтралитета. Чёрные нимфы, несмотря на свою внешнюю хрупкость, были опасны в бою, и поэтому с ними просто так, без повода, предпочитали не связываться. Вокруг брошенного на песок Бурчала островитянки ходили кругами, не сводя с него немигающих глаз, и мне даже стало жаль злополучного орка (хоть он и сам был во всем виноват — не фиг потому что).

— Эй, вы! — крикнула Утопалла, заметив, что её соплеменницы норовят учинить над пленником расправу без суда и следствия. — Он ещё нужен! Не трогать — я кому сказала?

Её тут же послушались — похоже, авторитет Утопаллы в клане был непререкаемым, — а она повернулась ко мне.

— Ты голодна — путь прошла неблизкий. Пойдём со мной — заодно и поговорим.

Предложенные мне в тростниковой хижине хозяйки клана жареная рыба и плоды (что-то вроде манго и кокосовых орехов) оказались вкусными — пищевые пристрастия нимф не сильно отличались от общеэххийских. Вином, правда, меня не угостили, ну да ладно, не будем соваться со своим меню в чужой ресторан — я и без вина поела с большим аппетитом.

Утопалла терпеливо ждала, пока я поём, хотя по её лицу было видно, что старушке страсть как хочется со мной поговорить — женское любопытство называется. И я не стала её мучить — поведала ей слегка адаптированную под меня историю Нивеи-Хеи-Кеи (без финала, само собой, — по моей версии моя охота была безрезультатной).

— А что ты намерена делать дальше? — спросила Утопалла, выслушав мой рассказ. — Снова пойдёшь в горы?

— Нет, — я покачала головой. — Я намерена отправиться в столицу — хочу стать женой Владыки. Я слышала, он ищет себе новых жён.

В змеиных глазах Утопаллы плеснуло восхищение.

— Ты хочешь попасть в постель к Чёрному? И ты надеешься его убить? Ты отважна, сестра, — очень отважна. Никому из нашего племени не удалось это сделать — Владыка до сих пор жив и здоров.

— Э-э-э... — пробормотала я. — А почему ты решила, что я хочу убить Вам-Кир-Дыка? Я просто хочу стать его женой...

— Просто женой? — Утопалла усмехнулась. — Не смей меня, сестра, — какая чёрная нимфа хочет забраться в постель к мужчине только для того, чтобы стать ему просто женой? Убить мужчину, с которым она делила брачное ложе, — это высшее наслаждение для любой чёрной нимфы! Хотя вы, Вольные, всегда были с придурью...

— Нет, — поспешно поправилась я, — я, конечно, не прочь прикончить Владыку (между прочим, это было чистой правдой), но для этого мне нужно сначала залезть к нему в койку, правильно? Ну, а там — как оно пойдёт-поедет-побежит...

— Ты задумала достойное злое дело, Аллина. Когда-то давно, — взор Утопаллы слегка затуманился, — когда я только прошла инициацию и ещё не убила своего первого мужчину, моя старшая сестра Утонулла — родная сестра — ушла этим путём. Она добралась до Сердца Тьмы и даже попала в гарем Чёрного Владыки, но...

— Она погибла?

— Да, — грустно ответила старая нимфа. — Её путь окончился в Пирамиде — я получила от Утонуллы прощальную весть.

О таинственной Пирамиде в столице Полуночной стороны я уже слышала от Нивеи, но сейчас я решила не развивать эту тему — успеется.

— Ты задумала достойное злое дело, сестра, — повторила Утопалла. — Убить Вам-Кир-Дыка — это мечта каждого тёмного эхха, и я помогу тебе попасть в Сердце Тьмы, чтобы ты отомстила за Утонуллу! Обещаешь?

Я только открыла рот, чтобы уверить Утопаллу в искренности своих намерений, но тут в дверь хижины просунулась темноволосая головка молоденькой нимфы.

— Всё готово, хозяйка, — почтительно доложила она. — Можно начинать.

— Идём, Аллина, — сказал старая нимфа. — Сегодня у нас праздник, а завтра с утра

мы тронемся в путь.

И я пошла за ней следом, на ходу мусоля мысль, вертевшуюся в моей голове: «Каждый тёмный эхх мечтает убить своего Владыку — да что же это за страна такая?».

* * *

О ритуале инициации чёрных нимф я, понятное дело, знала, — зря, что ли, Нивея со мной работала? — однако видеть эту процедуру мне, естественно, не доводилось. К чему идёт дело, я просекла сразу (давно я вам не напоминала, что я девочка умненькая, но, думаю, вы не забыли об этом факте моей биографии).

На опушке рощи был воздвигнут внушительных размеров шалаш, рядом с шалашом сидел орк Бурчал, поводя своей лысой башкой, — он был не связан, но явно под магией, — а вокруг в ожидании шоу столпилось всё нимфийское население речного острова — штук сто пятьдесят. Ждали только Утопаллу, и как только она появилась, взволнованный шум сразу стих.

Хозяйка клана величавой походкой проследовала в центр полукруга, образованного тихо перешёптывающимися чёрными нимфами (замыкал окружность песчаный берег реки), остановилась и торжественным жестом воздела вверх руки.

— Слушайте! — проговорила она шипяще-металлическим голосом. — Смотрите! День настал — сегодня на Территории Тьмы станет тремя чёрными нимфами больше! Алтарь, — она показала на шалаш, — готов, жертва, — рука Утопаллы указала на пленника, — тоже. Выйдите, юные!

Шеренга нимф дрогнула, зашевелилась, и из неё вытолкнули трёх девчонок — совсем ещё молоденьких, по виду лет пятнадцати, не больше, с едва сформировавшимися женскими округлостями. Одеты они были в лёгкие тёмные туники на голое тело — туники были почти прозрачными, и поэтому каждый мог легко убедиться в том, что под ними ничего больше нет. Бурчал заволновался — я видела, как его маленькие глазки налились кровью (хотя стояла я от орка метрах в пятнадцати).

А девочки подошли к Утопалле и потупили взоры, скромно наклонив головки, — ни дать ни взять примерные ученицы перед строгим учителем. Та придирчиво оглядела каждую, удовлетворённо кивнула и коротко, почти небрежно, бросила:

— Берите его!

Всё чернонимфийское сообщество радостно завизжало. Примерные ученицы исчезли — девчонки бросились на орка с быстротой атакующих змей. Да, техникой они владеют — не зря их тут учили...

А юные нимфы, казавшиеся по сравнению с могучим орком тростинками, упавшими на дубовый пенёк, одним рывком поставили Бурчала на ноги и поволокли его в шалаш. Орк шёл, утробно урча и с трудом переставляя ноги. Его едва затянувшиеся раны вскрылись, и орочья темная кровь хлестала во все стороны, пачкая туники и лица остервеневших девиц. Орк шёл на смерть; он сознавал это, и всё-таки шёл — я поняла, что его накачали «безумием любви» до самых бровей. Бурчал размахивал ручищами, жадно тиская гибкие тела юных нимф и разрывая их одежды, однако не делал никаких попыток вырваться, скорее наоборот. Орки вообще не слишком богаты умом, а этот, похоже, утратил последние остатки разума...

Живописная группа из четырёх тесно переплетённых тел ввалилась в шалаш, оставив у входа пятна крови и клочья разорванных туник, и вскоре оттуда донеслись сладострастные женские стоны. Шалаш затрясся — визг нимф-зрительниц дошёл до ультразвукового порога. Я отвернулась, старательно изображая равнодушие, — я ведь была как бы их соплеменницей.

Мне было не по себе, и к тому же меня с головы до ног захлестнула волна острого желания — если бы здесь был мой Хрум, я бы, наверно, с лёгкостью перекинула его через плечо и утащила вон в те кусты (и совсем не для того, чтобы потом прикончить). Да, вот это эротик-шоу — куда там нашим телевизионным халтурщикам. И нимфы-зрительницы

тоже явно впали в экстаз — прям группенсекс какой-то...

Мистерия продолжалась часа полтора, и всё это время чёрные нимфы стояли вокруг шалаша, сладострастно облизываясь и покачиваясь из стороны в сторону; некоторые ласкали друг друга. Наконец в полуразвалившемся шалаше всё стихло.

Из шалаша выбрались две девицы, абсолютно голые, всклокоченные и перемазанные кровью; глаза их сыто блестели.

— Орк ещё жив, — сообщила одна из них, змеиным движением облизывая губы, — но он скоро умрёт, хозяйка. Мы высосали из него всю его мужскую силу.

А затем на свет божий вылезла и третья неофитка, но в отличие от первых двух, эта чуть не плакала.

— Мне не доста-а-а-лось... — заныла она, бросая злобные взгляды на сытых подруг. — Они со мной не поделились, а потом этот орк стал уже ни на что не годен. А-а-а-а!

— Да, — глубокомысленно изрекла Утопалла, — это моя ошибка. Надо было его хоть немного подлечить и подкормить, а потом уже... Жаль, конечно, но что поделаешь. Вы двое можете надеть «змеиную кожу» — теперь вы полноправные чёрные нимфы.

— А как же я-я-а-а? — заскулила обделённая.

— А тебя мы подарим Хозяину Реки, — холодно проговорила хозяйка клана. — Завтра мы отправляемся в долгий путь к Сердцу Тьмы — пусть Хозяин будет к нам благосклонен. Ты сама виновата — надо было бороться за свою долю, а не ждать объедков.

Неудачница вздрогнула и застыла на месте, испуганно озираясь, словно Хозяин был уже рядом с ней.

«Хозяин Реки, — подумала я, — слышали мы про эту местную Несси». Мне было жаль несчастную девчонку, хотя какое мне до неё дело? Мне надо попасть в столицу Полночной стороны, и всё, что может помочь мне спасти моего сына, есть благо — разве не так? И всё-таки мне было жаль эту совсем ещё молоденькую эххийку, и меня вдруг осенило.

— Послушай, почтенная Утопалла, а зачем тебе отдавать Хозяину Реки сестру?

— Как это зачем? — удивилась та. — Разве тебе неизвестен его нрав? Мы собираемся плыть — плыть, а не идти по земле! Или тебе уже не надо в столицу?

— Это всё мне известно, сестра, — я постаралась, чтобы мой голос звучал равнодушно и в то же время убедительно, — но зачем губить соплеменницу, когда у нас есть ещё живой орк? Я знаю, что Хозяин должен вместе с жертвой получить и толику магии чёрных нимф, но разве мало нашей магии вошло в этого орка во время инициации? Не разумнее ли отдать его — он ведь на вкус Хозяина будет ничуть не хуже, — чем лишать клан будущей нимфы?

— А ты не только отчаянна и отважна — ты ещё и умна, Аллина. Хорошо, что ты не речная нимфа, а Вольная — я бы видела в тебе очень опасную соперницу. — Утопалла дробно рассмеялась, но глаза её остались по-змеиному холодными. — Что ж, будь потвоему, сестра.

По приказу Утопаллы бесчувственного орка — от его штанов остались одни лохмотья — подтащили к самой кромке воды. Все чёрные нимфы (и я вместе с ними) подались назад, под деревья, а хозяйка клана снова подняла руки и запела. Её низкий вибрирующий голос давил на виски и далеко разносился над притихшей рекой. Пела она недолго — метрах в ста от острова вздулся водяной бугор, лопнул и показалась громадная жабы голова; щелевидная пасть распахнулась, открывая длинные игольчатые зубы.

— Хозяин Реки, — нараспев произнесла Утопалла, отступая от уреза воды, — возьми сладкую еду, которую мы для тебя припасли, и помоги нам в нашей дороге по твоей реке!

Гигантская жаба издала утробный звук и одним рывком одолела расстояние до берега острова. Из пасти выскочил длинный липкий язык, подцепил Бурчала и с лёгкостью поднял в воздух грузное орочье тело. Мелькнули растопыренные голые ноги, и пасть захлопнулась со звуком упавшей крышки великанского чемодана.

— Ква-а-а-ур-р-р-р... — разнеслось над рекой. Хозяин принял жертву, поблагодарил и исчез — только невысокая волна плеснула о песчаный берег. Меня передёрнуло, хотя я изо всех сил старалась не подавать виду, что весь этот театр меня хоть как-то колышет. Нет, на

Полуденной стороне всё-таки уютнее, как ни крути...

— Спасибо, сестра, — услышала я дрожащий голосок. Рядом со мной стояла та самая не прошедшая по конкурсу (голая, так и не оделась) и преданно смотрела на меня. — Моё имя Уснулла, и я...

— Не за что, — холодно ответила я. — Ты нужна клану, Уснулла, а этот орк — он всего лишь кусок мяса. Иди, оденься — простудишься.

«Можно подводить предварительные итоги, — подумала я, провожая взглядом юную нимфу. — Завтра я поплыву в столицу, а главное — меня не раскусили и приняли за свою. Нивея-Хея-Кея старалась не зря — классная работа».

Глава 22

Чёрная река производила впечатление. Широкая — местами почти как наша Нева в центре города — и полноводная, река катилась на северо-запад ровно и мощно, не обращая внимания на то, что творилось на её берегах. И реке не было никакого дела до маленькой скорлупки нашей ладьи, усевшейся к ней на спину, — на Полночной стороне вообще никому нет ни до кого никакого дела.

Мы плыли быстро — нас несло течением, а мы только подгребали вёслами (с добавкой магии, ясное дело). Мы — это двадцать чёрных нимф, считая меня и Утопаллу, на удобной и ходкой деревянной ладье с изогнутым носом, украшенной головой змеи. Точнее, нас было двадцать одна: Уснулла слёзно умоляла Утопаллу взять её с собой — мол, пройду инициацию в походных условиях, много мужиков бегают по берегам реки, кого-нибудь да поймаю, — и таки уговорила.

Мужиков по берегам Чёрной реки бегало действительно много, и все они были весьма малоприятными личностями — тёмные эххи, что с них возьмёшь. На третий день пути на нас напали — из густых камышовых зарослей вылетело несколько длинных лодок навроде пирог, битком набитых истошно орущими головорезами, и устремилось к нам; одноглазый тролль, сидевший на головном каноэ, орал громче всех и потрясал устрашающего вида шипастой дубиной. Но драка не состоялась: чёрные нимфы встретили атакующих «смерть-рыбками», и после того, как с десятков отморозков, включая тролля-главаря, свалились в воду, утыканные серебряными ножами, остальные поспешно ретировались, быстро поняв, кто мы такие есть. К величайшему огорчению кроткой Уснуллы, пленных взять не удалось — инициация бедной девочки снова откладывалась.

Но в целом наше плавание протекало мирно. В связи с угрозой войны на Территории Тьмы была объявлена общая мобилизация, и отряды боевых призраков, «чёрных кобольдов» и зомби по всей Полночной стороне подчистую выметали банды отморозков, формируя из них штрафные батальоны, которым предстояло первыми идти под заклятья светлых магов. И местечковые типа властители тоже притихли, уразумев, что по законам военного времени и с ними никто церемониться не будет. Тем не менее, Вам-Кир-Дык не отменил дополнительный набор в свой гарем (об этом мы узнали по пути), и потому наше плавание продолжалось.

Всё вроде бы шло по плану, но мне было тошно. И страшно, не буду врать. Я уже получила кое-какое представление о тёмных нравах — реальное, а не по чьим-то рассказам, — и это представление отнюдь не способствовало оптимизму. Да, мне удалось войти в доверие и как бы вписаться в коллектив чёрных нимф, но что дальше? Ведь там, впереди, могучие черномаги и сам Вам-Кир-Дык — удастся ли их обмануть? И где мне искать моего Сашеньку в этом огромном гадюшнике, именуемом Территорией Тьмы, и как вырвать его из цепких лап Чёрного Владыки? Я ведь одна, совершенно одна, и глупо уповать на то, что те жалкие крохи магических знаний и умений, которыми я располагаю, помогут мне одолеть хотя бы самого слабого из чёрных чародеев. Мне было очень страшно и очень хотелось уткнуться в плечо Хруму и выплакаться. Но мой рыцарь был далеко, очень далеко, а Полночная сторона слезам не верит...

На пятый день пути (по расчётам Утопаллы, мы должны были достичь Сердца Тьмы дней за десять — гораздо раньше, чем если бы шли по берегу, ведь мы плыли по течению, и днём и ночью, без остановок) хозяйка клана заметно помрачнела.

— В чём дело, сестра? — спросила я, заметив, что старая нимфа всё чаще посматривает вперёд с озабоченным видом. — Что, опять какая-нибудь засада?

— Хуже, — сумрачно ответила Утопалла. — Впереди Ведьмины Зубы, и я не знаю, как мы их пройдем. С Обгрызлой шутки плохи...

Обгрызла, значит, — так-так, припоминаю, в который раз скажем спасибо Нивее-Хее-Кее. Персонаж колоритный: древесная ведьма преклонного (причём по эххийским меркам) возраста с большим стажем и мерзким (даже по меркам Полночной стороны) характером. В своё время (лет четыреста назад) жила в лесах в окрестностях Вампирвилля, где и вышла замуж за некоего кровососа по имени Пью (подробностей его деяний история не сохранила). Затерроризировала муженька бесконечными скандалами, довела его до алкоголизма, а потом отравила чесночной похлёбкой (подсунула ему роковую миску, когда вампир пребывал в состоянии тяжёлого похмелья). Спасаясь от мести сородичей безвинно убиенного, бегала по всей Территории Тьмы, находя радость в бесконечных склоках на каждом новом месте жительства (со всеми, кто попадался ей под руку). Не меньше ста лет она провела в Зоне Беспредела, где прославилась предельно распутным поведением (заслужить на Полночной стороне репутацию развратницы — это надо очень постараться). Была неоднократно бита до полусмерти, однако выжила (живучесть ведьм общеизвестна) и в конце концов, устав, осела на берегу Чёрной реки. На тамошнее уютное местечко зарились многие, но хитрая ведьма сумела убедить Вам-Кир-Дыка, что никто не сможет лучше неё фильтровать всех плывущих в столицу, и заручилась его поддержкой. Несмотря на благосклонность Владыки к Обгрызле, соседи не раз пытались её подвинуть — уж больно лакомый кусок она отхватила. Обгрызла огрызалась, а когда ей не хватало силёнок, прибегала к своей испытанной методе: ссорила своих врагов между собой и тихо посмеивалась, наблюдая, как вчерашние союзники мечом и магией выясняют отношения, напроць при этом позабыв, с чего, собственно, всё началось. Можно ещё добавить, что с годами стержневой характер склочной древесной ведьмы только ухудшился (хотя считалось, что хуже уже некуда), и тогда беспокойство Утопаллы станет понятным — перспектива встречи с вышеописанной милой дамой вгонит в дрожь даже зомби, хотя эти создания по определению лишены каких-либо эмоций. Но другого пути по воде не было.

Ведьмины Зубы показались вскоре после полудня. Река здесь сужалась до нескольких десятков метров, а впереди — и того меньше. Течение стало более быстрым, под веслами вскипали бурунчики — мы уже не столько гребли, сколько тормозили. А потом я увидела два высоченных серых утёса-близнеца, вздымавшихся по обоим берегам, — местный Гибралтар называется. Так вот вы какие, Ведьмины Зубы...

Течение всё убыстрялось, и я вопросительно посмотрела на Утопаллу — может, рванём да и проскочим сходу?

В ответ на мой немой вопрос старая нимфа только покачала головой.

— Здесь не то что ладя — рыба не проскочит. Сама увидишь, Аллина.

— К берегу! — донёсся до нас каркающий голос от подножия левого Ведьминого Зуба, — да поживей, пловцы-молодцы! А не то...

«А что «не то»? — подумала я. — Неужели эти Зубы могут сходиться, как эти, Сцилла с Харибдой? Нивея вроде бы ни о чём таком не говорила...».

Впереди залязгало. Утёсы остались на месте, но между ними из воды поднялась цепь, усаженная железными треугольниками остриями вниз — каждый треугольник был размером с рыцарский щит, только толще. Зубастая цепь быстро поднялась над водой метра на три, а затем резко провисла. Вода забурлила — из волн навстречу падающим вниз остриям вылезли точно такие же встречные железные клыки. Раздался грохочущий лязг.

Стремнина перекрывалась гигантским капканом — цепи, управляемые невидимым механизмом (а может, магией), расходились и вновь смыкались наподобие оскаленной пасти, и проскочить через эту разрезалку пополам не было никакой возможности. С берега долетел злорадный хохот.

— К берегу, — скомандовала Утопалла, сумрачно поглядывая на грохочущие цепи.

Когда мы подгребли к прибрежной отмели, там уже собралась целая компания: орки, гумы, парочка огров, разномастные ведьмы, длиннобородый колдун с крючковатым посохом и даже призрак, безмолвно паривший над самой водой. А впереди всех стояла мерзкого вида старушенция в каких-то лохмотьях — надо думать, Обгрызла собственной персоной.

— Куда вас, к демонам, несёт? — проскрипела эта элегантно одетая особа.

— В столицу, почтенная Обгрызла, — вежливо ответила Утопалла.

«Ага, — подумала я, — значит, я не ошиблась: это чучело и есть знаменитая Обгрызла. А здороваться тут у них, наверно, не принято?».

— А за каким хреном? — не отставала дотошная ведьма.

— Владыка набирает жён, — сдержанно пояснила хозяйка клана («Можно подумать, эта пародия на женщину об этом не знает!» — подумала я).

— Нечего делать! — заверещала Обгрызла, потрясая сухонькими ручонками. — Не пушу — вы, нимфы, вечно переходите дорогу честным женщинам! Я посылала к Владыке и внучку, и правнучку — всё бестолку! И всё из-за вас, твари! Пусть лучше моя праправнучка попадёт на ложе Вам-Кир-Дыка, чем там снова окажется кто-то из вас! Нет вам тут дороги! Идите пешком, вокруг — явитесь как раз к разбору колпаков! — и ведьма жизнерадостно захохотала.

— Мы здесь не при чём, — обиженно пробормотала Утопалла скорее для меня, чем для старой склочницы, впавшей в экстаз очередной ссоры. — Она так достала всех соседей, что те просто не пропускали её дочек-внучек в Сердце Тьмы...

«Нет, так не пойдет, — я лихорадочно размышляла. — Идти вокруг, да ещё пешком — это же застрелиться! Тут на каждом шагу жди ножа в спину — легче выходить из окружения (как выходят из окружения, я знала по рассказам моего дедушки), а про потерю времени я уже и не говорю... Но эта старая мымра окончательно съехала с катушек — она нас ни за что не пропустит, по принципу «у меня на сердце радость, я соседу сделал гадость». Драться с ней? Ага, драться — вон их здесь сколько собралось, всякой твари по паре... А если мы и победим, в чём я сильно сомневаюсь, как потом остановить клацающие вставные челюсти поперёк реки? Блин, что же делать?».

И тут до меня дошёл смысл последних слов моей «сестры», и меня осенило.

— Послушай, достопочтенная Обгрызла, а ты пропустишь нас, если я, чёрная нимфа Аллина, дам тебе слово, что мы возьмём с собой твою прапрапра и доставим её во дворец Владыки в целости (тьфу, чуть не сказала «целкости» — моего типа юмора тут явно бы не поняли) и сохранности, и что мы не только сами не причиним твоей прапра никакого вреда, но будем её защищать от каждого, кто на неё покусится? Это тебя устроит?

Древесная ведьма подавилась собственным хохотом и вытаращила свои бельмастые глазёнки. По рядам её воинства прошёл изумлённый ропот, а призрак задёргался и чуть не шлёпнулся в воду, сгустившись от удивления до более плотного состояния.

— Ты... дашь мне... такое слово? — еле выговорила Обгрызла, кое-как справившись с приступом кашля.

Вношу необходимое пояснение. Эххи не врут — это общеизвестно, и тёмные эххи в этом смысле ничем не отличаются от эххов светлых. Да, тёмные подличают, злодействуют, строят козни и пакостят, но не врут в глаза. Они могут уклониться от ответа на заданный вопрос, промолчать, но если эхх — любой! — дал слово, он его сдержит (эту простую истину довёл до моего сведения ещё чёрный глюк у Водопада Слёз). Поэтому на Территории Тьмы никогда не клянутся в дружбе или верности сюзерену — если заветное слово не произнесено, никто не запрещает любому верноподданному точить нож на своего Владыку и при удобном случае пустить этот нож в дело. И потому для нечистиков Обгрызлы (да и для чёрных нимф)

моё заявление прозвучало громом среди ясного неба.

— Да, — повторила я, — я даю такое слово.

...Когда зловещие утёсы остались позади, ко мне подошла Утопалла.

— Не понимаю я тебя, Аллина, — негромко проговорила она, косясь на молоденькую ведьму, свернувшуюся клубочком на корме нашей ладьи (ведьмочка оказалась симпатичной девчонкой, её портили только острые крысиные зубки и злые глазки). — Зачем ты связалась с этим ведьминым отродьем? Ведь она тебе к тому же ещё и конкурентка!

— По агентурным данным, — безмятежно ответила я, — у Вам-Кир-Дыка широкое ложе, там всем хватит места. И мы вроде бы успешно плывём дальше, разве не так?

— Да, — вздохнула старая нимфа, — вы, Вольные, точно с придурью...

Глава 23

Город Фолт был форпостом столицы Полуночной стороны или, по-нашему говоря, городом-спутником. Здесь сходилась множество дорог со всех концов страны, и отсюда к Сердцу Тьмы вдоль берега Чёрной реки вело основательное типа шоссе, мощенное камнем, — как бы автомагистраль (хотя автомашин во всём Эххленде, ясен пень, и в помине не было). По реке до столицы можно было доплыть за полсуток — Утопалла решила сделать остановку в Фолте, чтобы передохнуть перед заключительным этапом нашего трудного тёмного пути, а заодно привести в надлежащий товарный вид любимую меня. Вам-Кир-Дык был хоть и многожёнцем, однако многожёнцем разборчивым и знающим толк в женской красоте — мне надо было обратить на себя его внимание и понравиться Чёрному Владыке. К тому же этот перекрёсток всех дорог, то есть город Фолт, служил при столице чем-то вроде контрольно-пропускного пункта, и с учётом общей обстановки (война на носу — враг у границ) нам, учитывая важность моей миссии, не стоило пренебрегать требованиями режима и пытаться пролезть нелегально (а то как бы чего не вышло).

Наша ладья пришвартовалась в гавани Фолта, когда солнце уже начало понемногу клониться к закату. Утопалла хотела продолжить путь ночью (чёрные нимфы отлично видят в темноте) с тем, чтобы к утру достичь цели нашего путешествия, а до ночи рассчитывала отдохнуть и отметиться у местных властей.

В порту было многолюдно (то есть многоэххно), и мои как бы «сёстры» уже начали плотоядно поглядывать на снующих по причалам плечистых орков и стройных вампиров — естество чёрных нимф брало своё, — но Утопалла решительно пресекла эти поползновения.

— Никакой охоты, — заявила она, — я налагаю запрет! На обратном пути — пожалуйста, а сейчас — ни-ни! На дело идём, ясно? А кто нарушит — пусть пеняет на себя: вы меня знаете.

Судя по всему, нимфы хорошо знали свою предводительницу и повиновались, хотя и с явным сожалением и разочарованием.

Наведя порядок, Утопалла предложила мне прогуляться на берег, чтобы заявить кому положено о нашем приплывтии — власти наверняка об этом уже знали, однако не спешили порадовать нас своим появлением. Ладно, сами к ним явимся, мы эххи не гордые, — как там говорят насчёт горы и Магомета? — тем более что к главе местной администрации не стоило относиться с пренебрежением.

Городом и его окрестностями правил мессир де Фолт, и поскольку он являлся весьма заметной личностью, сведения о нём, естественно, имелись в файлах моей памяти.

Родился он в Зомбибурге, и был вроде бы гумом. С детства интересовался феноменом зомби (вероятно, под влиянием специфики родного края) и потому, после того, как на юношу бледного обратили внимание черномаги, будущий мессир окончил Высший Магический Колледж по кафедре некромантии. Во время преддипломной недельной практики в Пустоши потерял ногу, столкнувшись с ядовитым пилохвостом, однако сумел прикончить монстра и даже отрастить себе новую конечность взамен откушенной. В результате молодой некромант получил диплом с отличием и распределение на тёпленькое местечко в городе Фолте, то есть

практически в столице. Здесь тёмный чародей развил бурную научную деятельность, изучая возможности продления срока службы боевых зомби — все прежние образцы относительно быстро приходили в негодность из-за истощения запасов маны, поскольку сами ожившие мертвецы ману не генерировали. И мессире удалось найти решение: ману зомбям передавали типа погонщики — живые эххи. Мало кого из тёмных эххов прельщала роль пастуха живых трупов, однако хитроумный маг и тут нашёл выход: погонщиками становились наркоманы, пристрастившиеся к дрян-траве, растущей на Пустоши. Их уже практически ничего не интересовало, и поэтому эти нарики равнодушно отдавали свою ману зомби, довольствуясь жалкими крохами и, конечно, дрян-травой, которую они курили почти постоянно.

Изыскания мессира имели важное военное значение и были оценены по достоинству: он стал лордом Даркнесс (это что-то вроде магистра тёмных наук), а затем и бароном де Фолт. Как мессире удалось свалить своего предшественника — дело тёмное (впрочем, на Полночной стороне других дел и не бывает), но с тех пор вот уже сотню лет он сидел тут плотно. Вам-Кир-Дык ему доверял (в той мере, в какой один чёрный эхх может доверять другому), и даже не возражал, когда лорд Даркнесс наладил устойчивый наркотрафик из Зоны Беспредела, превращая сотни и сотни эххов в наркоманов-погонщиков. Добавим, что мессир был настоящим черномагом — это вам не ведьма Обгрызла с её самостоятельностью, — и я побаивалась встречи с ним. Но делать было нечего — авось пронесёт.

На берег мы пошли вчетвером. Обгрызлины прапрапра — «огрызок Обгрызлы», как «ласково» называли её чёрные нимфы, — ни под каким видом не соглашалась остаться на борту ладьи в обществе моих «сестрёнок» в моё отсутствие, а четвёртой за нами увязалась Уснулла: после жертвоприношения на острове несостоявшаяся нимфа ходила за мной по пятам. Памятуя данное мною слово, я не могла бросить ведьмину внучку, а присутствие Уснуллы грело: приятно, блин, когда кто-то смотрит на тебе с немым обожанием.

Здание как бы таможи издали напоминало полуразвалившуюся саклю (вблизи оно тоже выглядело не лучше). Зайдя внутрь, мы обнаружили там единственного служащего: в пустой комнате с глиняным полом за дощатым столом сидел унылого вида вампир, грустно вертевший в руках гранёный стакан с остатками засохшей крови; на его длинной морде лица лежала печать тотальной разочарованности во всех и вся. Увидев нас, служитель несколько оживился, но тут же снова сник, поняв, что с чёрных нимф ему вряд ли что-либо обрыбится.

Тяжело вздохнув, чиновник-крововос выудил из-под стола толстенную ветхую книгу, сдул с неё пыль (пыли было много) и достал какую-то типа писалку (что-то вроде нашей древней перьевой ручки). Найдя в книге нужную страницу, вампир выслушал Утопаллу, коротко сообщившую, кто мы, что и зачем, и уже приготовился сделать запись, как вдруг лицо его волшебным образом переменялось: с него мигом слетело выражение «у меня болят все зубы, а тут ещё вы!». Чиновник склонил голову набок, словно к чему-то прислушиваясь, подтянулся, как будто получил команду «Смирно!», и прошелестел:

— Вас хочет видеть его тёмность. Идите, вас там уже ждут.

«Там», то есть на улице, нас действительно уже ждали четверо зомби. В том, что это именно они, сомнений даже не возникало: источаемый ими типа аромат довёл бы землянку Алину до тошноты, и даже нимфа Аллина испытала острое желание зажать нос. Но делать нечего — мы послушно пошли следом за косолапо переступающими живыми трупами. Стоит добавить, что по военному времени лорд Даркнесс, вдобавок ко всем его прочим титулам, стал кем-то вроде губернатора края с неограниченными полномочиями (об этом мы узнали ещё на причале), и поэтому пренебрегать его приглашением не стоило ни в коем разе.

Город Фолт был невелик — посёлок по сравнению с тем же Ликатесом, — и шли мы недолго. По дороге я усиленно вертела головой по сторонам: во-первых, чтобы меньше нюхать наших смердящих конвойных, а во-вторых, мне было интересно — всё-таки первый населённый пункт Полночной стороны.

Да, это не Ликатес — это гораздо хуже. Дома здесь выглядели так, словно в них во всех разом был начат капитальный ремонт, да так и не окончен; население Фолта, судя по

прохожим, в основном составляли зомби разной степени гнилости — Нью-Зомбибург какой-то. Попадались и прочие, но в явном меньшинстве, причём почти все представители этого меньшинства пребывали под перманентным кайфом — это было видно невооружённым глазом, без всякой магии. В общем, наркопритон на разупокоенном кладбище — весёленькое местечко, ничего не скажешь.

Дворец наркобарона был, наверно, единственным зданием Фолта, находившимся в более-менее приличном состоянии. Его выстроили в виде стилизованного черепа (вероятно, по прихоти владельца): глазницами служили два огромных круглых окна с тонированными стёклами, из распахнутого рта торчал серый ступенчатый язык — типа входная лестница, — а от ноздрей черепа, завершая ансамбль парадного подъезда, выступал вперёд как бы козырёк. Общие размеры черепообразного домика не впечатляли — новорусские коттеджи куда круче.

Зомби замерли перед входом. Из оскаленной пасти черепа вылезло бледное существо неопределённой расовой принадлежности — то ли гум-калека, то ли колдун, пострадавший от неосторожного обращения с собственными заклинаниями, то ли помесь орка с вурдалаком. Мутант сделал нам приглашающий жест и прошепелявил:

— Его тёмность изволит вас принять — идите за мной.

Пройдя через полутёмный типа холл — темноту в нём рассеивало только гнилостно-зеленоватое свечение стен, оригинальные световые обои называется, — мы оказались в зале более просторном и гораздо лучше освещённом: здесь на стенах висели магические голубые факелы. В центре зала, на возвышении (и почему цари-короли всех калибров так любят сидеть на возвышениях?), в мягком кресле с белыми черепами на подлокотниках восседал в традиционно чёрных одеждах (а вы как думали?) мессир де Фолт, он же лорд Даркнесс, он же... впрочем, неважно. Кроме самого очень бледнолицего черномага, в зале присутствовало ещё несколько типов в чёрном, но кто они такие, я так и не разобрала.

Утопалла почтительно поклонилась (мы тоже).

— Хозяйка клана нимф верховьев Чёрной реки приветствует достопочтенного лорда и просит его милостивого соизволения разрешить нам следовать в Сердце Тьмы, — витиевато выдала старая нимфа. — Мы спешим туда, дабы усладить взор Чёрного Владыки созерцанием прелестей дочерей реки — может быть, он снизойдёт до выбора одной из нас себе в жёны.

— Может, и снизойдёт, — безразлично отозвался барон, небрежно кивнув в ответ. — Но только если я разрешу вам плыть дальше — это вы понимаете?

— Понимаем, ваша тёмность, — смиренно ответила Утопалла.

А я ничего не понимала в упор — что нужно от нас этой бледной поганке в чёрном?

— Времена настали тяжёлые, — продолжал между тем мессир. — Армии врагов грозят вторгнуться в наши пределы, и тайные враги крадутся тут и там, лелея коварные замыслы. Я поставлен здесь оберегать Владыку, и я не могу пропустить к нему никого без тщательной магической проверки.

— Такая проверка, ваша тёмность, — Утопалла осмелилась возразить, — займёт не один день — мы опоздаем на смотрины!

— Опоздаете, — согласился барон, — а как же!

«Да что же ему надо, в конце-то концов? — думала я. — Чего ради он играет с нами в кошки-мышки? Тоже мне, Обгрызла-два называется... А может, он это, взятку вымогает? Но какую? Золото-брильянты в Эххленде не в цене, никакого крутого магического артефакта у нас не имеется... Блин, что же ему предложить?». И тут де Фолт приоткрыл карты.

— Брачные игры, — вкрадчиво произнёс он, — радуют сердце любого живущего. А я вот, после того как моя супруга почилла безвременно, лишён этой радости — разве что так, от случая к случаю... Всё дела, дела, заботы государственной важности...

«Ах ты, сукин сын! — догадалась я. — Так вот что тебе от нас надо! Ну ты и козёл...». Я припомнила, что мессир одно время был женат на эмигрантке с Полуденной стороны — кажется, её звали Осатанеллой, — а потом бывшая светлая эххийка умерла (обстоятельства

её смерти, ясен пень, остались тайной, покрытой мраком).

Утопалла тоже всё поняла.

— Вы желаете, ваша тёмность, чтобы одна из нас стала вашей женой? — спросила она напрямик.

— Я ещё не сошёл с ума, — дипломированный некромант издал хрюкающий звук, который при известном воображении можно было принять за подобие смеха, — чтобы класть себе в постель водяную змею! Мне ведомы повадки вашего племени, достойная... Утопалла, правильно?

— Тогда, — не растерялась хозяйка клана, — мы можем отдать вам вот эту молодую ведьму, — она указала на «огрызок Обгрызлы», — с ней вы не побоитесь разделить брачное ложе?

— Я ничего не боюсь! — заносчиво начал барон, но тут вмешалась честная я.

— Мы не можем её отдать — я дала слово, что доставлю её во дворец Владыки!

— Дала слово? — водянистые глаза некроманта остановились на мне, и взгляд их был странен. — Удивительное дело...

— Ты что, передумала? — раздражённо воскликнула Утопалла. — Ты уже не хочешь в столицу и не хочешь стать женой Владыки? Так нельзя, Вольная, — это недостойно! Мы все отправились с тобой, а ты...

Прапрапра сжалась в комок, глядя на меня умоляюще, но тут подала голос Уснулла.

— Я согласна стать вашей женой, ваша тёмность. Я ещё не прошла инициацию — я ещё не настоящая чёрная нимфа, и вы без опаски сможете делить со мной ложе.

— Не настоящая? — переспросил наркобарон, изучая Уснуллу анатомическим взглядом (это который не только раздевает, но и потрошит). — Посмотрим... (вокруг нимфы заплясали голубые искорки). — Хм, и верно... Что ж, это меняет дело — на водяную змею без ядовитых клыков я согласен, — он кивнул Утопалле и снова посмотрел на меня. — Не беспокойся за данное тобой слово... Аллина, правильно? — древесные ведьмы не в моём вкусе. — И барон снова типа рассмеялся.

— Я тоже согласна, — проговорила Утопалла после короткой паузы.

— Вот и прекрасно, — подытожил мессир, — на том и порешим.

...Из череподома правителя Фолта мы ушли втроём — Уснулла осталась.

«Бедная девочка, — думала я. — Нехорошо получилось... Но с другой стороны — мне надо добраться до Сердца Тьмы, ведь там мой сын! А Уснулла — во-первых, она вернула мне долг, а во-вторых — ещё неизвестно, как сложится её жизнь: вспомним хотя бы капитана Верта с его пленницей-степнячкой, не говоря уже о тётушке Нивее и дядюшке д'Анакоре. А в-третьих — на Территории Тьмы не станет одной чёрной нимфой больше, разве это плохо?».

Погружённая в свои размышления, я не обратила внимания на очень странный взгляд, которым проводил меня лорд Даркнесс, — у меня перед глазами стояла прощальная улыбка маленькой Уснуллы...

Глава 24

Столица Полуночной стороны встретила нас мелким морозящим дождиком — Сердце Тьмы слезоточило. В туманной дымке, обильно размоченной моросью, громадные башни и прочие здания города казались сонмищем призраков, бредущих неведомо куда в серой мгле. На дождь как таковой чёрным нимфам (и мне в нимфийской ипостаси) было как-то плевать, однако общий антураж наводил уныние — это вам не залитый ликующим солнцем Камерон.

Десятерым нимфам, несмотря на их робкие возражения, Утопалла велела остаться на борту ладьи — столица столицей, но мелькавшие на берегу вороватые рожи местных жителей не внушали доверия многоопытной хозяйке клана. Ведьмина внучка заметно приободрилась, хотя не отставала от меня ни на шаг — после Фолта она прониклась ко мне доверием (хотя понятия «тёмная эххйика» и «доверие» — вещи малосовместимые).

Прапрапра вырядилась на смотрины в лучших традициях своего племени: волосы дыбом (причёска «электрошок» называется), мордашка изуродована боевой раскраской «ирокезы на тропе войны», длинная юбка располосована от талии до пят (первый встреченный на причале тролль остолбенел при виде стройных ножек и смуглых бедёр «огрызка Обгрызлы», мелькавших из-за под этой её разрезной занавески), кофточка... гхм, промолчим (я не ханжа, но это уже явно сексуальная провокация). Не знаю, какое впечатление она произведёт на Владыку, но если стражники не изнасилуют эту очень раскованную девицу прямо на проходной, то ей просто повезёт.

Сама я не увлекалась макияжем и выбором наряда — «змеиная кожа» чёрной нимфы меня вполне устраивала. В конце концов, я пришла сюда не покорять сердце Вам-Кир-Дыка, а за своим сыном. Я уже пыталась поискать Сашеньку (мысленно, есть такой магический метод), но он не отозвался. И всё-таки я была уверена: Шепоток здесь, значит, я его найду.

Вопреки моим опасениям, городские ворота мы прошли без проблем: взятку никто не вымогал, а мрачные «чёрные кобольды» (каждый из них держал по две секиры, а в третьей руке — широкий щит, прикрывавший всё тело) не обратили на внучкин прикид «возьми меня немедленно» ни малейшего внимания — вероятно, и не такое видали. Был там ещё черномаг, но тот только скользнул по нашей делегации скучающим взглядом и отвернулся.

Дождь кончился, заспанное солнце помаленьку распихивало туман и остатки мороси, и столица Полуночной стороны соизволила принять нас в свои холодные объятья. Несмотря на ранний час, её улицы уже кишели темной нелюдью — эххи вообще встают рано, привычка у них такая. Поначалу я ещё пыталась их классифицировать — это гум, это вампир, это хрен знает кто, — однако вскоре бросила это занятие: оно оказалось таким же бессмысленным, как попытка сортировать по маркам машины на Невском. Я даже удивилась — война вроде, а у них тут столько народу в тылу ошивается, — но потом сообразила: всегда и везде найдётся куча разных ушлых-дошлых, которые непременно отыщут очень уважительную причину не идти на фронт. Тёмноэххийские вельможи в этом смысле наверняка не были исключением, а если учесть, что каждый из них имел свою челядь, то становится понятным, откуда тут такая толпа.

Город, конечно, немаленький — куда там Ликатесу, — но архитектура странная: у них тут в моде стиль «одинокая башня», иногда вытягивающаяся вверх до размеров небоскрёба. Дома-башни не стояли вплотную: они отделялись друг от друга свободным пространством и высокими заборами (иногда типа решётчатыми) с непременными копейными наконечниками поверху — острыми, хоть сейчас в бой, — и внушительного вида коваными воротами, явно рассчитанными выдержать удар тарана. Окна домов были узкими — обыкновенные бойницы, и ничего больше. Короче, воплощённый тезис «мой дом — моя крепость»: не дома, а какие-то оборонительные сооружения — от соседа здесь не ждут ничего, кроме пакости. Ну да, если принять во внимание нравы и обычаи тёмных эххов, то не только копьями забор утыкаешь, но ещё и ток к нему подключишь — взаимная подозрительность эгоистов называется. Нет, не хотела бы я тут жить — ни за какие коврижки.

Хотя, в общем, город как город. Необычный — ну так на Земле те же арабские селения на европейский глаз выглядят необычно, а тут всё-таки причудливый магический мир со своими фишками. И честно говоря, не скажешь, что это типа «Обитель Зла»: замогильная символика здесь не в большом фаворе, и чёрный цвет отнюдь не доминирует: кровли серых башен были и синими, и красными, и золотыми, и скалящиеся черепа на фасадах встречались редко, разве что на жилищах магов-некромантов (это мне объяснила Утопалла). И зомби я не видела — они ведь скорее боевые роботы, чем полноправные жители Территории Тьмы (чего им зря жечь ману, шастая по улицам, — вонять, что ли?).

И всё-таки я чувствовала: это Сердце Тьмы, столица тёмных эххов, и ни чистота улиц, ни даже зелень деревьев (было здесь и такое) меня не обманывали. И дело было вовсе не в облике всех этих орков и прочих — молодые вампиры, скажу вам по секрету, смотрятся очень даже ничего, — а в душной атмосфере города. Не в прямом смысле слова — дышалось-то тут нормально, — а в переносном (или, если хотите, в магическом).

Сердце Тьмы окутывало незримое, но осязаемое облако зависти, жадности, подлости и злобы, и я его ощущала. Оно, это облако, вползало мне в ноздри, липло к волосам и даже шептало мне на ухо какие-то гнусности. Эмоции, как и мысли, материальны — их можно попробовать на вкус (если, конечно, ты хоть чуть-чуть владеешь магией, а я владела — пусть даже чуть-чуть). Я вспомнила тёплую и открытую ауру Ликатеса, и только теперь поняла, что основное отличие тёмных эххов от светлых вовсе не том, что вторые с искренним удовольствием создают, а первые с неменьшим удовольствием разрушают, а в том, что за мысли крутятся у них в головах, какие чувства они испытывают, и как они относятся — даже не к тем, кого считают врагами, а к своим же собственным сородичам. Чистый и свежий (без всякого автомобильного смога), воздух Сердца Тьмы был пересыщен негативом — той самой тонкоматериальной субстанцией, которую Вам-Кир-Дык с помощью Шепотка намеревался качать сюда из одного далёкого параллельного Мира, известного эххам как Третья планета системы Жёлтой звезды, а нам, людям, — как планета Земля. Или наоборот: Чёрный мог отступить, оставив весь Эххленд победителям с Полуденной стороны, и начать всё сначала на Земле, обрушив на мой родной мир весь чудовищный заряд негатива, скопившегося за тысячи лет на Территории Тьмы.

И я поняла, что должна любой ценой вырвать моего сына из лап Владыки не только потому, что он мой сын.

* * *

Дворец Вам-Кир-Дыка открылся внезапно. Всякий раз за очередным перекрёстком я видела всё те же ряды серых домов, сменявших друг друга, и думала, что идти ещё далеко, как вдруг шеренги башен разомкнулись перед центральной площадью, посередине которой и высился дворец. Хотя сказать «высился» было бы не совсем верно: здание, несмотря на свою высоту, производило впечатление чего-то приземистого, придавленного к земле. Обиталище Чёрного Владыки походило на исполинских размеров антрацитово-чёрную (других цветов у неё не было) многоножку, приползшую откуда-то из-за омывавшего весь Эххленд океана, из-за тех самых Загадочных Вод, откуда ещё никто не возвращался. Эта тварь ползла через всю страну, устала и прилегла на брюхо на центральной площади столицы, а её многочисленные ноги окопали громадное округлое тело глубоким рвом и окаменели, превратившись в ряды массивных колонн, окружавших дворец со всех сторон; шерсть на глянцево блестящей спине обернулась остроконечными башенками-шпилями. Заняв добрую половину площади, чёрная тварь замерла, но не заснула — она зорко следила за всеми своими владениями десятками круглых глаз-окон, окольцевавших голову-купол, отделённую от здания-тела кружевным воротником широкого каменного балкона. Многоножка высунула из тёмного прожорливого рта длинный язык подъёмного моста, перекинутого через ров: смотрелось это неприятно, но именно туда мне и надо было идти. А ещё я заметила среди шпилей на спине-крыше дворца башню очень знакомых очертаний, и сердце у меня ёкнуло: это была телепорт-башня — такая же, как в Камероне, Ликатесе или в Замке-в-Скале. Попасть туда наверняка непросто, но это башня здесь есть, а это уже немало.

Нимфы, до сего времени поглядывавшие на всё с гордым безразличием, сразу как-то сникли, а ведьмина внучка так и норовила ко мне прижаться. А мне и самой было не по себе: дворец Владыки излучал давящую злую силу.

— Идём, сёстры, — негромко сказала Утопалла, преодолев краткое замешательство, и мы вступили на площадь.

На площади былолюдно (тьфу, то есть эххно). К языкастому входу во дворец со всех сторон тянулись стайки женских фигур — попасть в гарем Владыки мечтали многие тёмные эххийки, несмотря на более чем вероятный печальный конец такого рода карьеры: как известно, Вам-Кир-Дык имел обыкновение скармливать своих провинившихся или просто надоевших жён летучим гидрам. Впрочем, у нас на всякие там конкурсы красоты девчонки тоже летят как мухи на мёд, хотя знают, чем это может кончиться.

Когда мы пересекали площадь, Утопалла тронула меня за плечо.

— Смотри, Аллина, — сказал она, — вот она, Пирамида.

Сложенная из чёрного камня Пирамида была не выше дворца Владыки и стояла с ним рядом, поэтому она не сразу бросалась в глаза. Но когда я её увидела, я чуть не задыхнулась: поток зла, излучаемый многоножкой дворца, казался тонкой струйкой по сравнению со злой мощью Пирамиды — из неё тёмная энергия изливалась лавиной.

— Там убивают, — тихо проговорила старая нимфа. — Туда ушли многие — тысячи и тысячи, десятки тысяч. Чёрный Бог Хаоса ненасытен — он постоянно требует жертв.

От Хеи-Кеи я кое-что знала об этом зловещем чирье на ровном месте, но многое было мне непонятно, и прежде всего — культ Бога Хаоса. Эххи, насколько я успела заметить, не слишком религиозны: нет у них (во всяком случае, на Полуденной стороне) ни официальных святилищ, ни служителей культа типа жрецов. У них есть вера в Творца Вселенной, но вера эта внутренняя, не требующая пышных церемоний и ритуальных обрядов — внешне эта вера не бросается в глаза. Это как если человек знает, что завтра взойдёт солнце — не будет же он молиться по этому поводу, да ещё публично. Есть у светлых эххов общины подвижников — типа отрешившихся от всего мирского, — но это не религия в чистом виде. А культ Чёрного Бога напоминал какие-то древние языческие верования землян (я не теолог, понятное дело, но кое-что знаю о финикийском Ваале или о мексиканском Уицилопочтли).

— И давно это здесь творится? — спросила я.

— Точно не знаю, — Утопалла пожала плечами, — но не меньше ста лет.

Всего сто лет? Странно... Сто лет — это не срок для такого древнего народа, как эххи. Получается, что это новая вера, родившаяся совсем недавно, особенно по меркам эххов — они ведь живут сотни лет. Странно — очень странно...

— Никто не знает точно, что происходит внутри Пирамиды, — добавила хозяйка клана. — Известно только, что её построил великий маг Чернодыр. Это его детище, и он творит там свои таинственные обряды.

Чернодыр? Ну, к этому дяденьке у меня особый счёт. Это ведь он в кошачьем облике гонялся за мной ещё на Земле, и он же, как сказал Хрум, организовал похищение Шепотка. «Встречу — обязательно оторву ему голову» — подумала я, хотя прекрасно понимала, что при встрече с этим черномагом всё будет с точностью до наоборот: не я ему оторву голову, а он мне свернёт шею как цыплёнку. Но можно хотя бы помечтать, верно?

Не дойдя до моста с полсотни шагов, Утопалла остановилась.

— Мы пришли, — сказала она просто и буднично. — Дальше ты пойдёшь одна, Аллина. Вы пойдёте, — она бросила взгляд на нахохлившуюся прапрапра. — Прощай, сестра, — удачи тебе в твоём деле!

— Прощай, Утопалла, — ответила я немного севшим голосом.

Хозяйка клана повернулась и пошла прочь, за ней двинулись остальные нимфы. Мои «сёстры» шли через площадь гибкой змеиной походкой чёрных нимф, не оборачиваясь, а я вдруг сообразила, что не сказала им всем «спасибо» за то, что они помогли мне добраться до Сердца Тьмы. Да, среди тёмных не принято благодарить (а я хорошо вошла в роль темной эххийки, истинной чёрной нимфы), но мне было как-то неловко: ведь Утопалла пожелала мне удачи, даже не подозревая, в чём именно состоит моё дело, — пожелала просто так, от души.

Глава 25

Перед мостом-языком уже образовалась небольшая очередь: дефицита в желающих добиться ласк Владыки не наблюдалось, а «чёрные кобольды» пропускали претенденток по одной. За мостом соискательниц ждали черномаги, осуществлявшие типа магический фейс-контроль. Их было шестеро, и смотрели они девушек не только глазами, но и чарами. «Вот оно, — подумала я, холодея. — Ну, Алинка, держись...».

Очередь двигалась быстро — трёхрукые вахтёры работали в темпе. Ведьмина внучка,

следовавшая за мной собачонкой, только жалобно пискнула, когда кобольд властным жестом отлепил её от меня. Я шагнула на мост, повторяя про себя: «Я чёрная нимфа, я чёрная нимфа, я чёрная нимфа...».

Меня окатила волна магии — я почувствовала её всеми нервами. Ощущение мерзкое, доложу я вам: словно стоишь голая на сцене в ярком свете прожекторов, а тебя в это время разглядывает тысячная толпа зрителей. Сканирование длилось целую вечность — я уже ждала сковывающего заклятья или холодного лезвия меча, приставленного к моей шее, но вместо этого услышала бесстрастное:

— Проходи, нимфа.

Ещё не веря в удачу, я сделала несколько шагов вперёд. «Пасть многоножки» — дверь во дворец — как-то не располагала к ответному тёплому чувству, и я шла медленно, сиюсь унять бешено стучащее сердце. Возле самого входа меня торопливой рысцой догнала прапра, и хотя она мне была, по большому счёту, никто и звать никак, появление ведьминой внучки обрадовало — вдвоём всё-таки веселее.

Провожатых не наблюдалось, и я немного задёргалась — как бы не заплутать, — но всё оказалось очень просто: перед нами открылся единственный длинный коридор, освещённый голубыми магическими факелами. Коридор вёл куда-то вправо, и свернуть было некуда: все попадавшиеся по пути двери были закрыты, и возле них на страже стояли всё те же угрюмые «чёрные кобольды» в полном вооружении. Понятно — его тёмному величеству и нафиг не надо, чтобы его любознательные как бы невесты безнадзорно шарахались по всему дворцу.

Короче, мы не заблудились: коридор вскоре окончился просторным залом — кастинг-холл называется. Я осмотрелась.

Народу — тьма-тьмушая (штук пятьсот, если не больше). Весь цветник всех тёмных эххийских рас — букет цветущих прерий называется. Кого тут только не было: молоденькие орчанки в типа халатах, наброшенных поверх бикини; ведьмы (древесные, горные, снежные и прочие) в экзотических нарядах (как очень скоро выяснилось, прикид «огрызка Обгрызлы» был ещё не самым экстравагантным — теперь понятно, почему охранники у ворот не впали в экстаз при виде ведьминой внучки); аристократически бледные вампирессы в чёрном (что, кстати, зачастую действует на мужиков куда круче, чем обнажёнка); дочки-внучки колдунов, одетые кто во что горазд (лишь бы выделиться из толпы), но с непременными магическими побрякушками на запястьях и на шее; гумки — эти или косили под других тёмных эххийек, или, наоборот, изображали из себя чуть ли не монашескую невинность. Хотя нет, кое-кого тут всё же не было — например, тролльчих или огрих (Вам-Кир-Дык, похоже, всё-таки был в какой-то степени эххом с нормальной ориентацией и не страдал абсолютной всеядностью в отношении женщин). Не заметила я и других нимф — кажется, я была здесь единственной представительницей этого роду-племени. Это вообще-то плюс — так я буду заметнее.

Интерьер зала был прост и предельно функционален: голые стены с факелами, пол типа линолеум, одна дверь (вход, он же выход), окон нет, стульев тоже — народ стоит стоя. Только напротив двери, на как бы подиуме, я заметила четыре кресла, причём занятых — там сидели четыре сумрачных типа. Они чем-то напоминали почтенных архимагов Шумвушаха, только те были белыми, а эти — чёрными. Эти мрачные личности сидели неподвижно, с каменными мордами, и смотрели в зал так, словно там никого не было.

— Хм, — подумала я вслух, — и когда же начнётся концерт?

— Ещё не все собрались, — затараторила прапрапра, радуясь возможности пообщаться с неприступной мной (помнит, зараза, кому и чем обязана). — Вот когда все соберутся, тогда и начнут. Осмотрят всех, кто сюда попал, даже не сомневайся.

— А ты откуда знаешь? — я немного удивилась. — Ты же вроде здесь никогда не была?

— А мне бабушка говорила, — охотно пояснила ведьмочка, опуская многочисленные пра-пра-пра, — она бывала при дворе Владыки и видела праздники невест, и не один раз. А потом она рассказывала мне, и даже показывала — видениями.

— Угу, — я кивнула, — значит, ты в курсе. И надолго всё это затянется? А то неплохо

бы и поесть — после завтрака прошло уже часа три, не меньше.

— Да по-разному — когда как. Но к полудню Владыка обычно уже делает свой выбор.

— А он сам-то здесь будет?

— Опосредованно, — ведьмина внучка заговорщицки подмигнула, — в виде копии. Он раньше присутствовал во плоти, пока как-то раз какая-то сумасшедшая гумка не метнула в него зачарованный нож. Вот с тех пор...

— Круто! — восхитилась я. — Брачные игры для настоящих мужчин — с риском для жизни. Послушай, словоохотливая, раз ты такая знающая, тогда скажи: а кто эти мальчики в креслах? Типа жюри, да?

— Это не мальчики, — девчонка посмотрела на меня с испугом и даже перешла на шёпот, — это лучшие маги Владыки: Черномор, Чернолес, Черногор, Чернодыр. Они...

— Стоп! Чернодыр — это который из них?

— Вон тот, — ведьмочка дёрнула остреньким подбородком, — крайний справа.

Я пригляделась. Зрение у меня хорошее, света в зале хватало, и стояли мы недалеко, так что я смогла разглядеть Чернодыра довольно подробно. Коротко говоря, это был Кощей Бессмертный, только не пенсионного возраста, как в русских сказках, а в расцвете сил. «Так вот ты каков, вражина, — подумала я, заметив на бледной щеке мага длинный свежий рубец, — жаль, что Хрум тебя не замочил. Хотя отточку он тебе оставил — клюв у вороны тоже был острым. погоди, гад, мы ещё с тобой сочтёмся...».

Мои мстительные размышления прервал густой тягучий звук, похожий на звук гонга.

— Начинается... — шепнула ведьмина внучка.

* * *

На стене над головами сидевших истуканами черномагов появилось бледно-голубое свечение. Затем свечение неспешно сползло в световое пятно, пятно сгустилось и приняло форму человеческой фигуры. Ещё немного — и перед восхищёнными взорами претенденток на стене во всей красе проявился их потенциальный жених: Вам-Кир-Дык, Чёрный Владыка, повелитель и потрясатель, и прочая, и прочая. Точнее, это была его очень точная фантомная копия, неотличимая от оригинала, и к тому же неуязвимая для зачарованных ножей, стрел и тому подобных острых предметов, вредных для телесного здоровья. Дубликат сполз по стене вниз, отделился от неё, подошёл к краю сцены и встал там в непринуждённой позе, скрестив руки на груди. По кастинг-холлу пронёсся восторженный вздох.

«Интересно, — подумала я, — а на брачное ложе он тоже пошлёт свою копию? Так сказать, из соображений безопасности: а вдруг какая-нибудь психопатка надумает ткнуть молодого мужа отравленной шпилькой? Да, трудно быть королём на Территории Тьмы...».

Впрочем, на данном этапе для соискательниц места в гареме было вполне достаточно и ксерокопии Владыки — типа его рекламного проспекта. Товар видите? Видим. Устраивает? Если устраивает, поехали дальше, а кто разочарован — выход вон там. Похоже на Интернет-знакомство, кстати, — там ведь тоже начинают с предъявления фото. Но в Интернете можно и лохануться, а тут всё чин-чинарём — ведь эххи (даже тёмные) не врут.

Разочарованных не было. Во-первых, подавляющее большинство присутствовавших в зале эххiek были загодя согласны даже на чёрного ракопаука в шерсти (желательно только мужского пола) вместо сухощавого темноволосого мужчины средних лет, каким предстал перед ними Вам-Кир-Дык в своей обычной ипостаси (тут, как говорится, о любви ни слова — не за этим пришли); а во-вторых — в своём гумском облики Владыка выглядел очень даже прилично: мужик как мужик, всё при всём.

Вам-Кир-Дык-копия не стал баловать (или мучить — это как посмотреть) аудиторию долгими речами. Он вообще не сказал ни слова (а чего тут говорить — и так всё ясно) — он просто поднял вверх правую руку ладонью вперёд.

Из ладони Владыки выхлестнул тонкий розовый луч типа лазерного. Нет, Владыка не собирался делать жаркое из кандидаток в жёны — луч был чем-то вроде магического сканера

(это мне тут же объяснила на ухо моя хорошо осведомлённая ведьмина внучка), с помощью которого его тёмное величество осуществлял свой выбор. И верно, не ходить же ему по залу, набитому сотнями и сотнями девушек, и не разглядывать в упор каждую — ноги сотрёшь по самое это самое, да и глаза устанут. А так — рассматривай любую, под любым углом, при любом увеличении, во всех ракурсах, и всё это не сходя с места. Не знаю, как там проходил отборочный тур у Шумву-шаха (если вы помните, я тогда сразу вышла в финал, без всякого первого тура), а у Вам-Кир-Дыка — удобно, блин, ничего не скажешь (естественно, для него, поганца, а не для бедных невест, играющих в этом шоу роль мух под микроскопом).

Луч проворно сновал по всему залу, цепляя то одну, то другую девушку, и всякий раз запятнанные розовым зайчиком замирали: неужели я? Но нет, лучик равнодушно скользил дальше, оставляя за собой разочарованные вздохи и разбитые девичьи надежды.

Первой выбранной оказалась молоденькая гоблинка. Ничего девочка, хотя, конечно, на любителя: скуластенькая, крепенькая, раскосенькая, с чёрными жёсткими волосами, в коротенькой кожаной юбке с бахромой (не уверена, но, по-моему, под юбкой у ней ничего больше не было). Гоблинку немножко портило обилие пирсинга и кокетливо выкрашенные в красный цвет кончики клыков, оттопыривавших верхнюю губу, а так — экологически чистое дитя природы называется. Луч-поисковик замер на ней секунд на пять, не больше, а потом раздался гонг — типа, нашёл. Счастливая избранница широко улыбнулась и пошла по лучу к подиуму, задрав приплюснутый носик, украшенный медным кольцом. Ей давали дорогу, однако на лицах у многих яснее ясного читалось: «Ну надо же — кто бы мог подумать! Вкусы Владыки неисповедимы...». Один из магов (кажется, Чернолес) встал с кресла и встретил гоблинку у края сцены. Раздался мелодичный звук (не гонга), и в стене открылся светящийся проём, в котором тут же исчезли черномаг и первая невеста дня.

И почти сразу же определилась невеста номер два — ею оказалась высокая вампиресса с осиной талией и крутыми бёдрами. Эта шла к подиуму с ледяной улыбкой на тонких губах и с гордо поднятой головой — типа, «А вы что, сомневались?». Перед ней тоже расступались, но провожали уже не удивлёнными, а завистливо-неприязненными взглядами, на которые эффектная кровососка обращала ноль внимания. Вампириша плавно скользнула по нити луча к подиуму, там её встретил другой черномаг, и они точно так же исчезли в стенном проёме, открывшемся перед ними и тут же сомкнувшемся за их спинами.

Затем наступила пауза — розовый лучик скакал по залу, перепрыгивая с одной девицы на другую, но ни на ком не задерживаясь, хотя почти весь кастинг-холл был уже прочёсан. Пауза несколько затянулась — ведьмина внучка даже успела мне объяснить, что за один сеанс Владыка выбирает четырёх жён, поэтому у магов на сцене четверо, — а потом в третий раз прозвучал гонг.

На этот раз выбор Владыки пал на ведьму — на городскую, или уличную, — рыжую и предельно наглую (сходу видно) особу. Так, а вот это типаж уже знакомый — у нас (в смысле, на Земле) такие тоже водятся, только там их иногда называют офисными. Эти особи помимо врождённой хамоватости и ограниченных умственных способностей обладают ещё целым набором милых черт характера, среди которых основное место занимает резкое — не в разы, а на порядки, — различие между самооценкой и реальной ценностью данной особы. Офисные ведьмы (рыжие, хотя часто встречаются и блондинки) глубоко убеждены, что весь мир им очень крупно задолжал, и тот факт, что он (то есть мир) почему-то не спешит выплатить этот долг с процентами, приводит офисных ведьм в состояние неконтролируемого бешенства, чреватого непредсказуемыми поступками — от склок на рабочем месте и увода из семейного стойла чужих мужей до многоходовых интриг и подделки финансовой отчётности с целью вызвать банкротство фирмы, в которой как бы работает такая ведьма.

Рыжая ведьма не шла по лучу — она словно наматывала розовую нить на себя, грубо и властно. Ей тоже давали дорогу к сцене, но она нарочито распахивала локтями всех, кто не успевал отойти на безопасное расстояние с трассы её движения. «Наверно, — подумала я, — для Вам-Кир-Дыка такие дамочки — это что-то вроде специй, чтоб не так пресно было жить. У него не забалуешь — мигом отправит в вольер к летучим гидрам, прямо из опочивальни.

Хотя ещё неизвестно, что случится раньше — он успеет спровадить рыжую ведьму из рода *stervis vulgaris* туда, где ей и положено быть, или она успеет довести его до инсульта. Большого риска эхх этот наш Владыка...».

Довести до конца мои типа философские рассуждения мне не удалось. Луч коснулся меня, замер и тут же прозвучал заветный гонг — я невольно вздрогнула. Луч ощутимо тянул меня к подиуму, и я пошла, подчиняясь этому световому аркану и слыша за спиной шипение рассерженной ведьминой внучки, имя которой я так и не узнала. Не обессудь, девушка, я тут не при чём. Я обещала довести тебя до дворца, и я своё обещание выполнила, а что касается выбора Владыки — тут уж ты меня извини. Моя совесть чиста, а тебе повезёт в другой раз — может быть.

Глава 26

Я почти не удивилась, когда у подиума меня встретил Чернодыр — именно он остался последним из четвёрки магов, наблюдавших за ходом церемонии выбора жён. На меня он глянул индифферентно, чуть шевельнул рукой, открывая проход в стене, и прошелестел, не размыкая своих тонких бескровных губ:

— Иди за мной, избранная.

«Хм, — подумала я, шагнув вслед за ним в светящийся овал. — Избранная — пять лет назад я описалась бы от восторга, услышав о себе такое, а сейчас...».

Мы поднимались по спиральной каменной лестнице. Маг шёл впереди, я видела его бритый затылок, похожий в голубом свете магических факелов (что тут у них, везде такое освещение?) на затылок зомби, и поймала себя на мысли: а не всадить ли мне в этот затылок «меч-молнию» или «смерть-птичку»? Нельзя — я пришла сюда не за этим, месть подождёт. А потом я вдруг испугалась — а ну как эта тёмная сволочь читает мои мысли? — и заставила себя думать о чём-нибудь другом, более подходящем для невесты Чёрного Владыки.

Итак, я опять невеста короля, на сей раз тёмного. Невеста — да нет, считай, уже жена. Интересно, какие-нибудь дополнительные брачные обряды здесь предусмотрены, или меня сразу потянут в койку? Помнится, дракон Костя долго не рассусоливал, раз — и на матрас. А в койку-то мне не хочется — я люблю Хрума и не хочу ему изменять. А что делать, если по-другому не выйдет? В конце концов, пару раз — это ведь не в счёт, верно? И вообще-то интересно (можете меня презирать, но проскочила у меня в голове и такая мыслишка), каков в постели Чёрный Владыка — не зря ведь на него бабы так вешаются. Повелитель Территории Тьмы — это, конечно, звучит гордо, однако на ложе любви важны не титулы, а несколько иные достоинства. Чувство вины перед Хрумом за все эти мысли я постаралась загнать как можно глубже — если Чернодыр меня читает, пусть видит, что чёрная нимфа думает только о предстоящем ей сексе с Владыкой (вполне нормально для новобрачной), и ни о чём другом.

Лестница привела нас в какую-то небольшую комнату без окон-дверей (вход не в счёт). Я недоумённо посмотрела по сторонам — а куда дальше-то? Чернодыр повернулся ко мне; в глазах его горел странный огонёк — я бы сказала, зловещий, — и мне стало не по себе: куда он меня привёл и зачем? Но маг лишь обронил краткое «жди, избранная» и исчез — не ушёл, а именно исчез, как сквозь камень провалился или растаял в воздухе. Я зябко повела плечами — задолбала уже эта ваша магия перемещений, — и тут где-то на самом пределе чувств я разобрала еле слышный то ли шорох, то ли шёпот, то ли слабый далёкий свет (не знаю, как сказать точнее). А когда я поняла, что значит этот отзвук, я чуть не бросилась с кулаками на каменные стены — это был голос моего сына, слабенький зов. Мой сын здесь, он где-то рядом!

— Сашенька, — прошептала я, затравленно озираясь. — Шепоток...

Стена внезапно растаяла, и хлынул свет — настоящий солнечный свет. Я зажмурилась и услышала голос — спокойный и размеренный, как у автоответчика.

— Здравствуй, Алина. Я тебя ждал, и ты пришла.

Пару шагов вперёд я сделала на автопилоте, машинально. Ослепивший меня свет лился из двух круглых окон — огромных, от пола до потолка, — за окнами сияло яркое солнце. Под ногами был узорчатый пол, типа мраморный, чёрно-бело-серый; на нём переплетались и складывались в завораживающий рисунок какие-то диковинные цветы, змеиные тела, языки чёрного пламени. Потолка и торцовых стен (в них вроде были какие-то двери) этой странно изогнутой комнаты я не разглядела — моё внимание привлёк тот, кто сидел в кресле у плавно закруглявшейся стены с окнами. В комнате больше никого — и ничего — не было, и я логично предположила, что это он назвал меня моим настоящим именем. Я не сразу проморгалась после синей полутьмы винтовой лестницы и не сразу разглядела, кто там сидит, а когда разглядела, то шарахнулась назад и больно ударилась спиной о выпуклый камень глухой стены — проход исчез, затянулся, зарос бесследно. Я стояла, не в силах отойти от этой стены и не в силах оторвать взгляд от тёмной фигуры в кресле, стоявшем между круглых окон. И я думаю, вы бы меня поняли, потому что там сидел Вам-Кир-Дык, Чёрный Владыка, король Полуночной стороны Эххленда. Я сразу узнала Владыку — оригинал его тёмного величества (а в том, что передо мной оригинал, я нисколько не сомневалась) ничем не отличался от его копии, на которую я достаточно нагляделась внизу, в зале невест.

При виде моего испуганного прыжка назад Вам-Кир-Дык скрипуче рассмеялся.

— Я тебе так неприятен? — проговорил он нормальным человеческим голосом. — Но ты же сама искала со мной встречи, и даже хотела стать моей женой — ты ведь сама пришла на смотрины! Твоё желание исполнилось — я тебя выбрал, и ты теперь моя жена. О будущем нашем счастливом браке, — тёмный король сделал ударение на слове «счастливом», — мы ещё с тобой поговорим, но только чуть позже: сейчас нам надо выяснить более важный вопрос.

Я молчала. Мои мысли скакали, как белки на лесном пожаре. Неужели это всё? Как глупо... Пройти всю страну, войти во дворец, и сразу вляпаться... И что теперь будет с моим Сашенькой?

— Меня потрясает твоя наивность, Алина. Ты же вроде неглупа — неужели ты всерьёз надеялась обвести вокруг пальца моих искусных магов, специалистов своего дела, и самого меня? Неужели ты думала, что твоих ничтожных магических умений хватит, чтобы бороться со мной, с Чёрным Владыкой? Необыкновенное самомнение или обыкновенная глупость, землянка. Тебя раскусил ещё барон де Фолт, а маги при входе во дворец подтвердили твою сущность, фальшивая нимфа. Тебя узнали, Алина, но ты шла туда, куда нужно было мне, и поэтому тебя не стали задерживать — зачем портить праздник невест?

Я подавлено молчала.

— Сделали тебя неплохо, — Чёрный скользнул взглядом по моему костюму, — отдадим должное этой искуснице-предательнице, до которой я ещё доберусь. Но мне хочется видеть тебя в другой одежде, которая тебе больше к лицу.

Вам-Кир-Дык не махал руками и не доставал никаких магических приспособлений, но мой нимфийский наряд лопнул, словно настоящая сухая змеиная кожа во время линьки, и осыпался к моим ногам; по полу запрыгали вывалившиеся из пояса пузырьки со снадобьями, заботливо приготовленными для меня Нивеей. «Неужели он собирается меня насиловать?» — испугалась я, оставшись совершенно голой и судорожно прикрываясь руками.

— Женщины всегда думают об одном, — Владыка скривился, его крючковатый нос при этом повело куда-то вбок. — Нет, я не собираюсь трахать тебя прямо тут, хотя ты теперь моя жена, — делу время, потехе час. Я просто тебя переодену — я так хочу.

И мое тело стремительно облекло тонкое бельё и эххийский брючный костюм — такой же, в каком я гуляла по Ликатесу, причём как на меня шитый. «Вот это магия, — подумала я

с невольным восхищением. — Это тебе не дырки штопать!».

— Вот так лучше, — Вам-Кир-Дык удовлетворённо оглядел меня с ног до головы. — А теперь к делу, Алина. Поговорим?

— Я ни о чём не буду с тобой говорить, — выпалила я со смелостью отчаяния, — пока не увижу своего сына! Где он? Куда вы его дели? Он здесь, я его слышала!

— Увидеть? — Владыка на долю секунды задумался. — Это можно. Но только придётся принять кое-какие меры предосторожности — ты уж меня извини.

Вокруг меня в воздухе возникла светящаяся дымка. Я осторожно протянула руку — под пальцами спружинила невидимая упругая плёнка. А потом из бесшумно распахнувшейся двери в торцовой стене выплыл прозрачный шар, внутри которого на стульчике сидел Саша. Он был в той самой одежде, которую подобрал ему Причесах; Шепоток был очень бледный и какой-то странный, как будто сонный. Он смотрел на меня и словно сквозь меня, не видя и не узнавая.

— Сашенька! — я бросилась к нему, но тугая плёнка отбросила меня назад — мягко, но неумолимо.

— Не дёргайся, — холодно сказал Вам-Кир-Дык, — это бесполезно.

— Что вы с ним сделали, сволочи? — голос у меня сорвался на вскрик.

— Не волнуйся, он жив и здоров — это действительно твой сын, а не его копия.

Да, это действительно был он, мой Сашуля, я видела это без всякой магии — сердцем. Но что с ним такое? Неужели они накачали его какой-нибудь дрянью?

— Он цел и невредим, — повторил Владыка. — Твой сын слишком ценен, ему никто не причинит вреда, пока он может быть нам полезен. И вот тут-то... Ты всё ещё не догадалась, почему ты сюда дошла, и почему я тебя ждал?

Я уже кое о чём догадывалась (не полная дура), но молчала, как партизан на допросе, — пусть сам скажет, гадина.

— Ты наверняка уже знаешь, зачем мне понадобился твой сын, — Чёрный посмотрел на Шепотка, неподвижно сидевшего в своём стеклянном шаре, потом снова перевёл взгляд на меня. — Да, именно так: твой сын — это волшебный мост между Мирами. Он вымостит нам дорогу, по которой мы пойдём завоевывать новые Миры. И первой нашей целью будет Земля — твой бывший мир, Алина. Мы проигрываем войну здесь, в Эххленде, и для нас захватить какой-нибудь параллельный мир — это вопрос жизни и смерти, а бороться за жизнь мы будем до конца. Мы ведь тоже не хотим умирать, землянка, хоть и несём с собой разрушение и смерть. Твой сын обладает уникальным даром — нам даже пришлось его полуусыпить, чтобы он, зовя маму, не разнёс по камушкам весь мой дворец, — и он может стать для нас, тёмных эххов, спасением. Но твой Саша оказался маленьким, но крепким орешком: он *не хочет* нам помогать, а заставить его мы не можем — не удивляйся, даже могучие маги не всесильны. Твой сын, Алина, слишком светлый — он не приемлет Тьму. А вот ты...

Я уже догадалась, к чему он клонит, и мне стало тошно.

— Совершенно верно, — Чёрный Владыка и не собирался скрывать, что читает мои мысли. — Нам поможет ты — ведь это твой сын, он тебя любит, и он тебе верит. Ты, Алина, склонишь его на нашу сторону — время у тебя есть. Лет пять мы здесь ещё продержимся, а там он подрастёт, войдёт в силу, и тогда...

— А если я откажусь?

— Я знал, что ты это скажешь, — голос Вам-Кир-Дыка звучал бесстрастно. — И поэтому я говорю: у тебя есть выбор. Или ты добровольно переходишь на нашу сторону и помогаешь нам вырастить твоего сына таким, каким нужно, или ты просто умрёшь. То есть не просто, а сложно умрёшь, землянка. И это ещё не всё: в случае твоего отказа сначала умрёт твой сын — умрёт у тебя на глазах, умрёт долгой и мучительной смертью. Мне будет жаль выжигать его мозг, но и умирать в одиночку мне не хочется. Вот поэтому я тебя ждал, и поэтому ты здесь, Алина.

В глазах Чёрного не было ни злобы, ни гнева — в них вообще не было ничего, кроме

тёмной пустоты, — но меня охватил леденящий ужас: так страшно мне не было даже тогда, когда зубы дракона Кости щёлкали в метре от моего лица. Я впервые видела настоящее зло, Зло воплощённое, — куда там картонным Тёмным Властелинам из бесчисленных фэнтези, не знающим даже, на кой хрен им сдалась пресловутая власть над миром. А вот у этого Зла, стоявшего передо мной в облике хищнолицего мужчины, одетого в чёрное, цель *была*. Зло, маячившее за спиной Вам-Кир-Дыка, разрушало само по себе — оно не могло не разрушать, как огонь не может не сжигать, вода не может не затоплять, а ветер не может не дуть. И это Зло невозможно ни уговорить, ни соблазнить, ни купить — его можно только уничтожить. Но у меня не было сил это сделать, и я мысленно закричала, взывая к Хруму, к кому угодно, ко всему Эххленду: «По-мо-ги-те-е-е-е! Остановите это Зло, не дайте ему убить моего сына, а потом поползти дальше, убивая и разрушая всё на своём пути!».

А Вам-Кир-Дык встал и подошёл ко мне. Он уже не был бесстрастным — в его глазах ярилось тёмное злое пламя.

— Решай! — прогремел он. — Решай быстро, здесь и сейчас, — нет у тебя времени для долгих раздумий! Решай, землянка, или...

С этими словами Чёрный Владыка протянул ко мне руку, согнутые пальцы которой походили на когти, и... замер. Замер с полуткрытым ртом, а его горящие глаза остекленели.

Глава 27

Сторожившая меня невидимая плёнка исчезла.

Я не стала разбираться, почему это произошло, как не стала и ломать себе голову над вопросом, с какого это перепугу Чёрный решил поиграть в детскую игру «морская фигура, замри!», — я опрометью бросилась к прозрачному пузырю, внутри которого смиренно сидел Шепоток.

Поверхность шара была твёрдой, как стекло. Разбить? А чем? И если это типа стекло, то не поранят ли осколки Сашеньку? Нет, лучше, наверное, проколоть. Никаких острых предметов под рукой не было, но я всё ещё оставалась чёрной нимфой Аллиной, пусть даже переодетой в другую одежду, да и герцогиня де Ликатес кое-что соображала в магии. Когти? А может, молоток? Нет, когти — тяжёлые, острые, сильные когти крупной хищной птицы.

И на моих пальцах сформировались когти — именно такие, какими я их представила. Оболочка захрустела, прогнулась, подалась. Поблёскивающие воронёным металлом острые кончики когтей моей правой руки прокололи преграду — это было не стекло, а что-то вроде толстого и прочного пластика. И гибкого — шар немного смялся, уступая нажиму моих ладоней. Сейчас, сейчас...

— Прекрасно! — раздалось за моей спиной. — Но несвоевременно: наш разговор ещё не окончен, леди.

«Кир-Дык очухался!» — мелькнуло у меня в голове. Голос, правда, был другой — не сочный баритон Владыки, а ноющий фальцет певца мальчишко вой группы «Поющие вирусы», но что стоит магу, с легкостью меняющему внешность, подредактировать голос?

Я резко обернулась, выставив вперёд когти.

Нет, Вам-Кир-Дык, слава Творцу Вселенной, стоял в той же позе, зато рядом с ним нарисовался другой субъект. Это был Чернодыр — его лысый череп с оттопыренными ушами и меченую шрамом морду я узнала сразу. Он тоже был в чёрном — форма называется. Давно не виделись, аспид, — я по тебе смертельно соскучилась, Кощей недорезанный.

— А тебе чего надо? — прошипела я, приседая, как кошка перед прыжком. Я не стала заниматься сравнительным анализом наших с ним магических возможностей — я готова была вцепиться всеми десятью в бледное лицо черномага.

— Тихо, тихо, Алина, — маг предостерегающе поднял руку, — не надо царапаться — я же не кусаюсь. Прежде всего, я хочу выразить тебе мою искреннюю благодарность — ты мне очень помогла.

«Если это прикол, — подумала я, — то я не въезжаю. Какая ещё благодарность?».

— Искренняя (так, этот бледный тоже меня читает). Чёрный Владыка, — маг посмотрел на Вам-Кир-Дыка, застывшего с протянутой рукой, — был очень осторожен. Он никогда не расслаблялся, но тут, когда появилась ты, а с тобой — реальная возможность наконец-то осуществить его далеко идущие планы, он увлёкся и утратил свою вечную настороженность. И не утратил даже, а лишь ослабил внимание — чуть-чуть. И мне этого хватило — я сильный чародей, — Чернодыр самодовольно поджал губы. — Всего одно заклятье, но именно тогда, когда оно могло достичь цели, — и трон мой!

«Не, я не догоняю, — обречённо подумала я. — Бред какой-то — или я туплю, или одно из двух».

— Ты всё ещё не понимаешь? — Чернодыр обозначил на своей холщовой физиономии лёгкое удивление. — А ведь всё очень просто: король умер — да здравствует король! Вам-Кир-Дыка больше нет — есть новый Чёрный Владыка Всем-Кир-Дык, то есть я.

Так, кое-что прояснилось. Знаем мы эти штучки — дворцовый переворот называется. Ну да, конечно, рано или поздно одна из попыток приближённых Владыки свергнуть своего повелителя-потрясателя должна была увенчаться успехом — теория вероятности называется. Вот и увенчалась, и я этому поспособствовала. Отрадно, спорить не буду, — Кир-Дык мне не друг и не родственник, а совсем наоборот, — но что дальше?

— А вот это уже зависит только от тебя, Алина, — ласково проговорил маг, изображая доброго следователя по контрасту со следователем злым, который уже вышел из игры. — Для тебя ничего не изменилось, землянка, — Всем-Кир-Дыку твой сын нужен точно так же, как он был нужен Вам-Кир-Дыку. Поняла? И убери свои когти, иначе я тебя свяжу — так, на всякий случай.

Чего уж тут не понять — я и блондинкой дурой не была, а сейчас я брюнетка. А когти мои уже исчезли и без моего вмешательства — Чернодыр решил не ограничиваться устным предупреждением.

— Вам-Кир-Дык необратимо мёртв, — голос Чернодыра наполнило торжество, — а Всем-Кир-Дык пойдёт дальше! Смотри, землянка, — он широким жестом показал на окно, — вот так берут власть на Территории Тьмы!

Невольно повинуясь властному голосу новоявленного Владыки, я приблизилась к окну.

Город горел в нескольких местах, чёрные столбы дыма смерчами поднимались вверх. А на улицах Сердца Тьмы шла большая драка — «чёрные кобольды» резались с полчищами зомби. Звуков боя не было слышно, но даже немое кино впечатляло: площадь перед дворцом была усыпана изуродованными телами и кусками тел — кобольды работали мечами в режиме ветряных мельниц, но зомби продолжали драться, даже потеряв половину туловища. И они постепенно брали верх — гвардейцев оттесняли к стенам «многоножки».

Наблюдая эту батальную сцену, я заодно поняла, что нахожусь в куполе дворца — за окном был широкий балкон с резными каменными перилами, а за ними на крыше дворца торчали башенки-шпили. Башенки — и среди них телепорт-башня! Дело за малым — сгрести в охапку сына, вышибить окно, перемахнуть через перила — и бегом к башне. А там... Но в комнате был ещё и Чернодыр, он же Всем-Кир-Дык, и он наверняка будет против.

— Я всё продумал, — продолжал между тем нью-Владыка. — О твоём появлении мне — мне, а не королю, — сообщил мессир де Фолт. А я, как верный слуга его величества, доложил об этом Вам-Кир-Дыку. Но не сразу — я предвидел его реакцию на твоё появление и заранее приказал лорду Даркнессу поднять полки живых трупов, готовившиеся к отправке на фронт, и немедленно двинуть их в столицу. У Вам-Кир-Дыка были сторонники — сейчас они стали моими конкурентами в борьбе за трон, — и мне требовались тысячи нерассуждающих солдат, покорных моей воле. Но мессир не оправдал моих надежд, — маг сделал скорбное лицо, — он попросил отсрочки до утра: у него, видите ли, появилась молодая жена (я сразу поняла, о ком идёт речь). Пришлось послать к нему «птицу смерти» — не время думать о любовных утехах, когда идёт спор о власти, — а войско мёртвых привёл в Сердце Тьмы новый барон де Фолт. Впрочем, этого мессира мне всё равно пришлось бы

убирать — он возомнил себя повелителем зомби и мог стать опасным. А дальше — дальше всё шло по плану: ты попала к Владыке — я сам тебя к нему привёл, — он принялся тебя убеждать, а я выждал момент и ударил быстро и безошибочно. Вам-Кир-Дык думал, что всё предусмотрел — магическая защита над дворцом не снимается ни днём, ни ночью, а вокруг купола она ещё и усиленная, — но я оказался хитрее. Здорово у меня вышло, правда?

Он подошёл к статуе бывшего Владыки и постучал ей по лбу согнутым пальцем — звук был деревянный.

— Ну как живой! — весело сказал черномаг, любовно оглядывая дело своих чар. — Я мог бы его сжечь, но я его сохраняю. Зачем? А вот зачем.

С этими словами он отломил Вам-Кир-Дыку палец (раздался хруст), сунул его в рот и разжевал; по кадыкастому горлу прошло глотательное движение — меня чуть не вырвало.

— Древние эххи, жившие в пещерах, практиковали священный каннибализм, — пояснил маг, вытирая губы, — как ритуал отнятия жизненной силы у побеждённого врага. Хороший обычай — у предков есть чему поучиться. Тебе не предлагаю — рано. Вот когда ты станешь Царицей Тьмы...

— А с чего ты взял, что я ею стану? — спросила я хрипло (от такого зрелища вообще можно лишиться голоса).

— А у тебя нет другого выхода! — жизнерадостно сообщил Всем-Кир-Дык. — Ты же умная женщина, землянка, я знаю. Когда ты попала к нам в первый раз, ты мечтала о власти, и я не верю, что с тех пор ты так сильно изменилась, что перестала о ней мечтать. И я тебе предлагаю эту власть — власть не над каким-то крошечным герцогством, а власть над Миром, больше того — над многими Мирами! Чего тебе ещё нужно? Ты станешь моей женой, причём единственной — я не слишком увлекаюсь любовными игрищами, магонаучные изыскания для меня куда интереснее, и мне вполне хватит одной темпераментной тебя. А твой сын, когда вырастет, станет наследником трона Владыки Миров — в этом я могу дать тебе своё слово. Кто может предложить тебе больше, дочь Третьей планеты системы Жёлтой звезды?

Я ошеломлённо молчала — голос Чёрного Владыки завораживал.

— Может быть, ты боишься, что светлые возьмут верх, и ты останешься ни с чем? Зря боишься. Посмотри вон туда, — Чернодыр вытянул руку, — видишь мою Пирамиду?

Я молча кивнула.

— Ты думаешь, это святилище Бога Хаоса? Ерунда — Бога Хаоса нет, потому что Хаос бесструктурен, это полное ничто. На самом деле Пирамида — это моё непобедимое оружие и моя тайна. — Чернодыр обдал меня взглядом, способным заморозить птицу в полёте, — типа, стоит ли открывать девчонке эту тайну? — и продолжал:

— Мои коллеги чересчур консервативны: Черномор пытается приручить кракенов, Чернолес — оживить деревья и послать их на светлых (тут я почему-то вспомнила Урфина Джюса с его дуболомами), Черногор возится с тварями Пустоши, и только я нашёл путь к истинному могуществу. Тебе известно, что ману нельзя хранить, как нельзя сохранить живое дыхание, но мне удалось решить эту задачу. Я — только я один! — знаю, как хранить ману неопределённо долгое время. Решение оказалось простым — ману можно хранить, но только в том случае, если тот, кто её сгенерировал, перестанет жить. В Пирамиде за сто лет умерли мучительной смертью миллионы эххов, а вся их мана влилась в хранилище. Пирамида — это гигантский аккумулятор маны, и хозяин его — я. Накопленной маной можно зарядить сотни мощных энергетических бомб, каждой из которых достаточно, чтобы уничтожить целое войско или разрушить Камерон. И я смету и разрушу — я не уступлю Шумву-шаху Эххленд, как это собирался сделать мой недалёкий предшественник, — он презрительно посмотрел на законсервированный труп Вам-Кир-Дыка. — И меня не остановит никто и ничто — наши маги-монстрологи сумели увеличить высоту полёта гидр и наделили новые их образцы ночным зрением. На Полуденную сторону падёт смерть с ночного неба, — выкрикнул Чернодыр, — я сказал! А потом — потом я пойду дальше, пойду покорять иные Миры! Мы пойдём — с тобой, Алина.

Я молчала, не зная, что сказать этому эххоеду с замашками вселенского Чингис-хана.

— Ну, что скажешь? — спросил черномаг уже своим обычным фальцетом.

— А пошёл ты... — выдохнула я, с трудом разлепив запёкшиеся губы. — Завоеватель хренов — мало тебе крови? Бери меч, и иди вон туда, на улицу, — там её вволю, пей!

— Я не хотел тебе угрожать, — глаза Всем-Кир-Дыка недобро сузились. — Думаешь, почему я всё это тебе рассказал? Потому что, как пишут в ваших книжках, всё злодеи очень любят поговорить и обязательно выбалтывают свои самые страшные тайны? Действительно, я не прочь с тобой поговорить — ты отличаешься от моих сородичей хотя бы тем, что не думаешь только о том, как бы всадить в собеседника нож. Но главное: я хотел сделать тебя своей сознательной союзницей — это самое эффективное. Жаль, что это мне не удалось... Что ж, тогда мы вернёмся к тому, чем закончил наш незабвенный Вам-Кир-Дык.

С этими словами он подошёл к недоломанному мною прозрачному шару, в котором всё так же неподвижно сидел Шепоток, и вытянул правую руку. Я окаменела: в руке мага появилась пятнистая змея. Она подняла голову, уставилась на моего сына и зашипела.

Я хотела кинуться на этого маньяка, но не могла даже двинуться с места — Чернодыр выполнил своё обещание меня связать. Я почувствовала, как у меня из-под ног уходит пол.

— Последний раз спрашиваю, — Всем-Кир-Дык полуобернулся ко мне; змеинная голова покачивалась у самой стенки шара, и я была уверена — тварь иглой прошьёт оболочку, как только получить команду «Фас!», — ты со мной или нет? Что ты выбираешь, землянка?

«Сейчас я хлопнусь в обморок, — отрешённо подумала я. — Сашенька...»

Торцовую дверь рассекла пылающая черта, словно туда ударила огненная молния. Дверь раскололась надвое; её половинки с грохотом повалились на мраморный пол. И я не поверила своим глазам: на пороге стоял герцог Хрум де Ликатес с мечом в руке.

Глава 28

Чернодыр был законченным негодяем (кто бы сомневался), но трусом он не был, и на внезапное появление своего старого врага он среагировал со скоростью и безошибочностью компьютера. Маг не пытался прикрыться мной или Шепотком (магия бьёт со всех сторон, от неё не спрячешься за живым щитом) — Чернодыр встретил Хрума лицом к лицу, правильно рассчитав, что всё остальное подождёт.

Змея исчезла — вместо неё в руке Всем-Кир-Дыка возник чёрный меч. И в следующее мгновение этот меч скрестился с мечом де Ликатеса.

Мои колдовские способности явно возросли. Пять лет назад, у Зелёных Камней, я не различала стремительных движений рыцаря, рубившего серых гоблинов, и даже в недавнем — всего месяц назад — бою у Роши Порталов я не видела подробностей знаменитого «танца смерти» адепта Магии Меча: обычное человеческое зрительное восприятие тормозило. Но сейчас я видела не только пляшущие размытые тени — я могла уловить детали магического поединка и даже выражение лиц непримиримых противников. К сожалению, я могла только наблюдать — сковывающее заклятье черномага работало, мне не удалось даже пошевелиться.

Мечи обоих магов не были просто полосами заточенной стали — они были сотканы из чистой энергии. По лезвию клинка рыцаря текли потоки голубого огня, прошитые золотыми струями; меч Всем-Кир-Дыка светился багровым огнём, рвущимся из тьмы. Это было что-то — маны, пущенной в ход обоими противниками, хватило бы для освещения половины Питера в течение всей зимы.

Какое-то время эххи крестили друг друга мечами без видимого преимущества одной из сторон, однако вскоре наметился перелом — де Ликатес явно брал верх. Думаю, дело было не в том, что Хрум был искуснее — Чернодыр тоже очень ловко орудовал клинком, но мой рыцарь пришёл сюда победить или умереть, а тёмный наверняка ещё и прикидывал, нельзя ли ему как-нибудь улизнуть и вернуться с подмогой, ведь во дворце была целая куча его слуг и сторонников. И самоотверженность побеждала.

Всем-Кир-Дык раньше меня понял, что проигрывает. Тело чёрномага взвилось вверх, словно подхваченное порывом ветра, что-то полыхнуло, и в это время Хрум молниеносно взмахнул мечом — голубое лезвие превратилось в голубой веер. Я моргнула, а в следующую секунду увидела Чернодыра на полу — он лежал лицом вниз, широко раскинув руки. А я чуть не упала — ко мне вернулась способность двигаться.

Я не кинулась на шею герцогу — я бросилась к сыну. Когти выросли у меня ещё на лету, и я с бешенством вонзила их в шар. Я рвала оболочку с яростью разъярённой пантеры, и оболочка расплзалась под моими когтями как гнилая ткань. Разодрав шар на клочки, я упала на колени и прижала к себе Шепотка.

— Сашенька... — прошептала я. — Сыночек...

Тельце моего сына было живым и тёплым, но магическим зрением я видела чёрную паутину, облепившую его со всех сторон. И я осторожно, самыми кончиками когтей, начала счищать с него эту гадость.

— Мама... — тихо проговорил Шепоток. — Ты... пришла...

И я заплакала, сжимая сынулю в объятьях и переливая ему свою силу, свою любовь и свою тревогу за него, за этого маленького человечка. Да, Саша станет могучим магом, когда вырастет, но сейчас он был ещё ребёнком, которого я должна была защищать.

— Не плачь, мама, — голос Шепотка стал громче и уверенней. — Пойдём домой...

«Домой, — подумала я, вытирая слёзы, — да, да, конечно, конечно домой, и как можно скорее!».

Я повернулась к Хруму — маг стоял рядом с нами. Меч в его руке был опущен, но я не сомневалась: магический клинок готов встретить любого врага. Хотя хватит уже этих врагов — пора сматываться из этого гостеприимного местечка.

— Как ты сюда попал? — спросила я. Мне ужасно хотелось обнять мужа, но я боялась, что снова разревусь, и уже надолго, и решила не рисковать.

— Через телепорт-башню, — спокойно ответил мой рыцарь. — Я услышал твой зов.

— А как же запирающее заклятье?

— Архимаги помогли, — кратко пояснил Хрум, явно не желая вдаваться в подробности. — Я потом тебе всё расскажу, а сейчас нам надо уходить. Во дворце идёт резня, слышишь?

Я прислушалась (не ушами, понятное дело) и услышала звон мечей, крики, шипение файерболов и грохот рушащихся стен — тёмные эххи развоевались между собой не на шутку, гражданская война называется.

— А эти? — спросила я, имея в виду обоих Кир-Дыков. — Они, того, не оживут?

— Они оба необратимо мертвы — посмотри сама.

Я пригляделась к труп Чернодыра. Труп лежал странно: наполовину погрузившись в пол, как будто упал ничком в жидкую грязь, и вокруг него расплывалось огромное кровавое пятно.

— Он хотел удрать в какой-нибудь соседний Мир — это был его коронный номер. Но я поймал его на переходе — в этот момент любой маг абсолютно беззащитен.

И я поняла. Меч Хрума разрезал удиравшего Чернодыра от макушки до пяток, вдоль, по линии плеч, с той же лёгкостью, с какой ножницы режут бумагу. На полу лежала только одна спинная половина тела, поэтому и казалось, что покойник как бы зарылся в песок. Да, это круто...

— А где его вторая половина? — на всякий случай я решила уточнить.

— Точно не знаю, — рыцарь пожал плечами. — Или растворилась в Астрале, или выпала в другой мир. Его обитатели очень удивятся, если её найдут. Идём, Алина, надо спешить.

— Да, бежим, — согласилась я. — Только... Ты бы спалил эти бранные останки, я имею в виду обоих, а то вдруг какой-нибудь тёмный умелец сумеет их реанимировать. Нагляделась я на этих зомбей — гадость страшная.

Хрум спорить не стал. Он поднял клинок, с лезвия сорвалась струя голубого пламени.

Огонь охватил Вам-Кир-Дыка, взметнулся к потолку, и на узорчатом мраморе пола осталась только кучка пепла. А следом за ним форсированной кремации подвергся и Всем-Кир-Дык — обоим Чёрным Владыкам пришёл полный и окончательный кирдык.

— Вот теперь пошли, — я облегчённо вздохнула. Шепоток молчал — наверно, ещё не совсем проснулся, — я взяла его на руки, встала, и тут мой взгляд упал на Пирамиду, силуэт которой был хорошо виден за окном. Да, Пирамида — абсолютное оружие Чернодыра. Как он там сказал — «На Полуденную сторону падёт смерть с ночного неба»? А вот не бывать этому!

— Погоди-ка, Хрум, — сказала я. — Кажется, тут у нас есть ещё одно дело.

* * *

Хрум слушал меня очень внимательно.

— Думаю, Чернодыр не врал, — закончила я.

— Я тоже так думаю, — медленно проговорил рыцарь. — Мы на Полуденной стороне кое-что слышали о разработке тёмными какого-то супероружия. Значит, Чернодыру всё-таки удалось его создать... Это страшная угроза всему Эххленду, Алина, — очень страшная.

— А я о чём? Хрум, эту штуку нельзя так оставлять! Чернодыр сдох, и больше никто здесь не знает, как копить и хранить ману, но эта проклятая призма уже налита маной под пробку! Чернодыр ведь не один трудился над своим Манхэттенским проектом, и кто-нибудь из его сотрудников наверняка сумеет наполнить готовой маной магическую супербомбу — тут, как я понимаю, большого ума не надо. А сбросить её — так это вообще как два пальца об асфальт. Значит, Пирамиду надо взорвать на хрен! И все дела — новой уже не будет: некому её построить. Ты сможешь её сломать, Хрум?

— Не знаю, — задумчиво произнёс боевой маг, — надо посмотреть...

Он подошёл к окну и несколько очень долгих минут всматривался в мрачный контур Пирамиды. Тем временем шум битвы стал куда слышнее — сражение приближалось к покоям Владыки. Времени у нас оставалось всё меньше. Я занервничала.

— Трудно, — сказал он наконец, — там очень мощный защитный кокон. Не знаю, смогу ли я его пробить. И ещё одно: при разрушении Пирамиды будет очень сильный выброс энергии — такой, что от всего Сердца Тьмы не останется камня на камне. А мы почти рядом с Пирамидой.

Блин, об этом я и не подумала. Да, перспективка ещё та...

— Можно отклонить вектор выброса, — де Ликатес рассуждал вслух, — но для этого нужно столько маны, что... У меня её не хватит — наверняка.

— Возьми мою, — услышала я, и сразу даже не поняла, кто это говорит.

— Возьми мою, отец, — повторил Шепоток. Он снова стал прежним — остатки чёрной паутины бесследно исчезли. Саша обнимал меня за шею, как любой ребёнок его возраста, сидящий на руках у мамы, но взгляд его был взглядом взрослого мужчины, а голос — голосом воина перед битвой. Где-то внутри у меня запульсировал жаркий комок гордости — за него.

— Ты быстро растёшь, сынок, — очень серьёзно произнёс герцог, глядя на Шепотка с настоящим уважением. — У него столько маны, — Хрум посмотрел на меня, — Совет Чародеев в полном составе повырывал бы себе бороды от зависти.

А я уже и сама это почувствовала: на моих руках сидел кусочек солнца, истекавший энергией. Не зря черномаги его боялись — я, наверно, сгорела бы вмиг, если бы этот кусочек не звали Шепотком, если бы он не был моим сыном, и если бы он мог заставить свою ману делать то, что ему нужно, — разрушать или созидать, неважно. Пока ещё он этого не умел — ведь Сашеньке было всего четыре года.

— Давай вместе, Хрум, — сказала я, — мы ведь семья, верно?

И мой рыцарь меня понял — вот такой он у меня понятливый.

И мы начали творить наше первое семейное заклятье. Я направляла энергию Саши,

готовила её (готовить обед — женское дело, ясен пень!), передавала герцогу, а он, дрожа от напряжения, лепил из неё что-то грандиозное: в воздухе медленно прорисовывалось что-то вроде гигантского призрачного меча.

— Клинок Судьбы, — хрипло пояснил де Ликатес, — такое заклинание творилось всего лишь несколько раз за всю историю Эххленда — оно требует совместных усилий сотен и даже тысяч магов. Приготовьтесь — уже скоро.

Воздух в комнате тёк горячими струями, словно подул знойный ветер, стены купола подрагивали. «Сейчас ка-а-ак...» — подумала я и услышала голос Хрума:

— Глаза! Закрой глаза, Алина! И ему, сыну, тоже!

Я поспешно прижала Шепотка к себе, лицом к груди, прикрыла его обеими руками и крепко зажмурилась.

* * *

Вспышка была ослепительной. Если бы я смотрела глазами, инвалидность по зрению была бы мне обеспечена, и к бабке не ходи. Даже по косвенному, магическому зрительному каналу я получила такую оплеуху, что еле устояла на ногах (и то только потому, что держала Сашу и боялась его ушибить, падая на пол). Мрамор пола под моими ногами содрогнулся, как будто всю твердь Эххленда перекорёжило землетрясением огромной силы — мне даже показалось, что сейчас мы все дружно ухнем куда-нибудь в преисподнюю вместе с дворцом. Зазвенело битое стекло — окна вылетели (к счастью, нас не поцарапало — Хрум позаботился о коконе).

— Всё, — устало выдохнул де Ликатес.

Я осторожно приоткрыла глаза.

За выбитыми окнами висела багровая мгла и кружились какие-то чёрные хлопья — Хиросима называется. Пирамида исчезла, словно испарилась, а города практически не было — ударная волна смела всё, дома-башни рухнули, упали, как сбитые щелчком спичечные коробки. На руинах Сердца Тьмы бушевал сплошной пожар — горело всё, что могло и даже не могло гореть. Но дворец устоял, хоть и был рядом с эпицентром магического взрыва, и купол почти не пострадал — усиленная защита смягчила удар. И Хруму удалось «отклонить вектор выброса» — почти вся энергия Пирамиды ушла в небо, ударила вверх, как струя из откупоренной бутылки шампанского, и только малая её часть — капельки — выплеснулась в стороны. Если бы не это, на месте столицы Полночной стороны осталась бы выжженное пятно, чёрная яма хрен знает сколько километров в диаметре, а мы бы все трое мгновенно... Меня передёрнуло.

— Мы сделали это! — выдала я с претензией на торжественность, однако этот штамп из голливудских боевиков прозвучал как-то нелепо, и я закончила почти жалобно: — Пошли отсюда, а?

— Сначала надо решить, куда идти, — отозвался Хрум.

— Как куда? — не поняла я. — В телепорт-башню, куда же ещё?

— В телепорт-башню? — Хрум криво усмехнулся. — Посмотри, Алина.

Я посмотрела, и мне резко поплохело. Крыша дворца была гладкой, как бильярдный шар или как лысый череп покойного Чернодыра — все шпили-башенки срезало как бритвой. Телепорт-башни не было — нам некуда было идти. Я выглянула на балкон — его перила кое-где были проломлены, но сам балкон не обвалился, — и осмотрела крышу ещё раз. Телепорт-башня исчезла — я увидела на её месте только одни обломки. Путь назад был отрезан.

— Что же нам теперь делать? — спросила я растеряно, но рыцарь уже пришёл в себя.

— Будем пробиваться к реке, — сказал он, вглядываясь в улицы, затянутые густым дымом. — Захватим какую-нибудь лодку и поплывём, а я попробую вызвать нам на помощь десант на грифонах. Тёмные заняты друг другом, им сейчас не до нас. И ещё этот пожар — у нас есть шанс. Но надо поспешить: скоро они узнают, что Вам-Кир-Дыка и Чернодыра нет в

живых, и сюда живо подтянутся со своими отрядами другие претенденты на титул Чёрного Владыки.

— Тогда пошли, — распорядилась оживившаяся я, — чего стоим, кого ждем?

Мы двинулись к двери, разрубленной мечом де Ликатеса, но ещё не доходя, увидели, что весь коридор завален обломками рухнувших стен и перекрытий — дворцу всё-таки крепко досталось от взрыва. Развернувшись, мы кинулись ко второй торцовой двери, распахнули её общими усилиями и отпрянули — там бушевало пламя.

— Через огонь нам не пройти, — признался рыцарь, — у меня сейчас не хватит сил.

Выглядел он и впрямь неважно — как говорится, краше в гроб кладут. Понятное дело — что, по-вашему, легко взрывать Пирамиды? Хорошо хоть вообще не надорвался — спасибо Шепотку (ну и, само собой, заботливой мне).

— А сквозь стены? (я вспомнила открывавшиеся проходы).

— Не получится, — Хрум покачал головой, — тут целая система заклятий — коды, чтобы тебе было понятнее. Во дворце Владыки пользоваться тайными ходами могут только маги из числа посвящённых — силой тут ничего не сделаешь.

— Тогда давай по крыше, — решила я. — Хватит у тебя сил спустить нас всех по стене? Если что, мы с Шепотком поможем — правда, сынок?

Но Сашенька не ответил — он спал, уткнувшись мне в грудь. Умаялся бедный ребёнок — ещё бы, отдать столько маны!

— Хватит, — ответил Хрум, но как-то не слишком уверенно.

Мы вылезли через разбитое окно на балкон и подошли к перилам. Прыгать невысоко — никакой магии не надо. Рыцарь наклонился, выбирая, куда прыгнуть, но тут снизу рванул фонтан огня.

Большой кусок крыши провалился; из дыры лезли языки пламени, обёрнутые дымом.

— По крыше не пройти, — в голосе Хрума прорезались непривычные нотки безнадёги, — горит весь верхний этаж. Крыша скоро рухнет.

Он был прав — я и сама видела тут и там обширные красноватые пятна на кровле. Под крышей бушевал пожар, и идти по ней означало рисковать в любую секунду провалиться в раскрывшуюся под ногами доменную печь.

— Ну что ж, Алина, — герцог тяжело вздохнул. — Мы с тобой спасли Эххленд, и о нас сложат баллады. Не каждому дано славно умереть, да ещё вместе с той, кого любишь. Я...

— Смени пластинку! — оборвала я его. — Это что ещё за похоронный марш, рыцарь? Ты боевой маг или так, погулять вышел? Я намерена не умирать, а жить с тобой долго и счастливо. Нет, насчёт славной кончины я ничего не имею против, но лет этак через пятьсот, не раньше. Думай, блин горелый, думай — это тебе не мечом махать!

Пристыженный рыцарь задумался. Я тоже всюю напрягала извилины, но мне ничего не приходило в голову. Идти нельзя, ползти нельзя, а летать мы не умеем...

— А зачем летать самим? — пророкотало в моём сознании (до чего же знакомый голос, блин!). — Я могу подвезти!

— Костя... — прошептала я, не веря своим телепатическим ушам. — Хрум, это дракон Кост-а-Лом! Он прилетел за нами! Вот ведь зараза какая — помнит своё обещание!

Это действительно был дракон Костя. Громадная крылатая тень вынырнула из дыма, заложила крутой вираж и приземлилась на балкон, ломая кривыми когтями остатки перил.

— Ну, вы будете подниматься на борт, — прорычал ящер, выдохнув сноп искр, — или всё-таки предпочтёте принять славную смерть в огне? Если второе, то я полетел — должен же кто-то рассказать поэтам о вашей героической гибели!

— Хорош подкалывать, ящерица, — огрызнулась я, хотя мне хотелось расцеловать уродливую драконью морду (и пусть Хрум ревнует). — Каким ветром тебя сюда занесло? И очень вовремя, кстати, а то у нас тут проблемы с транспортом.

— Если её светлость герцогиня не возражает, — дракон грациозно выгнул шипастую шею, — я расскажу об этом по дороге. А сейчас садитесь — этот карниз скоро обвалится, да и весь этот чёрный домик тоже вот-вот рухнет.

Герцог не мешкал — на чешуйчатом костинном боку появилось что-то типа лестницы.

— Садись, — Хрум принял у меня Шепотка и подал мне руку, помогая вскарабкаться на драконью спину.

— Куда? — уточнила дотошная я, оказавшись наверху. — Тут у него спинные зубы!

— Сейчас поправим, — отозвался заметно повеселевший рыцарь. Зубцы на костинной спине дрогнули, расходясь и меня форму — подготовка сидения для пассажиров называется.

— Эй, эй! — забеспокоился Костя. — Не портите мне фигуру — что я скажу Ослабелле?

— Это временно, Кост-а-Лом, — успокоил его де Ликатес, — не будешь же ты возражать против того, что даме должно быть удобно в полёте? Я потом всё поправлю, обещаю тебе.

Я устроилась в ложбинке, как в седле (хорошо, что я в брюках), рыцарь передал мне Сашу, сонно вертевшего головёнкой и не понимающего, что происходит, и забрался следом. Он уселся у меня за спиной (Шепотка я взяла на руки), обнял меня, и я почувствовала волну магии — мой заботливый муж ставил защитный кокон от встречного ветра (и чтоб не упасть).

— Готовы? — любезно осведомился Константин, поворачивая к нам голову и ехидно подмигивая.

«Летайте драконами «Эххаэрофлота»! Мы сделаем всё, чтобы сократить ваше пребывание на земле!» — подумала я и скомандовала: — Поехали, командир!

Дракон поднял в воздух свою массивную тушу с лёгкостью ласточки-береговушки — горящий дворец быстро остался позади, под крылом потянулись дымные развалины столицы Полночной стороны. Нам не мешали — противовоздушная оборона Сердца Тьмы пришла в полное расстройство. Только раз попалась навстречу какая-то ошалевшая и очень одинокая горгулья и сунулась прямо под костин огнём. «Прощальный фейерверк» — подумала я, провожая взглядом подождённую тварь, падающую вниз огненным клубком.

Дымная завеса над горящим городом отдалялась и уходила за горизонт. Клонившееся к закату солнце светило нам в спины. Шепоток спал у меня на руках — безмятежно, как спят одни только дети.

Мы летели домой.

Эпилог

В Эххленде все имеют право на отдых: и воины, и ремесленники, и землепашцы, и маги, и правители всех рангов. И поэтому я, герцогиня де Ликатес, в свой очень законный выходной лежала, опираясь на локти, на травянистом взгорке в центральном парке Ликатеса, посматривала на играющих детишек, среди которых бегал и мой Саша, слушала детский смех и наслаждалась ничегонеделанием. В больших дозах это занятие убийственно, а вот в малых — самое то. Погода была обычной для Полуденной стороны — светило солнце, и хотелось верить магам-предсказателям, не обещавшим дождя в течение всей предстоящей недели. Нет, маги-погодники, как и все эххи, не врут — они просто ошибаются, подобно всем своим коллегам-синоптикам во всех обитаемых Мирах Познаваемой Вселенной.

А парк был моей гордостью. По возвращении в Ликатес я взяла в свои руки всё, что касалось благоустройства города, — любая нормальная женщина хочет, чтобы дома у неё был уют, а моим домом уже почти год назад стал Ликатес. Нельзя сказать, что город достался мне в запущенном состоянии, но руки (и чары) приложить пришлось, чтобы ни одна мелочь не портила настроение ни горожанам, ни требовательной мне. В частности, я ликвидировала памятник дракону Васе: в благодарность за помощь, оказанную мне Костей, я передала ему голову его брата, чтобы драконы смогли её похоронить по своему обряду. С кланом Ломов у нас установились добрые отношения типа «мир, дружба, жвачка», и мёртвая драконья голова на центральной площади Ликатеса смотрелась при таком раскладе не очень политкорректно. А потом я и вовсе превратила опустевшую площадь в зелёный парк: детям

надо где-то играть, причём лучше внутри городских стен — так оно спокойнее.

С парком пришлось изрядно повозиться — с меня семь потов сошло, пока я подтянула сюда подземные ключи и устроила пруд, а потом регулировала баланс между притоком воды и её испарением, чтобы вода в нём не застоялась, не высохла, и в то же время не перелилась через край и не превратила мой парк в болото. И я всё сделала сама (чем и горжусь), не прося помощи ни у мужа, ни у других магов.

Правда, кое в чём мне помогали (не с водой, а с зелёными насаждениями и прочим). Не обошлось без конфликтов — один маг (не буду называть его имени), когда я поручила ему вывести в парковой траве всю кусучую мелкую живность, отнёсся к своему делу халатно. Пришлось употребить власть: после того, как я обнаружила в парке целое гнездо сиреневых муравьёв, известных своей злобностью, я пообещала нерадивому чародею, что отправлю его в Пустошь изводить тамошних чудищ, причём не магией, а одним клопомором. Халтурщик внял, и через день в любом месте парка на траве можно было лежать голышом, не опасаясь укусов.

Из этой истории я сделала вывод: надеяться на кого-то — чревато, и усердно занялась самообразованием, повышая свой магический уровень. И тут уже я не стеснялась просить помощи у всех, начиная от архимагов Камерона и кончая целительницей Мильгаммой (она, кстати, оказалась нормальной девчонкой, и мы с ней даже типа подружились).

Я откинулась на спину, вдыхая тёплый травяной аромат. Хорошо-то как... Солнышко грело, и надо мной раскинулось небо — голубое, с белыми пёрышками редких облаков. А год назад, над Сердцем Тьмы небо было совсем другим: багово-серым...

* * *

Небо было багово-серым и быстро чернело — мы летели на восток, и ночь летела нам навстречу. Сашенька безмятежно спал, Хрум, похоже, тоже типа дремал — вымотались мои мужики в борьбе с тёмными силами. А у меня сна не было ни в одном глазу — повышенная нервная возбудимость после пережитого многосерийного стресса называется. Я то и дело зыркала по сторонам — а ну как вынырнет откуда-нибудь из-за туч гидра летучая? — и остро нуждалась в собеседнике. Костя махал крыльями, но язык у него был не занят, и к тому же он мог общаться со мной и телепатически (что ещё и лучше — не будите спящего мужчину, а тем более двоих). И я пристала к нему с требованием обещанных подробностей — как это он прилетел в столицу Полуночной стороны так вовремя? — пообещав, что не слезу с него, пока он не расколется. Исполнить свою угрозу мне было нетрудно — я ведь сидела на Косте в полном смысле слова.

Костя запираться не стал — вот за что я люблю эххов, так это за их правдивость. Он рассказал, что ещё прошлым вечером (это когда мы были в мертвецко-наркотическом Фолте) он ощутил смутное беспокойство относительно любимой меня. Драконы вообще эмпаты — они чувствуют другое разумное существо на большом расстоянии (вспомним, как Кост-а-Лом нашёл меня по мимолётной мысли), особенно если это близкое существо. А я, как ни крути, ему таки не чужая — сколько ночей мы провели вместе (хорошо, что Хрум спит и не слышит моих мыслей). Короче, парень забеспокоился — ощутил, как он выразился, «нависшую надо мной угрозу». И верно — ведь именно в тот вечер «повелитель зомби» просёк, кто я такая на самом деле, и тут же настучал Чернодыру. Константин промаялся весь вечер, а ночью, когда его жена и дочь уснули, потихоньку выбрался из своей пещеры и рванул на запад. В ходе ожесточённых воздушных боёв над Западными горами грифоны Шумву-шаха посшибали множество гидр и горгулий (авиация Вам-Кир-Дыка понесла большой урон), так что дракон без особых помех прорвался на Полуночную сторону, тем более что дело было ночью. Куда лететь, он знал — Ломы не раз охотились на Территории Тьмы и таскали оттуда пленников и пленниц. В общем, уже на рассвете Костя добрался до столицы и устроился передохнуть и восстановить силы в густой роще на берегу Чёрной реки. Проснулся он от моего мысленного крика о помощи и тут же понёсся на мой зов. К счастью,

он был ещё на подлёте, когда Хрум подорвал Пирамиду — дракона потрепало и опалило, однако его броня выдержала. Ну, а что было дальше, вы уже знаете. «Вот я и вернул тебе долг, Алина» — такими словами закончил он свой рассказ, а я в ответ ласково потрепала его по шее (чего эта толстокожая скотина наверняка не почувствовала).

Под утро я и сама закемарилась, однако утреннее солнце не дало мне долго спать. Хрум и Шепоток тоже проснулись, и надо было их кормить (да и самой неплохо было бы хоть что-то перекусить — я ведь накануне не ужинала и даже не обедала). Хрум наколдовал для Саши и для меня пару типа бутербродов, но организм требовал чего-нибудь посущественнее, и я потребовала от Кост-а-Лома взять курс на Замок-в-Скале. Дракон было заартачился и начал зазывать в гости — мол, Ослабелла будет безумно рада меня видеть, а Шепоток познакомится с Кусей, — однако я вежливо отказалась: не очень-то я верила в то, что Ослабелла будет мне рада. Это мужики в силу примитивности своего мышления могут забывать старые обиды, а мы, женщины, существа более совершенные. Так что будем дружить домами, я не против, но на расстоянии. Костя немного поворчал, сетуя на усталость, но смирился — невелик крюк для крылатого быстролёта, — и в замок дядюшки д'Анакора мы прибыли в аккурат к завтраку. Кост-а-Лом завтракать не стал — он торопился домой: ему предстояло нелёгкое объяснение с супругой на тему «Где ты, подлец, шлялся две ночи подряд?».

В замке нас встретили радушно — дядюшку было не узнать, — а Нивея-Хея-Кея сразу после завтрака принялась меня расколдовывать — обратная трансформация называется. Это дело заняло у неё почти весь день, а тем временем Шепоток под присмотром Хрума и князя Отданона облазил весь замок и покорила сердца всех его обитателей.

Пока я снова становилась из чёрной нимфы человеком, я успела рассказать Хее-Кее о своих приключениях, начиная со встречи с орками. Она слушала очень внимательно, ахала, и в итоге я ей пожаловалась, что героини из меня не вышло: опять меня спасали все кому не лень, а я сама так ничего и не сделала.

— А вот тут ты не права, сестра, — решительно возразила бывшая нимфа. — Ты сделала главное: ты проникла в Сердце Тьмы. Сама — туда ведь никто тебя не нёс на крыльях. И ты послала зов — такой, что его слышали. Это совсем не простое чародейство, уж я-то знаю. А кто снял паутину с Шепотка, и кто помогал перелить его ману герцогу де Ликатесу, когда он разрушал Пирамиду? Так что без тебя, Алина, не было бы этой победы — гордись. — И она обняла меня как старшая сестра — мы ведь и в самом деле стали с ней как бы сёстрами.

А вечером я наконец-то добралась до Хрума: истосковалась я по нему — сил нет, и надо же было узнать, как он всё-таки сумел ко мне прорваться? Выяснилось, что с войсками эльфийского короля к Западным горам прибыли архимаги — Шумок выполнил своё обещание оказать мне любую помощь. Чародеи долго ломали свои мудрые головы, пытаясь вскрыть заклинание, запиравшее приёмник телепорт-башни в Сердце Тьмы, но смогли сделать это лишь частично. Хрум дневал и ночевал в телепорт-башне Замка-в-Скале, не находя себе места, и когда он услышал мой зов, кинулся в охренительный круг, не обращая внимания на предостерегающие крики магов. Хрум рисковал — из-за недоснятого заклатья телепортация работала ненадёжно, его могло впечатать в стену башни во дворце или размазать в пространстве, — но рыцарь поступил так, как поступил бы любой настоящий мужчина, спасающий свою любимую. И ему повезло: отделался парой ссадин, ударившись о камень башни, — боги Вселенной хранят влюблённых и отважных. Он тоже меня чувствовал, знал, где я нахожусь, и прорубился в купол, воспользовавшись тем, что тёмные увлечённо резали друг друга. Дальнейшее вы тоже уже знаете. В общем, мой муж тоже признался во всём, но я всё равно не слезала с него всю ночь, и мы потом подрыхли до полудня — тактичные хозяева замка не стали нас будить.

А на Территории Тьмы в результате всей этой истории произошли очень большие изменения. Трон Чёрного Владыки не достался никому — за него дрались слишком многие, причём силы у них у всех были примерно равными. И тёмное королевство развалилось на

целую кучу маленьких уделов — гумы, вампиры, орки, гоблины, тролли и ведьмы поспешили создать свои типа независимые республики. Потом они, правда, пытались объединиться, но у них ни хрена не вышло — суровой руки Чёрного Владыки больше не было, а доверять друг другу тёмные эххи не умели. Вот так на Полночной стороне вместо одной единой державы появились Разъединённые Штаты, как их называли сами обитатели Территории Тьмы.

Тысячелетняя угроза истребительной войны исчезла, хотя западные Разъединённые Штаты остались для светлых источником беспокойства. Горячие головы из молодых боевых магов Полуденной стороны предлагали эльфийскому королю провести зачистку Территории Тьмы, вплоть до полного уничтожения всех тёмных, однако Шумву-шах на это не пошёл.

— Истребление миллионов разумных, — сказал он, — это преступление, особенно если они не представляют для нас организованной угрозы. И никто не знает, как это преступное деяние скажется на наших потомках, — Весы качнутся, и чёрное семя может прорасти среди нас самих. Миры светлеют постепенно, иначе будет ожог. Мы не черномаги — мы не будем жечь. А если у вас, молодые, слишком много энергии, найдите ей другое применение — идите за черту Загадочных Вод и узнайте, что там. Все Миры Вселенной сферичны, а нам до сих пор не ведомо, что представляет собой обратная сторона Эххленда, и почему она для нас закрыта.

Мы вернулись в Ликатес. Все страхи были позади, и я вспомнила о маме и Алексее — они ведь там с ума сходят, считая нас с Шепотком погибшими. Вернуться на Землю я не могла — это было бы путешествие в один конец, а вновь расстаться с Эххлендом и с Хрумом (и теперь уже навсегда) я не хотела ни в коем случае. И тогда я вдруг вспомнила о тех, кто проникают в наше виртуальное пространство: о Любознательных.

Разыскать такого умельца мне помог Причесах, навестивший нас в Ликатесе вскоре после нашего возвращения. Страж Порталов залечил свои раны и выздоровел, но в Рошу не вернулся: он пошёл на повышение и стал в Гильдии магом-наставником, а в его отстроенном доме поселился новый страж, не так давно окончивший Академию Магии в Камероне. Маг-хакер мне не очень понравился — он слишком надувал щёки и вообще корчил из себя незнамо что, — но дело своё он сделал: отправил маме на наш домашний комп голосовое сообщение с уведомлением на её сотовый. Я постаралась рассказать всё, что со мной приключилось, как бы дико оно не звучало для любого как бы здравомыслящего человека с планеты Земля, а чтобы мама не приняла моё сообщение за жестокий розыгрыш, упомянула кое-какие мелочи из моего детства, о которых знали только она да я. Я пообещала, что приеду погостить, если представится такая возможность, сказала, что я счастлива, и передала привет от Шепотка. Я попросила маму поцеловать от меня дядю Лёшу и очень надеялась, что они оба успокоятся и не будут за нас переживать — в конце концов, дети вырастают и уходят от родителей, это закон жизни, а тогда какая разница, куда вышла замуж взрослая дочь: в Австралию или в параллельный мир? Ответа я не получила — связь была односторонней, — но Любознательный гарантировал, что моё послание дошло до адресата. И я ему поверила — ведь эххи не врут.

* * *

На меня упала чья-то тень, и я сразу, не открывая глаз, поняла, кто ко мне подошёл — как же я могла его не узнать?

— Ты очень красивая, — сказал Хрум, глядя на меня с улыбкой.

— Да, я такая, — согласилась скромная я. Compliments вообще приятная вещь, а когда их тебе говорит муж, которому вроде бы уже нет нужды их говорить, это приятно вдвойне. И к тому же я верила, что мой рыцарь сказал это искренне — я лежала на траве в минимальном купальнике, стройная, загорелая: картинка, а не женщина! Между прочим, я стала в Ликатесе кем-то вроде законодательницы мод: эххийки здорово отстали от землянок по части нижнего белья, и здешние красавицы мигом взяли на вооружение наши открытия в

этой области.

— Надеюсь, ваша светлость не принёсла какую-нибудь дурную весть, которая может испортить мне выходной? — промурлыкала я, когда де Ликатес устроился рядом со мной на травке. — Можно загорать дальше?

— На Полуденной стороне всё спокойно, герцогиня, — в тон мне отозвался рыцарь, — и я с удовольствием составлю вам компанию. А где Шепоток? — спросил он, ища глазами сына.

— Воюет с призраками вместе с другими юными рыцарями и спасет прекрасных дам — вон он, видишь? Только он скоро перестанет быть Шепотком — на день рождения он получит в подарок взрослое имя: Кассандр. Между прочим, он сам себе его выбрал — здорово, правда?

— Да, это необычно, — согласился Хрум, — ведь ему всего пять лет. Хотя с его даром — чему тут удивляться? А это имя, оно что-то значит на языке твоего родного мира?

— Кое-что значит. Вообще-то известно женское производное от этого имени — была одна оригинальная особа, которая...

Продолжить лекцию по древнегреческой мифологии мне не дал Сашуля — он заметил появление Хрума и побежал к нам. Вернее, Шепоток не бежал — он скользил по-над травой, не пригибая тонких стеблей. Никак не могу привыкнуть, что мой сын пользуется магией вот так, походя, — для него это так же естественно, как дышать.

— Здравствуй, отец! — закричал он, подбегая к Хруму.

— Здравствуй, сын, — ответил герцог, поднимая вверх правую руку.

Отец — сын... Нет, это не было игрой. По возвращении в Ликатес мы рассказали Саше всё о его настоящем отце — по-другому не могло и быть. Шепоток внимательно выслушал, задумался и выдал своё резюме:

— Вернуться в этот мир нам помог он, — тут он посмотрел на Хрума, — он защищал нас от летучих гидр, и он пришёл за нами в Сердце Тьмы. И он твой муж, мама, а король Шумву-шах — я его даже ни разу не видел. Мой отец — рыцарь де Ликатес.

Я, конечно, не приняла всерьёз эту его тираду — мало ли что скажет четырёхлетний ребёнок, пусть даже необычный, — но оказалось, что я плохо знаю эххийские законы. Хрум обратился в Совет Чародеев, и архимаги отнеслись к словам Саши куда серьезнее. Они сочли их достаточным основанием для того, чтобы признать Шепотка сыном ликатесского герцога. Не знаю, как отнёсся Шумок к решению архимагов лишить его отцовских прав, но спорить с ними он не стал, и мой сын стал сыном де Ликатеса — самым что ни на есть законным.

— Ну что, — спросила я, взъерошивая светлые волосы сына, — ты победил всех злодеев, великий воитель?

— Их много во всех мирах, — очень серьёзно ответил маленький рыцарь, — их трудно всех одолеть. Но я постараюсь, мама, — когда вырасту. И ещё... — он вдруг запнулся. — Мне очень здесь нравится, это мой мир, но где-то там, — Шепоток посмотрел в голубое небо, — где я родился, остались бабушка и дедушка, и они, наверно, скучают обо мне и о тебе, мама. Я хотел бы их навестить... — и Саша тяжело вздохнул.

— Мы обязательно их навестим, — пообещала я, — сразу, как только сможем.

— И ещё, — продолжал Шепоток, уютно устраиваясь между мной и Хрумом, — в том нашем мире очень много зла, я его чувствовал, я помню. Здесь мы победили тёмных, а там ещё нет — разве это справедливо? Я хочу вернуться на Землю и помочь людям стать светлее. Это только эххи не могут вмешиваться в судьбы других Миров, а я ведь наполовину человек, значит, мне можно, правильно?

Вот это да! Кто бы мог подумать, что в головёнке моего сынули бродят такие мысли? Да, дети взрослеют быстро, особенно очень необычные дети двух миров...

— Ты прав, сынок, — сказала я, — так будет справедливо. Только ты сначала подрасти, ладно? И будет лучше, если ты вернёшься туда не один — один в поле не воин, помнишь такую пословицу?

— Помню. Но ведь ты пойдёшь со мной, отец?

— Конечно, сын, — де Ликатес осторожно положил ему на плечо свою тяжёлую руку. — Я пойду с тобой, и буду прикрывать тебе спину.

— Это, конечно, хорошо, — вмешалась я, — но я имела в виду немножко другое. Было бы совсем неплохо, если бы рядом с тобой, Кассандр, шёл брат. Или сестра, неважно. Что ты об этом думаешь, Хрум? По-моему, давно пора, а?

Де Ликатес молча кивнул и улыбнулся мне в ответ своей замечательной улыбкой. А мальчик по имени Кассандр смотрел на нас обоих своими зеленоватыми глазищами и тоже улыбался — он ведь тоже всё понял, умница моя.

К О Н Е Ц